

1. April 1500 of the River de Sava in Moldavia

Л.Е. Семенова

**Дунайские княжества
в международных отношениях
в Юго-Восточной Европе
(конец XIV - первая треть XVI в.)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ЮГОСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И СОТРУДНИЧЕСТВА "СЛАВЯНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ"

Л. Е. Семенова

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(конец XIV – первая треть XVI в.)

Ответственный редактор
академик РАН Г. Г. Литаврин

Москва, 1994

Рецензенты:

**доктор исторических наук Б. Н. Флоря,
доктор исторических наук С. Ф. Орешкова**

ISBN 5-900698-18-1

**© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1994**

ВВЕДЕНИЕ

Конец XIV – первая треть XVI в. явились важным периодом в истории Юго-Восточной Европы, когда под влиянием распространения османских завоеваний, особенно после захвата в 1453 г. султаном Мехмедом II Константинополя, шло формирование определенных тенденций в политических взаимоотношениях европейских государств, специфика которых отразилась на всей последующей истории региона. Проявлению этих тенденций способствовал начавшийся процесс оформления общеевропейской политической системы, испытывавшей, в свою очередь, воздействие изменений, происходивших на юго-востоке континента.

В рассматриваемый период в Юго-Восточной Европе, ставшей объектом османской экспансии, сталкивались интересы ряда стран – Венеции, королевства Венгрии, Польши; исходя из своих планов, действовало здесь и папство; с начала XVI в. особую активность стали проявлять австрийские эрцгерцоги Габсбурги, выступавшие в качестве правителей Священно-Римской империи. Если для народов Юго-Восточной Европы борьба с османами была связана с решением их судеб, то для европейских правителей она являлась вопросом политики, которая под флагом антиосманских действий преследовала цели утверждения позиций той или другой страны в регионе.

Осуществление европейскими государствами этой политики происходило в сложной дипломатической борьбе, выявлявшей то серьезное влияние, которое оказывала опасность продвижения османов в Европу на политическую жизнь каждой из европейских стран и на взаимоотношения между ними. С одной стороны, предпринимаются все более настойчивые попытки к созданию антиосманской коалиции европейских государств на основе концепции христианского универсализма, к возрождению в политической идеологии ряда католических стран идеи "крестовых походов". В то же время реализация таких планов входила в противоречие с

конкретными интересами отдельных государств в Европе, с тенденцией сохранения политического равновесия между ними*. Но именно это противоречие имело решающее воздействие на ход эволюции общеевропейской политики.

Османское государство, превратившееся к началу XVI в. в большую и сильную империю, оказывавшую влияние на судьбы стран Европы, Азии и Африки, становится важным фактором европейской политической жизни. В условиях формирования ряда крупных феодальных государств в Европе и усиливавшегося в связи с этим соперничества между ними за позиции на мировой арене, в частности за утверждение в юго-восточном регионе, европейские правители начинают вступать в союзные отношения с Османской империей.

Указанная тенденция в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV – первой трети XVI в. являлась основной причиной той сложности в политических взаимоотношениях европейских государств, в которой была заинтересована Порта для осуществления султанских планов расширения европейских владений.

В общем контексте международной жизни Юго-Восточной Европы в рассматриваемое время определенное место занимали Валашское и Молдавское княжества, или, как принято их называть в исторической литературе, Дунайские княжества. В силу своего географического положения они оказались втянутыми в конфронтацию Османской империи и государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

Главной целью стратегических планов утверждения османов в юго-восточном регионе Европы было приобретение ключевых позиций на Черном море и на Дунае, что позволило бы укрепить торгово-экономический потен-

* Имеется в виду стремление европейских правителей к обеспечению интересов своих стран с учетом взаимоотношений других государств. В этой тенденции проявлялось диалектическое взаимодействие внутренних и внешних факторов в политике каждой из стран и в отношениях между ними.

циал империи. Претворение в жизнь этих планов сталкивалось с интересами европейских стран, прежде всего, Венеции, королевства Венгрии и Польши, стремившихся к установлению контроля над важнейшими путями черноморской торговли и дунайской торговой артерией.

Придавая важное значение стратегическому положению Валашского и Молдавского княжеств, их экономическим и материальным ресурсам, соперничавшие в регионе стороны были заинтересованы в укреплении в них своего влияния. Особую заинтересованность в этом отношении проявляли соседние Польша и Венгрия. При этом происходила не только конфронтация между ними и Османской империей, но и столкновение их внешнеполитических интересов из-за преобладания в княжествах. В этих условиях молдавский и валашский господа в интересах сохранения власти использовали соперничество Венгрии и Польши, их конфронтацию с Османской империей, лавируя между ними в зависимости от расстановки сил в регионе, от внутривполитической обстановки в самих княжествах.

Международная ситуация, складывавшаяся в Юго-Восточной Европе в конце XIV – первой трети XVI в., оказывала непосредственное воздействие на внешнеполитическое положение Дунайских княжеств. В то же время выявлялась определяющая роль внутривполитического фактора, ибо соперничавшие страны с целью усиления своих позиций в княжествах постоянно вмешивались в борьбу группировок молдавского и валашского боярства за господарский престол.

Главным фактором, влиявшим на расстановку политических сил в регионе и на международное положение находившихся здесь стран, была османская угроза. Для Дунайских княжеств предотвращение подчинения османам стало в рассматриваемый период первоочередной задачей, с осуществлением которой связывались и отношения княжеств с другими государствами, в частности с соседними Польшей и Венгрией, в свою очередь заинтересованными в позиции валашского и молдавского господарей в условиях усилившейся османской опасности на юго-востоке Европы.

Таким образом, само международное положение княжеств в регионе выдвигало на первый план в их внешней политике османскую проблему. Именно это обстоятельство дает основание из всех аспектов внешнеполитической истории Дунайских княжеств конца XIV – первой трети XVI в. выделить для изучения их отношения с Османской империей.

В историографии достаточно работ, освещающих политическую историю княжеств этого периода. Следует отметить, что наибольшее внимание исследователями было уделено истории Молдавского княжества второй половины XV в. Объясняется это не только наличием широкого круга опубликованных источников, но и особым интересом историков к правлению выдающегося для своего времени господаря Штефана III Великого (1457–1504), когда проводимая им политика усиления центральной власти позволила в ходе успешных антиосманских военных акций сохранить независимость княжества. Между тем внешняя политика Валахии, переживавшей в это время под давлением османской угрозы состояние внутривластной неустойчивости, оказалась менее изученной. Эта диспропорция в освещении внешнеполитической истории княжеств сохраняется в литературе и по периоду первой трети XVI в. Сказанное в равной мере можно отнести к современной как отечественной, так и зарубежной историографии.

Вопросы международного положения княжеств в конце XIV – первой трети XVI в. заняли значительное место в трудах румынских историков межвоенного периода. Они нашли отражение в изданных в то время монографиях о жизни и деятельности молдавских и валашских господарей XIV–XVI вв. Внешнеполитическая история княжеств, их отношения с османами рассматривались в ряде обобщающих и специальных исследований таких видных ученых, как Н. Йорга, А. Ксенопол, К. Джуреску¹ и др.

В современной румынской историографии уделяется большое внимание проблеме отношений княжеств с османами, вводятся в научный оборот новые материалы, при этом важное значение придается изучению архивов

Турции, издаются публикации турецких документов². Особый интерес здесь представляют работы М. Мехмеда, Т. Джемила и М. Максима³. В последней монографии Т. Джемила на основе всего комплекса источников, в первую очередь турецких, анализируются юридический статус Молдавского и Валашского княжеств, их политические и экономические отношения с Османской империей в XIV–XVI вв.⁴

Внешняя политика Штефана Великого, международное положение Молдавского княжества и молдавско-османские отношения в период его правления исследуются в трудах Шт. Папакости, Шт. Горovej⁵. Внешнеполитическая история княжества в XVI в. освещена в работах Х. Урсу, Д. Чури, Шт. Горovej, К. Резакевича и др.⁶ История Валахии XIV–XVI вв. в частности, внешняя политика княжества и его отношения с османами рассматриваются Шт. Штефэнеску⁷. Отдельные стороны внешнеполитического положения Молдовы и Валахии этого периода нашли отражение и в ряде других работ современных румынских историков*.

Некоторых аспектов проблемы касались и ученые Республики Молдова. Так, молдавско-османские отношения последней четверти XV – первой трети XVI в. изучались Г. В. Гонцой⁸.

В отечественной историографии тема отношений Молдавского и Валашского княжеств с Османской империей в конце XIV – первой трети XVI в. не была предметом специального исследования, хотя отдельные ее сюжеты и затрагивались в некоторых работах. В частности, в статье С. Ф. Орешковой анализировались опубликованные ранее данные, касающиеся подчинения Валахии османам⁹. Взаимоотношения Дунайских княжеств с Османской империей в XV–XVI вв., их место в международных отношениях в Юго-Восточной Европе рассматривались в работах автора данной книги¹⁰.

В целом же проблема еще недостаточно изучена. В

* См. примечания к главам I–III книги.

современной исторической литературе сохраняются расхождения между учеными в освещении характера взаимоотношений Молдавского и Валашского княжеств с османами в XIV–XVI вв., в оформлении их статуса в системе империи. Между тем эти вопросы приобретают важное значение в контексте продолжающихся дискуссий по проблеме османского господства на Балканах. В зарубежных исторических трудах последнего времени прослеживается стремление к идеализации государственно-правовой системы Османской империи и ее политики в Юго-Восточной Европе; распространяется, в частности, мнение о положительной роли османов в истории Балкан, о "благодетельности" их власти для покоренных народов.

В румынской и турецкой историографии стала преобладать точка зрения о реальности существования в XIV–XVI вв. султанских актов, обеспечивавших Дунайским княжествам в обмен за уплату дани автономию в системе Османской империи. Некоторые авторы подчеркивают суверенитет княжеств и их равноправие в отношениях с Портой, благодаря чему, как они полагают, княжествам удавалось сохранять территориальную целостность¹¹. Такие взгляды обосновываются ссылками на так называемые "капитуляции", или "договоры" валашских и молдавских господарей XIV–XVI вв. с султанами, содержавшие, якобы, условия признания княжествами османского сюзеренитета и фиксировавшие их автономные права¹².

Однако до сих пор оригиналы "договоров" учеными не обнаружены. Их тексты фигурируют в исторической литературе в разных списках и с различной датировкой. Проведенный автором книги их источниковедческий анализ на основе новых архивных материалов и сопоставлении всех имеющихся в настоящее время в распоряжении исследователей данных дает основание утверждать, что "договоры" являются документами конца XVIII в. и появление их связано с идеологией освободительного движения в Дунайских княжествах того времени.

Предпринятое исследование конкретной истории от-

ношений княжеств с османами в конце XIV – первой трети XVI в. показывает, что эти отношения не были результатом каких-либо соглашений или договоров, тем более равноправных. Их формирование происходило под влиянием как внутривосточного положения в Валахском и Молдавском княжествах, так и в самой Османской империи, а также международной обстановки в Юго-Восточной Европе. Отсюда и поставленная в монографии задача – проследить эволюцию взаимоотношений княжеств с Портой в контексте международных отношений в юго-восточном регионе, выявляя диалектическую взаимосвязь внутренних и внешних факторов, оказывавшую в конечном итоге решающее влияние на ход событий. Такой подход в исследовании проблемы позволяет рассмотреть объективные предпосылки складывавшихся отношений Дунайских княжеств с Османской империей, характер этих отношений, влиявших наряду с международной ситуацией на их внешнеполитическое положение.

В данном аспекте автор сосредоточивается на том, чтобы проследить процесс установления вассальной зависимости Валахского и Молдавского княжеств от Порты и проявления особенностей их положения в системе Османской империи, определить время завершения этого процесса для каждого из княжеств.

Задачам исследования соответствуют и хронологические рамки монографии – конец XIV – первая треть XVI в. Именно в этот период формировались главные тенденции в отношениях Валахского и Молдавского княжеств с османами, оформлялся статус княжеств в системе империи, определявший в дальнейшем их взаимоотношения с Портой и оказавший серьезное влияние на всю их последующую историю, на их социально-экономическое, политическое и культурное развитие.

Реализация поставленных задач в изучении темы базируется на привлечении и анализе весьма широкого круга источников*. Значительную часть их составили материалы многочисленных собраний документов, ле-

* Перечень публикаций документов и архивных материалов, использованных в книге, см. в списке сокращений и разделе "Примечания".

тописей, опубликованных в разное время в Румынии. Особую ценность представляют осуществленные в последнее время румынскими туркологами публикации (с переводом на румынский язык) турецких документов и хроник, относящихся к истории Румынии, а также отдельные турецкие источники, введенные в научный оборот румынскими учеными в ряде статей и исследований. В своей работе над книгой автор использовал также данные из польских, русских и других документальных коллекций.

Были предприняты многолетние изыскания в российских архивохранилищах, а также Рукописном отделе библиотеки Академии Румынии. В результате выявлены дополнительные материалы, позволившие расширить круг свидетельств о внешнеполитической истории Дунайских княжеств, их отношениях с османами в конце XIV – первой трети XVI в., сопоставить новые данные с опубликованными источниками и существующей в исторической литературе трактовкой некоторых вопросов изучаемой темы. Особый интерес представляют документы, дающие возможность проследить историю появления в литературе текстов "капитуляций", на основе источникововедческого анализа выдвинуть гипотезу их происхождения.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В СИСТЕМЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Проблема "капитуляций" в историографии

В исторической литературе общепризнано, что, находясь в системе Османской империи, Дунайские княжества сохраняли свою государственность, пользовались до начала XVIII в. (времени установления правления в княжествах господарей-фанариотов) значительными автономными правами.

В румынской историографии XIX в. утвердилась концепция оформления этого статуса княжеств путем договоров, вошедших в литературу под названием "капитуляций" или "старых договоров" валашских и молдавских господарей с турецкими султанами в XIV-XVI вв., содержавших, якобы, условия признания княжествами османского сюзеренитета.

Уже в начале XIX в. появился ряд исторических трудов, заложивших основы этой концепции. В 1819 г. в Вене Дионисий Фотино издал на греческом языке "Всеобщую историю Дакии" (перевод Г. Сиона опубликован в Бухаресте в 1859 г.)¹. По описанию Фотино, Валахия подчинилась османам при господаре Мирче Старом, который после битвы при Никополе в 1393 г. согласился платить дань в 3 тыс. красных пиастров султану Баязиду I с условием признания автономии и невмешательства османов в дела княжества. Второе подчинение княжества Фотино относил к 1460 г. (период правления Лайоты)². Молдавское же княжество подчинилось Порте, как считал Фотино, при господаре Богдане III (1504-1517) пославшем к султану Баязиду II логофета Иона Тэута во главе бояр с дарами и извещением о готовности уплачивать ежегодную дань. С этим посольством Фотино связывал издание султанской грамоты (хаттиумаюна), утверждавшей привилегии Молдавского княжества. Как писал Фотино, султан вручил Тэуту грамоту и подарил

деньги, использованные логофетом на строительство церкви в с. Белинешти в Сучавском уезде³.

Фотино утверждает, что акты о подчинении Валахии он нашел в записках, принадлежавших Александру Вэкэреску, отец которого Енаке Вэкэреску, находясь в Стамбуле, скопировал ряд документов по императорским реестрам⁴. Эта коллекция документов никем более в литературе не упоминается и считается утерянной⁵. Однако существование ее представляется сомнительным. Перу просвещенного боярина Енаке Вэкэреску, хорошо знавшего турецкий язык и неоднократно бывавшего в Стамбуле в составе валашских депутатий после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., принадлежит "История всесильных оттоманских императоров", написанная после 1778 г.⁶ В ней Енаке, касаясь правления султана Мехмеда I, дает и описание подчинения Валахии османам. Он пишет, что в 1418 г. господарь с боярами, посоветовавшись, подчинились Мехмеду I, стали его данниками, сохранив все привилегии, обычаи и порядки княжества⁷.

То есть описание подчинения Валахии османам у Енаке Вэкэреску отличается от изложения этого акта Дионисием Фотино. Если, как пишет Фотино, в распоряжении Енаке были копии названных выше документов, то почему же он дает другое описание событий, связанных с подчинением Валахии султану? Скорее всего этих документов не было, и утверждение Фотино безосновательно.

Видимо, источником для описания Фотино являлась версия Михаила Кантакузино о подчинении при Мирче и Лайоте, изложенная им в исторических и статистических записках по Валахии в 1776 г., которые были опубликованы Тунусли на греческом языке в 1806 г. в Вене⁸. Тогда почему же Фотино ссылается на коллекцию документов Енаке Вэкэреску? Разгадка, на наш взгляд, состоит в том, что среди бумаг валашского боярина, участвовавшего после 1774 г. в составе депутатий от княжеств в представлениях Порте древних прав и привилегий Валахии, могли находиться материалы с описанием М. Кантакузино о подчинении княжества османами при Мирче и Лайоте.

На основе данных Фотино Ф. Колсон опубликовал в 1839 г. в Париже тексты актов, закреплявших права Валахского и Молдавского княжеств в отношениях с Османской империей⁹. В переводе Д. А. Стурдзы эти документы были напечатаны в 1856 г. в Яссах.

В 1845 г. М. Когэлничану опубликовал рукопись под названием "Старые трактаты, которые имела Молдова с Оттоманской Портой" с указанием, что она была найдена в составе одной из копий летописи Н. Костина¹⁰. Публикация представляла собой описание подчинения Молдавского княжества османам при государе Богдане III, пославшем с данью к султану логофета Тэута, и содержала изложение султанской грамоты, гарантировавшей княжеству определенные права и привилегии. Позднее данный текст, получивший в литературе название "Трактатов", вошел в издание летописей М. Когэлничану¹¹.

Другой вариант этого же текста напечатал Т. Кодреску в Яссах в 1857 г. в составе документа под заглавием "Автономия Молдовы. По заметкам местного писателя XVIII в."¹². Автор заметок указывал, что трактат, утверждавший права Молдовы, хранился в архиве княжества до 1686 г., когда он погиб в результате пожара во время захвата Ясс Яном Собеским¹³.

Издания Д. Фотино, Ф. Колсона и М. Когэлничану послужили источником для последующих публикаций этих документов в XIX в. и их распространения в исторической литературе. Важное значение "капитуляциям" стали придавать в середине XIX в. в период движения за объединение княжеств. В связи с Парижским мирным конгрессом 1856 г., в работе и решениях которого было уделено большое внимание вопросу о дальнейшем государственном устройстве Валахии и Молдовы, проявился интерес европейской общественности к их истории¹⁴.

Этому не в малой степени способствовали сами идеологи Дунайских княжеств, которые, ратуя за объединение на основе традиции национального суверенитета, популяризировали "капитуляции" как реальные документы, представлявшие договоры валахских и молдавских господарей с султанами в XIV-XVI вв. и утверждав-

шие суверенные права княжеств. Тексты "капитуляций" стали использоваться патриотическими силами княжеств для обоснования программы национального освобождения. Не случайно, например, самые ранние для XIX в. списки "Трактатов" сохранились среди документов, относящихся ко времени этеристского движения в княжествах и восстания в Валахии под руководством Тудора Владимиреску¹⁵.

Идеологи унионизма (объединения), отказавшись от революционного пути за объединение княжеств и стремясь добиться его при поддержке европейских держав, ссылались на "капитуляции" как историко-юридическую основу при определении международного статуса и устройства будущего единого государства. В период движения за объединение и оформилась историческая концепция договорных отношений Дунайских княжеств с Османской империей, основанных на "капитуляциях", якобы, обеспечивавших автономию и суверенитет княжеств в обмен за уплату дани султану.

В середине прошлого века появились сочинения с обоснованием концепции договорных отношений Дунайских княжеств с Портой в XIV–XVI вв., широко публиковались тексты "капитуляций". Чаще всего приводились договоры с султанами валашских господарей Мирчи Старого, Басараба Лайоты, Влада Цепеша, молдавского господаря Богдана III. Поскольку оригиналов этих текстов не было (и исследователям до сих пор не удалось их обнаружить), печатались они по разным спискам и с разными датировками (соответственно относили их к правлению то одного, то другого султана). "Капитуляции" включались в различные коллекции документов, издававшиеся в Бухаресте и в Яссах¹⁶, их достоверность в исторических сочинениях не подвергалась сомнению.

Тексты "капитуляций" как подлинных документов XIV–XVI вв. начинают фигурировать в европейских публикациях и исторической литературе XIX в.¹⁷ Ссылки на них появились и в трудах русских историков¹⁸. Хотя представитель Турции на заседании Парижской конференции 10 августа 1858 г. официально заявил, что Порта не может признать аутентичности текстов "старых дого-

воров”, на которые ссылаются Дунайские княжества и которые были представлены ими конгрессу в 1856 г.¹⁹, тем не менее эти тексты из европейских коллекций проникли и в собрания документов, издававшиеся турецкими учеными²⁰. ”Капитуляции” были также положены в основу статей Парижской конвенции 1858 г., гарантировавших политическую автономию княжеств²¹. Таким образом, в XIX в. ”капитуляции” рассматривались как реально существовавшие документы.

Дальнейшее развитие источниковедения и методики научных исследований в начале XIX в. поставило перед учеными вопрос о подлинности ”капитуляций” как исторических источников.

В 1902 г. при издании ”Родословной Кантакузинов”, написанной Михаилом Кантакузино, где приводились тексты о подчинении Валахии османам при Мирче Старом и при Лайоте, Н. Иорга высказал мнение о том, что они представляют собой позднейшую версию отношений княжества с Портой, существовавших в XV в.²². О недостоверности этих ”капитуляций” как источников XV в. Н. Иорга писал и в ”Истории румынского народа”, вышедшей в 1905 г.²³.

Точку зрения Н. Иорги поддержал И. Миня. Исследуя внутренние и международные условия Валахии времени правления Мирчи Старого, он сделал предположение, что первую дань Валахии Порте уплатил не Мирча, а его соперник Влад, вошедший в историю под именем Узурпатор²⁴.

Серьезный источниковедческий анализ ”капитуляций” провел К. Джуреску в работе ”Капитуляции Молдовы с Османской Портой”, изданной в 1908 г.²⁵. Он подверг критическому разбору опубликованные М. Когэлничану тексты ”Трактатов”, содержавшие изложение условий подчинения Молдавского княжества Порте в 1512 г. при государе Богдане III, и установил, что они не имеют никакой связи с летописью Н. Костина²⁶. Самый ранний список ”Трактатов” К. Джуреску относил к периоду после 1804 г.²⁷. Сравнив свидетельства других исторических источников с содержанием ”Трактатов”, он пришел к выводу, что последние являются подделка-

ми конца XVIII в., целью которых было доказать обоснованность требований о восстановлении древних привилегий княжеств.

Одновременно с работой К. Джуреску в 1908 г. вышла в свет книга С. Лонджинеску по истории румынского права. Основываясь на юридическо-правовых принципах и нормах, он доказывал возможность существования договорных отношений Дунайских княжеств с Портой в XIV–XVI вв. В частности, С. Лонджинеску считал, что в 1512 г. между молдавским господарем Богданом III и султаном Селимом I был заключен договор, оформлявший отношения княжества с Османской империей²⁸.

Работа К. Джуреску вызвала большой интерес румынских историков к проблеме установления османского сюзеренитета в Молдавском княжестве. В межвоенной румынской историографии по мере выявления и накопления новых источников появлялись труды, авторы которых уточняли и развивали отдельные аспекты поднятой К. Джуреску проблемы. В исторической литературе развернулась дискуссия о времени признания Молдавским княжеством вассальной зависимости от Османской империи.

Ю. Маринеску в 1910 г. высказал мнение, что произошло это в 1514 г., в период правления Богдана III²⁹. В появившемся в 1914 г. специальном исследовании Н. Константинеску "Начало и установление турецкого сюзеренитета в Молдове" обосновывалось положение о том, что установление вассальных отношений княжества с Портой относится ко второму правлению господаря Петра Рареша (1541–1546), что до этого времени княжество уплачивало только дань султану, не являясь его вассалом³⁰. Против такой постановки вопроса выступил в том же году Г. Загориц. Он считал исторически неправомерным понятие даннических отношений без вассалитета. Загориц относил установление вассальных отношений княжества с Османской империей к 1497 г., когда Штефан Великий признал себя подданным султана³¹.

На основе анализа документов эпохи молдавского господаря Петра III Арона, изданных историками в публикациях 20–30-х годов³², Ф. Бабингер выступил в 1936 г. с

мнением о том, что первая дань Порте была уплачена Ароном не в 1456 г., а в сентябре 1455 г.³³. Точка зрения Ф. Бабингера была поддержана Н. Белдичану, который пришел к заключению, что между Молдавским княжеством и Османской империей существовал ряд договоров. Относя уплату первой дани султану к 1455 г., автор не связывает ее с оформлением отношений княжества с Портой путем договора, произошедшим, как он полагает, в правление Штефана Великого между 1487 и 1489 гг.³⁴. Н. Белдичану допускает возобновление этого договора при Богдане III в 1514 г.³⁵, когда султан увеличил молдавскую дань с 4 до 8 тыс. золотых. И третий договор, по мнению автора, был заключен после экспедиции Сулеймана I в 1538 г. в Молдавское княжество, в результате которой княжество стало действительно вассальным по отношению к Османской империи³⁶.

В 1945 г. А. Дечей опубликовал найденную им в библиотеке Стамбула турецкую копию XV в., которую он рассматривал как договор между Штефаном Великим и Мехмедом II и датировал его 1479 г., аргументируя сложившимся внешнеполитическим положением Молдавского княжества в то время, когда мирные отношения с Портой установили Венгрия, Польша и Венеция³⁷.

С возражением А. Дечею выступил Н. Григораш. По его мнению, рассмотрение внешнеполитического положения Молдавского княжества в 70-е годы XV в. не дает оснований для такого утверждения. Штефан III мог заключить договор с Портой, как пишет Н. Григораш, только в период правления Баязида II. Он относит установление мирных отношений молдавского господаря с султаном к 1486 г., полагая, что они продлились до 1496 г.³⁸.

Новый этап в изучении проблемы начался в румынской историографии после 1944 г. В послевоенный период немало внимания уделялось освещению истории освободительной борьбы румынского народа против османского владычества. В связи с этим значительное место в работах румынских историков стали занимать вопросы положения Дунайских княжеств в системе Османской империи, их отношений с Портой.

Проблема достоверности "старых договоров" княжеств с султанами в XIV–XVI вв. не поднималась. Большинство исследователей придерживалось точки зрения К. Джуреску, считая "капитуляции" версиями XVIII–XIX вв. В ряде работ разрабатывались и конкретизировались отдельные моменты истории отношений Дунайских княжеств с Османской империей в XIV–XVI вв. Важное значение придавалось выявлению и публикации новых документов, особенно турецких.

Касаясь времени первой уплаты Молдавским княжеством дани султану, П. Панаитеску пересмотрел тщательнейшим образом данные источников, сопоставил их с историческими событиями и фактами периода правления Петра Арона и пребывания на султанском троне Мехмеда II и пришел к заключению, что наиболее точной датой первой дани Порте является 1456 г.³⁹ В монографии, посвященной валашскому господарю Мирче Старому, П. Панаитеску утверждал, что так называемый договор Мирчи с султаном Баязидом I не может быть отнесен к 1391 или 1393 г. По его мнению, Мирча начал платить дань с 1415 г., но не Баязиду, а Мехмеду⁴⁰.

При исследовании румынскими историками периода Штефана Великого вносились уточнения в освещение его отношений с Османской империей. Так, Б. Кымпина считал, что Штефан заключил договор с Портой на условиях уплаты дани в 1481 г. и возобновил его в 1487 г.⁴¹.

Большое значение для изучения положения княжеств в системе Османской империи имели статьи М. Берзы о харадже Молдовы и Валахии в XV–XIX вв.⁴² На базе широкого круга опубликованных источников автор прослеживает эволюцию суммы ежегодной дани княжеств Порте на протяжении пяти веков.

Анализируя ряд турецких документов по истории отношений Молдавского княжества с Османской империей во второй половине XV в. М. Мехмед высказал предположение, что первым договором Молдавского княжества с Портой был подписанный Мехмедом II 9 июня 1456 г. документ, который историки расценивали как торговую привилегию султана белгородским (аккерман-

ским) купцам⁴³. Он предложил новый перевод опубликованной А. Дечеем турецкой копии договора Штефана Великого с Мехмедом II, датировав его 1479–1481 гг. По мнению М. Мехмеда, в 1487 г. международная и внутренняя обстановка заставили Штефана Великого возобновить договор с Портой, не менявший, однако, положение княжества, подчинение которого Османской империи происходит после Штефана III⁴⁴.

Итоги исследований румынскими историками в 40–50 годы вопросов отношений Дунайских княжеств с Османской империей в XIV–XVI вв. нашли отражение во втором томе академического издания обобщающей "Истории Румынии"⁴⁵.

В 60–70-е годы с усилением националистических тенденций в исторической науке Румынии тема отношений Валашского и Молдавского княжеств с османами в XIV–XVI вв. и проблема "капитуляций" приобрели особую актуальность. В освещении этой проблематики стало характерным преувеличение суверенитета и автономии Дунайских княжеств в отношении с Портой на протяжении всей истории их взаимоотношений. Была возрождена точка зрения румынской историографии XIX в. о заключении валашскими и молдавскими господарями в XIV–XVI вв. договоров, или "капитуляций", с султаном. В ряде трудов появились утверждения, что Дунайские княжества не входили в состав Османской империи и на протяжении многовекового соседства с ней сохраняли полную внутреннюю самостоятельность в обмен за уплату дани султану⁴⁶.

Наиболее отчетливо такие взгляды проявились в работах К. К. Джуреску. В 1970 г. он выступил на VII конгрессе по туркологии в Анкаре с развернутым тезисом об установлении на основе договоров валашских и молдавских господарей с Портой в XIV–XVI вв. особых отношений между Османской империей и Дунайскими княжествами, гарантировавших последним сохранение государственности, свободного экономического и политического развития. При этом османы, считал румынский историк, исходили из признания и оценки княжеств как важной военной и политической силы на юго-востоке

Европы⁴⁷. Эти положения в последующем были развиты К. К. Джуреску в книге "Спорные проблемы в румынской историографии", вышедшей в 1977 г.⁴⁸.

В 60-е годы в румынской исторической литературе вновь был поднят вопрос о подлинности "капитуляций". С обоснованием тезиса о том, что молдавский господарь Богдан III в 1512 г. заключил с султаном Селимом договор, оформивший вассальную зависимость Молдавского княжества от Порты, выступил в 1964 г. М. Нягое⁴⁹.

В 1972 г. Т. Джемил опубликовал две найденные в архиве Стамбула копии писем молдавских господарей⁵⁰. Первое, как он полагает, было написано господарем Богданом III султану Баязиду II в сентябре 1511 г. Автором второго письма Т. Джемил считает господаря Штефэницу (1517–1527) и относит дату его написания к периоду не ранее 26 июля и не позднее 29 августа 1521 г. На основе анализа и сопоставления содержания писем господарей с рядом источников начала XVI в. Т. Джемил делает вывод, отличающийся от мнения большинства румынских историков. Возражая С. Лонджинеску и М. Нягое, он пишет, что установление вассальной зависимости княжества от Османской империи не было результатом одного определенного договора, а представляло длительный во времени процесс⁵¹.

С поддержкой М. Нягое выступил в 1973 г. М. Чука. Он опубликовал документ, которым будущий султан Селим I подтверждал молдавскому господарю Богдану III полученные от Баязида II права рыболовства в реках и озерах северной части бассейна нижнего Дуная, принадлежавшей Молдавскому княжеству и перешедшей во владение османов после завоевания ими в 1484 г. Килии и Белгорода, а также права на получение доходов с прилегающих к этим водоемам территорий⁵². Документ этот был уже известен исследователям. Впервые его отметил М. Губоглу⁵³, затем он рассматривался Н. Белдичану⁵⁴.

М. Чука придает большое значение публикуемому документу в изучении истории политических взаимоотношений Молдавского княжества с Османской империей в начале XVI в. Он считает, что документ дает воз-

возможность уточнить дату заключения договора между Богданом и Селимом. Этот договор, по мнению М. Чуки, предшествовал подтверждению Селимом прав молдавского господаря, которое он датировал 25 января 1512 г. Признанием прав княжества, пожалованных Баязидом II, полагает ученый, Селим хотел привлечь молдавского господаря на свою сторону, сделать его своим союзником, подчеркнув, что союз с ним ничего не меняет в отношениях княжества с Портой⁵⁵.

Отдельные румынские историки продолжают обосновывать точку зрения, что оформление статуса Молдавского княжества в отношении с Османской империей происходит не при Богдане III, а при Штефане Великом. Странником ее является известный исследователь внешнеполитической истории Молдавского княжества второй половины XV в. Ш. Папакостя, который ссылается на свидетельства итальянского гуманиста Буонакорси-Каллимаха, участвовавшего в 1485–1486 гг. от имени польского короля в переговорах с Портой. В письме к римскому папе в 1490 г. Каллимах писал, что после ряда побед над султаном Штефан подчинился, но не под давлением оружия, а "на определенных условиях". Это известие Каллимаха, по мнению Ш. Папакости, доказывает существование договора Штефана с султаном Баязидом II. Датой его он считает 1489 г.⁵⁶.

На основе анализа турецких хроник Н. Белдичану приходит к выводу, что молдавско-турецкий договор был заключен в 1486 г.⁵⁷. Это мнение обосновывает и Шт. Горовей⁵⁸.

Относящиеся к Валахии "капитуляции" 1393 и 1460 гг. были проанализированы известным румынским историком Шт. Штефэнеску в книге "Валахия от Басараба I "Основателя" до Михая Храброго". Он признает, что тексты этих "капитуляций" не являются подлинниками и были составлены в конце XVIII в. Договора между Мирчей Старым и Баязидом I, по мнению автора, не существовало; Мирча обязался платить дань османам в 1415 г. по договору с Мехмедом I. Вторая же "капитуляция"; по утверждению Шт. Штефэнеску, могла быть заключена между Раду Красивым и Мехмедом II в

1462 г. после похода султана в Валахию⁵⁹. В то же время автор считает, что составители актов 1393 и 1460 г. исходили из реального положения княжества в XIV–XV вв., которое пользовалось автономией в обмен за уплату дани Порте⁶⁰.

Со второй половины XVI в., как отмечает Шт. Штефэнеску, автономия Валахии начинает нарушаться султаном, Порта все чаще вмешивается в дела Дунайских княжеств, назначая угодных себе господарей, увеличивая дань. В книге показываются изменения в положении Валахии во второй половине XVI в. в связи с усилением зависимости княжества от Османской империи⁶¹. Формулируя свое мнение относительно "капитуляций", автор пишет: "Если даже "договоры", или "капитуляции", как документы не существовали, автономия, которой добивались в XVIII–XIX вв. правящие круги княжеств, действительно существовала в XIV–XVI вв."⁶². Эта точка зрения была высказана Шт. Штефэнеску и в докладе на коллоквиуме турецких и румынских историков в Анкаре в 1977 г.⁶³.

Будучи вынужденными признать, что фигурировавшие в литературе с XIX в. тексты "капитуляций" являются документами XVIII–XIX вв., румынские историки в последнее время пишут о существовании в XIV–XVI вв. других подлинных актов, регламентировавших отношения княжеств с Османской империей и обеспечивавших им автономию. И. Матей считает, что статус автономии Дунайских княжеств в системе империи определялся в этот период актами султана-ахдаме, фиксировавшими двусторонние отношения и впоследствии периодически возобновлявшимися вплоть до XVIII в., когда права и привилегии княжеств стали связываться с капитуляциями⁶⁴.

Точка зрения новейшей румынской историографии по проблеме "капитуляций" получила наиболее полное отражение и обоснование в работах румынского турколога М. Максима. Он утверждает, что в основе текстов "капитуляций" лежали оригиналы более древних официальных турецких документов, которые гарантировали автономные права княжеств⁶⁵. Как полагает М. Максим,

эти документы по форме могли быть разными: ахднаме, хаттихумаюны, бераты, хаттишерифы; но, несмотря на выражавшиеся в них мусульманские претензии, по содержанию они являлись актами, фиксировавшими на практике взаимные права и обязанности, и выдавались Портой в результате переговоров⁶⁶, хотя это и противоречило официальным канонам ислама. В процессе отношений княжеств с Османской империей эти акты, по его мнению, возобновлялись, обеспечивая княжествам сохранение автономии и самостоятельности.

Как указывалось выше, что, хотя Порта никогда не признавала аутентичности "капитуляций", тексты их из европейских изданий проникли и в турецкие публикации конца XIX в. Данных о существовании турецких текстов "капитуляций" в литературе нет. Сама проблема "капитуляций" в турецкой историографии специально не исследовалась. Можно отметить лишь отдельные замечания в общих трудах по истории Османской империи. Так, в 30–40 годах турецкие историки Решад Экрем (Кочу) и И. Узунчаршылы считали "капитуляции" подлинными османскими актами XIV–XVI вв., предоставленными государям Дунайских княжеств⁶⁷.

Исходя из тезиса о положительной роли османских завоеваний в истории народов Юго-Восточной Европы⁶⁸, современная турецкая историография стремится затушевать негативные последствия владычества Порты в Дунайских княжествах и даже представить княжества не как вассальные султану, а как суверенные государства, имевшие с Османской империей отношения на двусторонней основе⁶⁹. Некоторые турецкие историки доходят до утверждения, что благодаря Османской империи Дунайские княжества сохраняли свою государственность и территориальную целостность⁷⁰.

В последнее время турецкие историки стали рассматривать "капитуляции" как документ, определявшие отношения Османской империи с Валашским и Молдавским княжествами. Так, по мнению Т. Гёкбилгина, "капитуляции", полученные валашским государем Мирчей Старым и молдавским государем Богданом III, возобновлялись султанами в последующем, обес-

печивая целостность и политическую самостоятельность княжеств⁷¹.

Итак, совершенно очевидна происходившая, в первую очередь, под влиянием политических факторов, определенная трансформация трактовки проблемы "капитуляций" в зарубежной историографии со времени появления текстов "капитуляций" в исторической литературе и начала использования их в европейской дипломатии.

В отечественной историографии проблема "капитуляций" не была предметом специального исследования. Но некоторые ее аспекты затрагивались в трудах отдельных специалистов. С. Ф. Орешкова в статье, посвященной вопросу о подчинении Валахии Османской империи, предприняла попытку на основе опубликованных материалов проследить историю появления в литературе "капитуляций" 1393 и 1460 гг.⁷².

Отношения Молдавского княжества с Османской империей в конце XV – начале XVI в. и в связи с этим вопрос о времени заключения осmano-молдавского договора рассматривались в работах Г. В. Гонцы⁷³. Он сделал интересное, верное, на наш взгляд, наблюдение о том, что в 1772 г., в период работы Фокшанского мирного конгресса, текста осmano-молдавского договора не было. Однако вывод Г. В. Гонцы о появлении этого текста на рубеже 20-х годов XIX в.⁷⁴ нуждается в корректировке.

Отдельные подходы к проблеме "капитуляций" предпринимались и автором настоящей книги⁷⁵.

Состояние историографии свидетельствует, таким образом, о необходимости дальнейшего исследования этой проблематики на новом уровне, основанном на пересмотре, сопоставлении и оценке всех имеющихся источников и особенно привлечении новых, в том числе архивных, материалов.

2. Происхождение "капитуляций"

Источниковедческий анализ их текстов

В исследовании проблемы "капитуляций" первостепенное значение имеет выяснение истории появления

первых их текстов, которые представлялись в литературе как реальные документы XIV–XVI вв., утверждавшие привилегии Дунайских княжеств в отношениях с османами. Решение такой задачи представляется возможным лишь на основе тщательного источниковедческого анализа этих текстов с использованием новых материалов и пересмотра всего комплекса имеющихся в распоряжении ученых свидетельств.

Прежде всего, что же представляли собой капитуляции как документы².

Известно, что османы в соответствии с нормами ислама допускали лишь терпимость к "неверным", никогда не признавая их равными с мусульманами. Отсюда религиозная и социальная, политическая и юридическая дискриминация христиан в Османской империи⁷⁶. Поэтому, устанавливая отношения с Портой, европейские правители добивались для своих подданных права экстерриториальной юрисдикции и ряда привилегий, закреплявшихся капитуляциями.

Капитуляции представляли собой предоставленные Портой европейским государствам акты, регулировавшие отношения между ними и Османской империей, в том числе торговые связи, а также положение подданных этих государств в империи. Согласно таким актам их консулы получали право юрисдикции над своими подданными, проживавшими на территории империи. В капитуляциях, касавшихся торговли Османской империи с европейскими государствами, взаимно оговаривалось положение торговцев с обеих сторон. Этим ограничивался элемент двусторонней договоренности в содержании капитуляций. По существу же они являлись односторонними актами Османской империи. Их характер четко определил К. Маркс, который писал: "Капитуляции – это имперские дипломы, грамоты о привилегиях, выданные Портой различным европейским государствам и разрешающие подданным этих государств беспрепятственно въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами и совершать богослужение по своему обряду... Капитуляции являются льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следова-

тельно, может по своему усмотрению отменить их"⁷⁷.

К XVI–XVII вв. относятся капитуляции, предоставленные Портой ряду европейских стран, в том числе Франции, Венеции, Англии, Голландии. Капитуляции неоднократно возобновлялись вплоть до начала XX в. При этом в зависимости от потребностей торговли менялась часть акта, относящаяся к торговым отношениям сторон, в то время как пункты о положении иностранцев в Османской империи, оставались неизменными⁷⁸.

Со второй половины XVIII в. капитуляции получили широкое распространение в отношениях Порты с европейскими странами, в оформлении статуса иностранных подданных империи. Одновременно в некоторых частях самой империи стало появляться стремление к получению капитуляций, к закреплению на их основе определенных привилегий. Во входивших в систему Османской империи Дунайских княжествах такая тенденция проявляется с конца XVIII в. Связано это было как с внутриполитической обстановкой в самих княжествах, развитием в них национально-освободительного движения, так и международной ситуацией, складывавшейся в Юго-Восточной Европе в условиях обострения борьбы между европейскими державами за преобладание в регионе.

В условиях выявившегося в конце XVI в. кризиса тимарной системы и обострившихся социальных противоречий в Османской империи усиливалась вассальная зависимость княжеств от султана. В силу особенностей их статуса в системе империи в XVII в. увеличилась османская экономическая эксплуатация, выросло влияние Порты на политическую жизнь в княжествах.

С установлением в начале XVIII в. правления господрей-фанариотов (греков, происходивших из стамбульского квартала Фанар) в княжествах усилилось подчинение османам, все более выявлялось его пагубное влияние на ход экономического, политического и культурного развития. Увеличивавшиеся экономические требования Порты в обстановке проявившегося в конце XVIII в. кризиса османской военно-феодальной системы приводили к возрастанию государственного податного

гнета, а следовательно, к усилению преобладавших феодально-государственных форм эксплуатации народных масс. Выкачивание султаном из княжеств огромных материальных и денежных средств, опережавшее развитие их производительных сил, создавало финансовые трудности, которые отрицательно влияли на состояние экономики и задерживали первоначальное накопление в Молдавии и Валахии. Осуществляемая Портой политика изощренного грабежа стала главным фактором, тормозившим начавшийся в них во второй половине XVIII в. процесс разложения феодализма и развития зачатков капиталистических отношений.

Нарастание недовольства народных масс в условиях экономических трудностей заставляло господарей и боярство идти на перемены в аграрных отношениях, которые укрепили бы их сословные привилегии и обеспечили присвоение прибавочного продукта. Реформы Константина Маврокордато середины XVIII в., отменив личную зависимость крестьян от вотчинников и упорядочив присвоение феодалами централизованной ренты, консолидировали положение господствующего класса княжеств и господаря. Проведение реформ свидетельствовало о том, что само боярское сословие под давлением крестьянского недовольства уже не может не считаться с необходимостью перемен.

В силу отсталости тогдашнего общества в Дунайских княжествах в теоретическом плане поисками выхода из создавшегося положения и путей дальнейшего национального и социального развития занимались единичные представители господствовавшей боярской (почти исключительно крупнобоярской) прослойки. Антифеодальное направление общественной мысли еще не зародилось. В плане внутреннем, в первую очередь в области аграрных отношений, молдавское и валашское боярство придерживалось, как правило, консервативных взглядов⁷⁹.

Таковыми же взглядами руководствовались господствующие классы княжеств и при выработке программ национального освобождения. Не принимая противоречащий их сословным интересам путь народного выступле-

ния, имевшего, помимо национальной, социальную направленность, они ориентировались на освобождение при опоре на крепостническую Россию, что давало бы возможность дальнейшего развития княжеств на видоизмененной феодальной основе. Умеренность социальных взглядов мыслителей Дунайских княжеств второй половины XVIII в., их боярское происхождение объясняют тот факт, что, испытывая влияние западного просветительства, стимулировавшего духовное пробуждение, княжества стремились освободиться с помощью России. При этом следует иметь в виду, что идеологи Дунайских княжеств, среди которых были распространены идеи просвещенного абсолютизма и которые жили в обстановке господства Османской империи, более отсталой и реакционной чем Россия, несколько идеализировали российские государственные порядки⁸⁰.

Русско-турецкие войны XVIII в., право покровительства Дунайским княжествам, полученное по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., объективно стимулировали освободительные настроения населения княжеств, повышали его социальную активность. В борьбе единой России против Османской империи оно видело реальную возможность поражения Порты и своего освобождения. Поэтому периоды русско-турецких войн были отмечены подъемом национально-освободительного и социального движения в княжествах, особенно в Молдавии⁸¹.

В исторических условиях XVIII в. идеологом движения выступала часть крупного боярства и духовенства, оппозиционно настроенная по отношению к Порте и ее ставленникам государям-фанариотам. Поиски путей национального освобождения все больше занимали умы патриотов в среде валашского и молдавского боярства и духовенства. Реальный выход они видели в ориентации на Россию. Эта позиция определялась сложившимся в то время соотношением сил в международной политике в Юго-Восточной Европе. Учитывая укрепление влияния России на Балканах освободительная программа патриотически настроенной части молдавских и валашских бояр и духовенства предусматривала установление рос-

сийского протектората или включение княжеств в состав Российской империи на условиях сохранения ими политической автономии.

Такая программа диктовалась и внутренней обстановкой в княжествах, характеризовавшейся углублением кризиса феодальной системы и усилением освободительного и социального движения народных масс. Используя тягу населения к единой России, стремление к освобождению с ее помощью, правящие круги княжеств рассчитывали направить в выгодное для себя русло освободительную и социальную борьбу масс. В то же время претворение в жизнь этой программы должно было не только защитить интересы господствующих классов внутри княжеств, но и оградить их привилегии от притеснений Порты.

Политика России в Юго-Восточной Европе, русско-турецкие войны XVIII в. создавали благоприятные условия для осуществления программы патриотически настроенных бояр и духовенства княжеств, которые обращались к русскому правительству с просьбами о помощи и покровительстве. В сохранившихся в российских архивах многочисленных обращениях нашли отражение политические программы определенных слоев господствующих классов в Дунайских княжествах, взгляды их представителей на пути национального освобождения. Анализ этих обращений позволяет выявить становление и эволюцию основных программных положений.

Программа ориентации княжеств на Россию видоизменялась в зависимости от расстановки сил в Юго-Восточной Европе в тот или иной период. Так, весной 1737 г. представители правящей верхушки валахского боярства во главе с митрополитом обратились к императрице Анне Иоанновне с просьбой оказать помощь в освобождении княжества от османского господства. В грамоте от 25 апреля они писали: "Рабско просим или чрез посредство мира, или чрез императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привести в православное вашего величества подданство"⁸². Осенью

того же года правящие круги Валахии прислали повторную просьбу о протекторате России⁸³.

Этим обращениям предшествовала тайная миссия валашского ворника Преда Другэнеску, который по поручению большой группы бояр прорусской ориентации прибыл осенью 1736 г. в Россию, чтобы через находившихся здесь Кантемиров и Кантакузино склонить российское правительство к оказанию помощи в освобождении Валахии от османской зависимости⁸⁴. Представляют интерес доставленные Другэнеску списки бояр и монастырей, изъявивших желание быть под покровительством России. В них имена более сотни бояр и боярских семей, названия свыше 70 монастырей. Любопытно, что перечислены фамилии только пяти бояр, которые хотят перейти в подданство Австрии⁸⁵. Эти документы отражают реальное соотношение политических сил в Валахии в период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. Претензии Габсбургов на Валахию, вступление австрийских войск в ходе военных действий 1737 г. на территорию княжества способствовали росту влияния боярской партии прорусской ориентации. В протекторате России она видела единственное средство для того, чтобы, используя условия войны, вернуть оккупированную Австрией в 1718 г. Олтению и противостоять планам Габсбургов. Поэтому данная группировка валашского боярства и духовенства проявила настойчивость в установлении связей с российским правительством с целью получения его помощи в освобождении княжества. Под влиянием этих просьб русские представители выдвинули на Немировском конгрессе требование о предоставлении независимости Дунайским княжествам⁸⁶.

Для характеристики программы молдавского господствующего класса в период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. показательны переговоры между духовными и светскими чинами Молдавии и фельдмаршалом Х. Минихом сразу же после вступления русских войск в Яссы в сентябре 1739 г. Х. Миниху был представлен текст условий вступления княжества в подданство России. "Мы себя подвергаем, – говорилось в его втором пункте – в высочайшую ее императорского величества нашей

всемиловнейшей государыни протекцию, и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем". Россия, со своей стороны, не должна была вмешиваться во внутренние дела княжества, сохранять права и привилегии боярства. Представители молдавского духовенства и бояр просили, чтобы они "имели те же вольности, привилегии и преимущества как в духовных, так и в светских делах, каковыми прочие ее императорского величества подданные пользуются"⁸⁷. Но представленные молдавским боярством и духовенством документы не ушли дальше ставки русского командования. Вследствие возникших международных осложнений российское правительство было вынуждено вскоре отвести свои войска с территории княжества

Во время последующих русско-турецких войн, особенно в периоды успешных действий русских войск, в частности и на территории княжеств, представители господствующих классов Дунайских княжеств продолжали направлять российскому правительству многочисленные обращения с просьбой о помощи в освобождении от османского господства и о покровительстве России. В 70-е годы XVIII в. правящее молдавское и валашское боярство и духовенство высказывались о намерениях княжеств войти в состав России. Молдавские духовные лица во главе с митрополитом Гавриилом в грамоте Екатерине II от 10 декабря 1769 г. просили: "Да всегда будем под высоким защищением и покровом вашего императорского величества... и охранены непобедимым оружием вашего императорского величества"⁸⁸.

Весной 1770 г. в Петербург прибыли делегации бояр и духовенства из Молдавского и Валашского княжеств, которые привезли с собой грамоты. В грамоте от 18 ноября 1769 г. восемнадцать представителей валашского боярства от имени жителей всего княжества писали: "Всеусерднейше же молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утверждает нас непобедимую защиту, присовокупя к пространству империи вашего величества"⁸⁹. Молдавские бояре в своей грамоте выражали благодарность российскому правительству за то, что "по давнему желанию

нашему удостоились быть под державным покровительством вашим"⁹⁰.

В таком же духе были составлены обращения бояр и духовенства княжеств на имя Екатерины II от июля 1772 г., переданные ими полномочным русским послам на Фокшанском мирном конгрессе⁹¹. В прошении, подписанном 42 валашскими боярами и духовными лицами и врученном в декабре 1772 г. русскому полномочному министру на Бухарестском конгрессе А. М. Обрескову, говорилось: "Воззрите на всю нацию, пришедшую в крайнее разорение", которая "чае видеть себя освобожденною от несносного Порты Оттоманской ига и присовокупленною к счастливейшим областям всероссийским"⁹².

Итак, в 30-е и в последующие годы XVIII в. представители валашского и молдавского боярства и духовенства просили о присоединении к Российской империи или о российском протекторате. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира, по условиям которого Дунайские княжества оставались под властью Порты, а российские представители в Стамбуле получили право выступать "в пользу сих двух княжеств", главной задачей программы их господствующих классов становится восстановление и закрепление при поддержке России привилегий княжеств в системе Османской империи. При этом они стремились использовать в своих интересах получивший в это время широкое распространение в османской дипломатической практике режим капитуляций.

Валашские и молдавские бояре и духовенство составили документы с перечнем прав и привилегий княжеств, полученных ими, якобы, по договорам с султаном в XIV-XVI вв., признания которых они стали добиваться у Порты при содействии России, выступавшей в качестве покровительницы княжеств.

Впервые ссылки на древние привилегии княжеств встречаются в русских дипломатических документах, относящихся к периоду 1769-1770 г.

В ходе начавшейся войны с Турцией в результате успешных действий русских войск, в составе которых

сражались молдавские и валашские добровольцы, к началу 1770 г. большая часть территории Дунайских княжеств была освобождена от власти султана. Вопрос о дальнейшей судьбе княжеств российское правительство поставило на заседании Государственного совета от 11 марта 1770 г., но его рассмотрение было отложено до прибытия депутатов от княжеств⁹³. Делегации из представителей валашских и молдавских бояр и духовенства прибыли в Петербург в конце марта. На чрезвычайном собрании Государственного совета от 12 апреля были зачитаны привезенные ими грамоты⁹⁴.

Валашские и молдавские депутаты имели рекомендательные письма к возглавлявшему Коллегию иностранных дел Н. И. Панину с просьбой, чтобы их приняла императрица⁹⁵. 28 марта 1770 г. Екатерина II встретила с депутатами от Дунайских княжеств, которые передали ей привезенные грамоты и устно просили о покровительстве России. В ответ здесь же, на аудиенции, по решению Екатерины II послы получили заверение о "принятии под высочайший покров обоих княжеств"⁹⁶.

За этой общей формой ответа скрывалась осторожная позиция России в вопросе о княжествах. Все просьбы, поступавшие из Молдавии и Валахии, российское правительство, хотя и учитывало, но оставляло без последствий, в то время как западная дипломатия и пресса распространяли слухи о стремлении России к присоединению княжеств. В действительности на данном этапе таких намерений у российского правительства не было. Даже в известном "греческом проекте" 80-х годов, предусматривавшем изгнание османов из Европы, при всех своих завоевательных и своекорыстных планах царизм не выдвигал задачи территориального овладения Дунайскими княжествами. По проекту они должны были составить независимое государство Дакия, которое бы выполняло задачи буфера царской политики на Балканах и одновременно являлось бы барьером на пути экспансионистских устремлений западных держав и Османской империи в направлении юго-западных границ России. "Новая сия держава, – говорилось в проекте, – не может быть присоединена ни к России, ни к Австрии"⁹⁷.

Главной целью проекта было лишь фактическое обеспечение преобладания России в Юго-Восточной Европе. Но и эти планы российского правительства относительно Молдавии и Валахии имелись в виду только в перспективе и не выдвигались на первый план как конкретная программа деятельности.

В условиях обострившегося в последней четверти XVIII в. соперничества западных держав за преобладание в Юго-Восточной Европе вопрос о судьбе Дунайских княжеств приобрел важное значение. Чтобы воспрепятствовать усилению российских позиций в регионе, соперники России отстаивали целостность Османской империи, неприкосновенность ее владений, что фактически означало сохранение господства султана под покоренными народами. Французская и австрийская дипломатия прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить отторжения Дунайских княжеств от Порты. Пруссия сближалась с Венским двором, чтобы, используя притязания Габсбургов на Дунайские княжества, действовать против своей союзницы России⁹⁸.

В складывавшейся ситуации российское правительство уделяло особое внимание вопросу о княжествах. При его рассмотрении и выработке своей позиции оно использовало прибытие в Петербург весной 1770 г. валашских и молдавских посланцев. Представляется не случайной задержка в России депутатов из Дунайских княжеств до конца 1770 г. На заседании Государственного совета от 21 июня было решено "их отсюда не отпускать и сделать о них какое-либо определение"⁹⁹. Такое решение, надо полагать, отвечало и намерениям самих депутатов, стремившихся оказать влияние на позицию России в вопросе о судьбе княжеств. Тем более, что приходившие от соотечественников письма доставляли неутешительные вести¹⁰⁰. Валашский ворник Николае Дудеску писал 7 июня 1770 г. находившемуся среди депутатов логофету Николае Бранковану об отчаянии, охватившем жителей Валахии с возвращением в Бухарест османских войск. "Потщитесь и припадите к стопам ее императорского величества, прося помощи и заступления"¹⁰¹, — говорилось в письме.

В ответ на вопросы Н. И. Панина валашские и молдавские депутаты составили подробные записки отдельно по Валашскому и Молдавскому княжествам с описанием их экономического положения и административного устройства¹⁰². Заслуживает внимания то, что в этих записках, как и в относящихся к 1770 г. обращениях представителей княжеств, приводятся данные об унижении и разорении вследствие тяжелого султанского налогового бремени и османских грабежей, но при этом ничего не говорится о древних правах и привилегиях княжеств в отношениях с Портой, на которые начинают ссылаться позднее валашские и молдавские бояре. Объясняется это, по-видимому, тем, что находившиеся в 1770 г. в Петербурге депутаты надеялись на сохранение Дунайских княжеств под покровительством России.

Об этом свидетельствуют обращения валашского и молдавского боярства и духовенства к российскому правительству сразу же после возвращения депутатов на родину. 19 ноября 1770 г. бояре и духовенство Валахии писали Н. И. Панину: "Покорнейше просим высоким своим покровительством и нашей свободы ходатайством даже до конца не оставить нас как всеусердных самодержавной империи подданных"¹⁰³. Молдавские духовные чины и бояре по прибытии своих депутатов из Петербурга, обращались в январе 1771 г. к Екатерине II, выражая надежду, "что мы не будем никогда под одним и тем же правлением и покровительством... всероссийского самодержавия"¹⁰⁴.

Но в это время, исходя из складывавшейся международной обстановки и задач своей внешней политики, российское правительство склонялось к оставлению Дунайских княжеств в подчинении Османской империи. Очевидно, находящиеся в 1770 г. в Петербурге валашские и молдавские депутаты знали о возможности такого решения их судьбы. Именно этим объяснялась настойчивость просьб представителей господствующих классов Дунайских княжеств о российском покровительстве. Вполне вероятно, что депутаты в беседах с представителями российских правительственных кругов проси-

ли, в случае возвращения княжеств под власть султана, улучшения их положения, ссылаясь на прежние права и привилегии. Во всяком случае, надо полагать, не без влияния молдавских и валашских депутатов российская дипломатия выдвинула условие оставления Дунайских княжеств под властью Порты. В сформулированном виде это условие впервые было изложено Н. И. Паниным в письме к графу А. Г. Орлову от 12 ноября 1771 г. "Всемилоостивейшая государыня, – писал Н. И. Панин, – соизволила отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи, с тем, однако, чтобы сии два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство"¹⁰⁵.

В инструкции Екатерины II от 21 апреля 1772 г. чрезвычайным и полномочным послам на мирных переговорах с Портой А. Г. Орлову и А. М. Обрескову¹⁰⁶ предписывалось, "чтоб при уступке Молдавии и Валахии, имянно выговорить в пользу обоих сих княжеств и всех в них без изъятия жителей ... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах, вольностях и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую..."¹⁰⁷.

О погранных османами прежних правах и привилегиях Дунайских княжеств валашские и молдавские бояре и духовенство впервые писали в обращениях к российскому правительству в период работы мирного конгресса в Фокшанах, где в июле-августе 1772 г. при посредничестве Австрии и Пруссии состоялись русско-турецкие переговоры. Полномочные представители России на конгрессе А. Г. Орлов и А. М. Обресков в своей реляции от 6 августа на имя Н. И. Панина сообщали о посылке ему "разных просительных писем валахов и молдавцов"¹⁰⁸.

Это сообщение заслуживает особого внимания. Оно свидетельствует об активной деятельности не только валашских, но и молдавских бояр в период работы Фокшанского конгресса с целью повлиять на решение вопроса о княжествах. В свое время К. Джуреску высказывал сожаление, что данных относительно действий в это время представителей Молдавского княжества недо-

статочно¹⁰⁹. Упомянутые в реляции А. Г. Орлова и А. М. Обрескова от 6 августа письма молдаван являются теми свидетельствами, о которых не знал румынский историк, ссылавшийся только на рапорт прусского посла Цегелина от 13 августа королю Фридриху II, где говорилось о молдавских и валашских депутатах, просивших улучшить судьбу княжеств при заключении мира¹¹⁰.

В приложении к реляции А. Г. Орлова и А. М. Обрескова дошли два, не известных до сих пор исследователям, обращения на греческом языке к российским уполномоченным на Фокшанском конгрессе. Одно, недатированное, подписанное валашскими боярами и духовными чинами, было подано А. Г. Орлову, судя по выше-названной реляции, не позднее 6 августа 1772 г. Представители Валахии обращали внимание российского уполномоченного на конгрессе на то, в каком бедственном положении окажется княжество, если останется под властью султана, и просили восстановить "свободу нашу и прежние привилегии"¹¹¹. Другое обращение было составлено 14 июня 1772 г. и тоже подписано представителями валашского боярства и духовенства, которые просили не оставлять княжество под властью Порты, так как османам нельзя верить, поскольку они нарушили все прежние права и привилегии их отечества¹¹². За текстом обращения, как и в первом документе, следует много подписей бояр-русофилов. Но ко второму обращению приложены еще подписи на отдельном листе. При внимательном рассмотрении видно отличие их от подписей под текстом обращения. Можно заметить, что подписи на отдельном листе написаны более темными чернилами и преимущественно кириллицей (под основным текстом большинство подписей на греческом языке), крупным размашистым почерком. Все это заставляет задуматься, не содержит ли приложение к обращению подписи молдавских бояр.

К этому предположению нас склоняет то, что среди документов, пересланных А. Г. Орловым и А. М. Обресковым Н. И. Панину вместе с названными выше обращениями, находилось письмо валашского боярина Михаила Кантакузино к А. Г. Орлову с описанием услуг, оказан-

ных России родом Кантакузино, и просьбой о покровительстве¹¹³. Интересно, что письмо было составлено в Яссах 16 июня 1772 г., т. е. через два дня после подписания им обращения от 14 июня 1772 г., т. е. через два дня после подписания им обращения от 14 июня. Валашский боярин М. Кантакузино, являясь сторонником прорусской ориентации в освобождении княжеств от османской зависимости, был в составе делегации от Валахии в Петербурге в 1770 г., принимал активное участие в контактах представителей княжеств с русскими уполномоченными на Фокшанском конгрессе и на последующих русско-турецких мирных переговорах. Вряд ли он, находясь в Яссах, не обсуждал с представителями молдавского боярства связанные с предстоящим в Фокшанах мирным конгрессом вопросы о судьбе княжеств и об обращении Валахии к русским представителям на переговорах. Вполне возможно, что М. Кантакузино даже познакомился с содержанием этого обращения близких ему молдавских бояр, которые решили подписаться под ним. Во всяком случае, как показывают отмеченные выше свидетельства, в период подготовки и работы конгресса в Фокшанах молдавское боярство не бездействовало.

Однако в исторической литературе обычно отмечается большая активность в это время представителей Валахии. Объясняется это состоянием источников. Дело в том, что М. Кантакузино в конце XVIII в. составил "Родословную" фамилии Кантакузино, куда, в частности, включил описание своей политической деятельности в 1769–1774 гг. и ряд документов, относящихся к этому периоду¹¹⁴. Среди них помещены и документы, которые, как пишет М. Кантакузино, были поданы валашскими представителями 30 августа 1772 г. А. Г. Орлову во время работы Фокшанского мирного конгресса.

Остановимся на этих документах подробнее, поскольку они послужили впоследствии основой определенных исторических построений.

Прежде всего, возникает вопрос о времени составления цитируемых М. Кантакузино текстов. Считая их версией конца XVIII в., румынские историки Н. Йорга, К. К. Джуреску, И. Миня не ставили такого вопроса, относя

их написание ко времени подачи А. Г. Орлову, т. е. 30 августа 1772 г. Правда, К. Джуреску сделал уточнение, что имеется в виду 30 августа по новому стилю, поскольку А. Г. Орлов 24 августа оставил Фокшаны, так как конгресс был прерван¹¹⁵.

Изучение включенных М. Кантакузино в "Родословную" материалов показывает, что другие относящиеся ко времени Фокшанского конгресса документы датируются по старому стилю. Почему же тогда приведенные М. Кантакузино тексты, касающиеся подчинения Валахии османам, отмечены по новому стилю? Может быть, они не были представлены А. Г. Орлову в 1772 г.? Безуспешные поиски указанных документов в составе архивных материалов, связанных с Фокшанским конгрессом, подтвердили наше сомнение. Никаких данных, позволяющих говорить о подаче А. Г. Орлову в 1772 г. текстов с описанием подчинения Валахии османам, обнаружить не удалось.

В ряду документов 1772 г. М. Кантакузино в "Родословной" помещены также два обращения от валашского боярства и духовенства. Первое, от 24 июля, – к представителям России, Австрии, Пруссии на Фокшанском конгрессе с просьбой о покровительстве. Второе, от 6 августа, было адресовано А. Г. Орлову¹¹⁶. Среди подписавших эти обращения представителей духовенства и бояр был логофет Думитру, который впоследствии, в 80-е годы XVIII в., написал "Историю событий на Востоке", где изложил относящиеся к Молдавскому и Валашскому княжествам события 1769–1774 гг. как их современник и участник¹¹⁷. Заслуживает особого внимания то, что в "Истории" сказано об упомянутых обращениях валашских представителей к послам России, Австрии и Пруссии на Фокшанском конгрессе, но ничего не говорится о подаче А. Г. Орлову текстов с описанием подчинения княжества османам. Трудно предположить, что валашский боярин, в качестве логофета ведавший делами господарской канцелярии, являвшийся активным участником дипломатических акций Валахии во время работы Фокшанского конгресса, не знал о поданных А. Г. Орлову документах, касавшихся подчинения Вала-

хии Османской империи. По-видимому, этих текстов ко времени Фокшанского конгресса не существовало. Они были составлены позднее. Об этом свидетельствует не только датировка их подачи А. Г. Орлову по новому стилю, т. е. 30 августа 1772 г. Анализ самих текстов подтверждает их позднейшее включение в состав документов 1772 г.

Содержание первого из них сводится к тому, что, поскольку в XIV в. Османская империя была сильной, господарь Мирча Старый (1386–1418) выплачивал султану дань в 3 тыс. красных пиастров. Но после победы господаря над османами при Ровине в 1386 г. Валахия была опять свободна до времени правления Лайоты. Во втором тексте речь идет о подчинении княжества османам при господаре Лайоте, который в 1460 г. согласился платить Мехмеду II 10 тыс. золотых и договорился с ним о привилегиях княжества, которые, как указывает составитель, были закреплены в последующем фирманами султанов¹¹⁸.

Как явствует из этих двух текстов с описанием подчинения Валахии османам, они были составлены на основе существовавшей летописной традиции. Обратимся к свидетельствам валашских летописей. В хронике Раду Попеску, составленной в первой четверти XVIII в., описываются войны Мирчи Старого с султаном Баязидом, отмечается, что после битвы при Ровине Мирча помирился с османами, "чтобы страна мирно отдохнула"¹¹⁹. Далее, касаясь правления Басараба Лайоты, хронист говорит, что Лайота, "подчинив страну туркам, давал харадж"¹²⁰.

В более ранней, относящейся к концу XVII в., "Летописи Кантакузинов" Мирча представлен как господарь, который имел много войн с Баязидом и одержал победу над османами при Яломице¹²¹. Но здесь не упоминается о мире валашского господаря с султаном. Излагая события, связанные с пребыванием на господарском престоле Басараба Лайоты, летописец пишет, что он "подчинил страну туркам"¹²².

Итак, совершенно очевидно, что эти данные валашских летописей и положены в основу включенных М. Кантакузино в "Родословную" текстов о подчинении Вала-

хии османам. Чтобы увязать летописные традиции XVII и XVIII вв., составитель конструирует два текста с пространственным описанием подчинения княжества османам при Мирче и при Лайоте, дополнив свидетельства летописей конкретными цифрами уплачивавшейся султану суммы дани. Источником здесь для составителя послужила, по всей вероятности, "История Османской империи" Д. Кантемира, использовавшего в своем труде огромный материал турецких хроник, содержавших такие данные. Во втором тексте говорится о том, что Лайота заключил с Портой договор, закреплявший права и привилегии Валашского княжества. Составитель подробно перечисляет их.

Какие же привилегии Валахии в отношениях с османами содержатся в вышеупомянутых текстах?

– Турки не должны вмешиваться в управление княжеством, вступать на его землю, за исключением одного турка, который прибывает для получения дани от господаря.

– Княжество является автономным и имеет свободу в объявлении войны и мира; обладает полной властью над своими подданными.

– Жители княжества, находящиеся в Турции по делам, пользуются неприкосновенностью, не платят подушного налога и не меняют одежду.

– Господари местной православной веры избираются митрополитом, епископами и боярами княжества.

– Судебное разбирательство между христианами жителями княжества и турками осуществляется только на основе законов княжества.

– Турки, прибывающие в княжество для торговли, не имеют права на приобретение недвижимого имущества, не могут брать в жены местных женщин¹²³.

Как отмечалось выше, изложенные М. Кантакузино тексты представлялись в исторической литературе как документы XV в. Однако целый ряд моментов в их содержании прямо свидетельствуют о позднем происхождении этих текстов. Так, в первом из них сумма дани, которую обязался платить султану Мирча Старый, указана в красных пиастрах. Между тем известно, что эта

крупная турецкая серебряная монета была выпущена после 1687 г.¹²⁴. Происшедшее в 1394 г. сражение Мирчи с османами при Ровине составитель ошибочно датирует 1386 г. и относит его не ко времени правления Баязида I, когда оно в действительности произошло, а султана Мурада II (1421–1451).

Обращает на себя внимание последняя фраза первого текста, говорящая о том, что о всех обстоятельствах борьбы с турками можно узнать из "грамоты монастыря Тисмана". Это замечание подтверждает мнение о более позднем составлении документа на основании разных источников. Появившееся в исторической литературе XIX в. утверждение об уплате Мирчей Старым дани османам по "капитуляции", которую султан Баязид I издал в 1393 г., будучи в Никополе, также противоречит фактам: в это время султан находился в Анатолии.¹²⁵ На основе анализа турецких источников современные румынские историки М. Губоглу и А. Дечей доказали, что первым валашским господарем, обязавшимся платить дань султану Баязиду I был Влад I Узурпатор, а не Мирча Старый, как писали турецкие хронисты и как представлялось в летописной традиции Валахии.¹²⁶ Мирча же начал платить дань с 1417 г. султану Мехмеду I.¹²⁷

Во втором тексте говорится о подчинении Валахии османам в 1460 г., в период правления Лайоты, в то время как известно, что он находился на валашском престоле в 1473–1474, 1476–1477 гг. В исторической литературе этот текст стал фигурировать как "капитуляция" султана Мехмеда II валашскому господарю Владу Цепешу. Но в 1460 г. Цепеш был во враждебных отношениях с Портой. Поэтому речь может идти в данном случае о господаре Раду Красивом, получившем валашский престол при помощи османов после похода Мехмеда II в Валахию в 1462 г.¹²⁸

Содержащийся же во втором тексте перечень полученных при Лайоте привилегий Валахии показывает, что перечисленные в нем пункты направлены против установившейся практики вмешательства османов во все сферы жизни княжества. Но к середине XV в. такая практика еще не оформилась в объеме, зафиксирован-

ном перечнем. Происходит это позднее, с усилением зависимости Валахии от Османской империи во второй половине XVI-XVII вв., особенно с установлением правления господарей-фанариотов, когда проникновение османов выявляет всю пагубность султанского господства для экономического, политического и культурного развития княжества. Скорее всего, составитель изложил здесь автономные права Валахии, попранные Портой, и чтобы обосновать их исконность, приписал господарю Лайоте получение привилегий для княжества по договору с османами. В этом убеждает и заключительная фраза в тексте о том, что указанные привилегии были закреплены и последующими фирманами султанов.

Если сравнить перечень прав Валахии в приведенном М. Кантакузино тексте о подчинении при Лайоте с привилегиями, утверждения которых Дунайские княжества стали добиваться у Порты при поддержке покровительствовавшей им России после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.*, то обнаруживается их близкое сходство. По существу, в тексте о подчинении при Лайоте в обобщенной форме излагаются права княжества, связанные с политической и религиозной автономией, невмешательством османов в его дела, избранием господаря из местных бояр, т. е. главные права среди тех привилегий, за признание которых Портой выступали после 1774 г. валашские идеологи. Это наводит на мысль, что тексты М. Кантакузино с описанием подчинения Валахии османам являются документами, составленными после 1774 г.

В данной связи необходимо учесть следующее обстоятельство. Как мы видели, в обращениях, исходивших от представителей княжеств и относящихся ко времени работы Фокшанского конгресса, валашские и молдавские бояре и священнослужители просили лишь в общей форме о восстановлении прав и привилегий княжеств в системе Османской империи. Возникает логи-

* См. ниже (с. 46—47) анафору валашских бояр и высших церковных деятелей к П. А. Румянцеву от июля 1774 г. и представление валашских депутатов Порте от сентября того же года.

ческий вопрос: существовала ли в 1772 г. необходимость конкретизации этих привилегий, как это сделано в тексте о подчинении при Лайоте? Нам представляется, что нет. Дело в том, что вопрос о Дунайских княжествах не был вынесен на обсуждение сторон во время Фокшанского конгресса.

Русско-турецкие переговоры в Фокшанах сосредоточились на вопросе о крымских татарах. Турция, поддерживаемая западными державами, отвергла требование России о предоставлении независимости Крымскому ханству. Переговоры были прерваны. 22 августа 1772 г. Порта отозвала своих послов, на следующий день покинул Фокшаны и А. Г. Орлов¹²⁹.

Поскольку обсуждение вопроса о Дунайских княжествах не состоялось, нет основания полагать, что во время работы конгресса А. Г. Орлову понадобились документы об утверждении Портой привилегий княжеств и что по его просьбе валашские бояре подали ему документы о подчинении Валахии при Мирче и Лайоте, а представители молдавского боярства и духовенства составили записку с изложением султанской грамоты господарю Богдану III, закреплявшей автономные права княжества, как считал в свое время К. Джуреску и как считают до сих пор румынские исследователи¹³⁰.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что тексты первых "капитуляций" княжеств не были представлены А. Г. Орлову во время работы Фокшанского конгресса летом 1772 г., что составление их относится к более позднему времени. Это подтверждается и тем, что указанные документы не были известны уполномоченным России на последующих переговорах с Портой во время конгресса в Бухаресте (29 сентября 1772 г. – 9 марта 1773 г.) и подписания Кючук-Кайнарджийского мира (10 июля 1774 г.). Если бы в распоряжении российских представителей имелись тексты "капитуляций", то они фигурировали бы во время переговоров или отложились бы в их материалах и, конечно, в той или иной степени отразились бы на содержании включенной в проект мирного договора, представленного Турции на Бухарестском конгрессе, статьи о Дунайских княжествах, которая

с незначительными изменениями вошла в состав Кючук-Кайнарджийского трактата.

Обратимся к содержанию этой статьи. В ней формулировались следующие условия возвращения Валашского и Молдавского княжеств в зависимость от османов: свобода исповедания христианской религии; отказ от контрибуции и амнистия участникам войны; право жителей на переселение в другие страны; возвращение земель монастырям и частным лицам в окрестностях Браилы, Хотина, Бендер; ликвидация старых счетов; подать за каждые два года через посредство посылаемых депутатов; восстановление привилегий времени Мехмеда IV; право России "говорить в пользу сих двух княжеств"¹³¹.

Как видно, большинство этих пунктов, в частности об амнистии участникам войны, о защите российских дипломатических представителей в Стамбуле, были связаны с вопросами общего урегулирования русско-турецких отношений, хотя их признание Портой имело положительное значение для княжеств. Ни в проекте, ни в официальном тексте ст. 16 Кючук-Кайнарджийского мира о Молдавии и Валахии не нашли отражения конкретные права и привилегии княжеств, перечислявшиеся в текстах "капитуляций", а именно: автономия княжеств, невмешательство турок в их управление и внешние сношения, выборы господарей из местного боярства, т. е. главные из тех привилегий, утверждения которых стали добиваться у Порты молдавские и валашские депутаты в Стамбуле после 1774 г.

Только 8-й пункт упомянутой статьи содержал обязательство Порты восстановить княжествам права и привилегии, которыми они пользовались при султанах Мехмеде IV. Ссылка на привилегии времени правления этого султана заслуживает особого внимания. Дело в том, что мы не встречаем этой ссылки ни в одном из обращений валашских и молдавских представителей к России до Кючук-Кайнарджийского мира. Их просьбы содержали лишь общие формулировки о восстановлении древних прав княжеств. Появление в ст. 16 русско-турецкого договора 1774 г. условия о восстановлении привиле-

гий княжеств времени Мехмеда IV (1649–1687) свидетельствует о том, что представителям России на переговорах не были известны, якобы поданные валашскими и молдавскими боярами во время Фокшанского конгресса документы об условиях подчинения Валахии при Лайоте и Молдавского княжества при Богдане III, правивших во второй половине XV и начале XVI в. По-видимому, российские уполномоченные, не зная точно, к какому времени относятся привилегии, о предоставлении которых просили господствующие классы княжеств в своих обращениях к России, назвали в статье договора период правления султана Мехмеда IV*.

Сопоставление всех этих данных убеждает в том, что в период подготовки и проведения Бухарестского конгресса и заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. в распоряжении русских представителей на переговорах не было упомянутых выше документов валашских и молдавских бояр.

Первые представления господствующих классов княжеств с перечислением конкретных привилегий, которыми они пользовались вначале при подчинении османам, появляются сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского договора. Уже в июле 1774 г. валашские бояре и высшее духовенство во главе с митрополитом обратились с анафорой (представлением) к П. А. Румянцеву. Они писали, что, поскольку положение княжеств в период правления Мехмеда IV взято в договоре за основу, необходима специальная статья с описанием прав и привилегий Валахии в это время. Далее они излагали перечень этих привилегий: избрание господарей из местных бояр; автономия княжества во внутренних и внешних делах; ограничение суммы хараджа и отмена других податей; решение господарем всех дел как гражданских, так и судебных на основе законов княжества; право жителей переселяться в другие страны;

* Румынский историк А. Виану высказал в свое время мнение, что имя Мехмеда IV в ст. 16 русско-турецкого договора 1774 г. было названо ошибочно вместо Мехмеда II (1451–1481), при котором с 1455 г. Молдавское княжество начало платить дань Порте¹³².

неприкосновенность для жителей, приезжающих в Турцию; запрещение туркам и турецким купцам обосновываться в Валахии, приобретать недвижимость, заводить семью, хозяйство; освобождение пленных жителей; наряду с капукегаем иметь в Стамбуле представителя от княжества¹³³. На наш взгляд, анафору валашского митрополита и бояр следует считать текстом, где впервые перечисляются привилегии Валахии.

В это же время, т. е. июле 1774 г., валашские бояре направили письмо Н. И. Панину, в котором высказывали одобрение условий ст. 16 договора, в частности, о восстановлении привилегий Дунайских княжеств времени правления Мехмеда IV. Одновременно они отмечали, что, поскольку пункт этот "написан вобщем", необходимо его конкретизировать. Валашские бояре сообщали Н. И. Панину о написании ими перечня привилегий Валахии и передаче его П. А. Румянцеву¹³⁴.

Эти два документа со всей очевидностью выявляют причину возникновения текстов с изложением привилегий Валашского и Молдавского княжеств после заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Валашских и молдавских бояр и духовенство не устраивала общая формулировка ст. 16 об их привилегиях. Они стремились добиться признания Портой конкретных привилегий княжеств и пытались исторически обосновать их. А сделать это было не так просто. Порта с самого начала искала возможности обойти условия договора. Поверенный в делах России в Стамбуле Х. И. Петерсон сообщал в своих рапортах П. А. Румянцеву о трудностях, с которыми он сталкивается в переговорах с турецкой стороной относительно выполнения условий ст. 16. В рапорте от 14 октября 1774 г. Х. И. Петерсон между прочим доносил, что, хотя Порта и согласилась на восстановление княжествам привилегий, которыми они пользовались во время Мехмеда IV, рейс-эфендий высказал сомнение, заметив, что "во время Магомета четвертого ничего верного в правлении двух княжеств не было положено"¹³⁵.

По совету П. А. Румянцева валашские и молдавские депутаты подали Порте в сентябре 1774 г. представление по каждому княжеству в отдельности с перечнем приви-

легий и просьбой утвердить их¹³⁶. Представление от Валахии с небольшими дополнениями, касающимися конкретных вопросов отношений княжества с турецкими пашами пограничных территорий, являлось по существу изложением текста анафоры, переданной в июле 1774 г. П. А. Румянцеву¹³⁷. По дороге в Стамбул валашские депутаты были в Фокшанах, где находилась штаб-квартира П. А. Румянцева. Сюда же прибыли и молдавские депутаты, которые здесь же, ознакомившись с представлением от Валахии, составили по этому образцу свой текст с соответствующими различиями в пунктах о возвращении княжеству территорий, захваченных османами. Этим объясняется сходство содержания представлений от обоих княжеств Порте¹³⁸. Представление от Молдавского княжества было первым документом, где перечислялись его права и привилегии.

Под давлением российской дипломатии в декабре 1774 г. Порта издала отдельно по каждому княжеству хаттишерифы, которые предоставляли им ряд привилегий, облегчавших их экономическую и политическую зависимость от Османской империи. Оговаривалось обязательство османов не смещать господарей, если они не совершат "какого-либо явного преступления". Княжества освобождались от многочисленных повинностей, сохранялась денежная дань, которую господари должны были посылать в Стамбул каждые два года через своих представителей. К тому же княжества освобождались от старых счетов, от уплаты налогов за два послевоенных года. Турецким купцам и феодалам запрещалось впредь свободно проникать на территорию княжеств, притеснять их жителей; туркам пограничных областей не разрешалось переходить Дунай, чтобы пасти скот или поселиться на землях княжеств, приобретать здесь недвижимое имущество. Порта сохраняла право на принудительную закупку строительного леса, овец, крупного рогатого скота, селитры¹³⁹.

Но Турция с самого начала стала нарушать условия Кючук-Кайнарджийского мира и хаттишерифов 1774 г., продолжая косвенным путем усиливать свое господство в княжествах. Используя право взимания денежной

подати, Порты увеличивала фискальный гнет, по-прежнему прибегала к практике частой смены господарей, приносившей ей большие прибыли, и ограничению политических прав и привилегий местного боярства¹⁴⁰.

В этих условиях валашское и молдавское боярство не прекращало обращаться к России с просьбой о помощи и покровительстве, право на которое русская дипломатия использовала, выступая на основе русско-турецких договоров в защиту Дунайских княжеств.

В то же время в княжествах велись исторические изыскания, призванные оправдать их права на восстановление автономии и привилегий. Кроме того, возникла особая необходимость в документах, фиксирующих условия подчинения Дунайских княжеств Османской империи. Когда по австро-турецкой конвенции от 7 мая 1775 г. Порты уступила Австрии северную часть Молдавского княжества – Буковину, молдавские бояре в июле 1775 г. вручили российскому послу в Стамбуле Н. В. Репнину, находившемуся проездом в Яссах, обращение, в котором выражали протест в отношении действий Турции и надежду на заступничество России¹⁴¹. Посол писал 28 июля 1775 г. в депеше Н. И. Панину, что обещал молдавским боярам ходатайствовать перед Портой в интересах княжества, "при сем же вручил им записку тех актов, которые для хождения по их делам мне нужны и на кои они в своем мемориале ссылаются, прося, чтобы они мне их в оригиналах доставили"¹⁴². К своей депеше Н. В. Репнин приложил копию записки, врученной им молдавским боярам¹⁴³.

Эта записка представляет для нас чрезвычайный интерес. Посмотрим, какие же документы были необходимы русскому послу. 1) Договор Молдавского княжества с Османской Портой, на основе которого княжество подчинилось султану. 2) Все привилегии и права княжества времени Мехмеда IV. 3) Хаттишериф, в соответствии с которым Молдавское княжество само избирает своих господарей.

Из записки Н. В. Репнина видно, что в 1775 г., когда она была написана, все эти акты российским представителям в Стамбуле не были известны, а они придавали

им важное значение, справедливо усматривая в таких документах формально-юридическое основание для выступления в защиту княжества. Следовательно, можно с полной достоверностью утверждать, что текст так называемого договора Молдавского княжества с Портой был составлен не в 1772 г. в период Фокшанского конгресса*, а после 1775 г.

Надо полагать, что после записки Н. В. Репнина молдавские бояре и составили текст под заглавием "Трактаты, которые имела Молдова с Портой Оттоманской", фигурировавший впоследствии под названием "Трактаты" и квалифицируемый как договор Молдавского княжества с Османской империей о его правах и привилегиях.

На основании чего же были написаны "Трактаты"? Как мы видели выше, в распоряжении молдавских бояр имелось представление Порте от сентября 1774 г. с перечислением прав и привилегий княжества. Но нужны были исторические материалы. И источником здесь послужили, как убедительно показал К. Джуреску, данные молдавских летописей и сведения из исторических сочинений Д. Кантемира "История Оттоманской империи" и "Описание Молдавии"¹⁴⁶.

Молдавская летописная традиция XV-XVI вв. относилась к уплате княжеством дани султану ко времени последнего правления господаря Петра III Арона (1455-1457)¹⁴⁷. Хронисты XVII в., хотя и воспроизводили эту традицию, считали, что в период господства Штефана Великого (1457-1504), одерживавшего победы над османами, Молдавское княжество оставалось независимым от Порты. Во второй половине XVII в. в списке летописи Григоре Уреке включается народная традиция о посылке к султану сыном Штефана Великого Богданом логофета Тэута с деньгами, которые тот получил обратно в

* К этому мнению пришел и молдавский историк Г. В. Гонца. Он обратил также внимание на то, что в рукописи "Истории Молдавии"¹⁴⁴, составленной в 1772-1773 гг. для русских представителей на мирных переговорах с Турцией, нет упоминания о так называемом договоре, фиксировавшем права и привилегии княжества¹⁴⁵.

подарок от султана и, возвратившись, основал церковь в селе Белинешти на реке Сирет в Сучавском уезде¹⁴⁸. В этой связи важно отметить, что самая ранняя из известных копий летописи Г. Уреке, относящаяся к 1660–1670 гг., не содержит описания посылки Тэута в Стамбул¹⁴⁹. В интерполяции летописи Г. Уреке оказались совмещенными различные по времени события. Так, известно, что строительство церкви в с. Белинешти, ктитором которой был Тэут, началось в 1490 г. и завершилось в 1499 г.¹⁵⁰. В тексте же летописи это строительство относится к периоду правления господаря Богдана III (1504–1517), по поручению которого, находясь в Стамбуле, логофет получил от султана в подарок деньги и использовал их для основания церкви.

Хронисты конца XVII – начала XVIII в. Николай Костин, Иоан Некулче, воспроизводя на основе списков летописи Г. Уреке традицию о посылке логофета Тэута с данью к султану, не упоминают о строительстве церкви в с. Белинешти, но связывают это посольство господаря Богдана с подчинением Молдавского княжества османам¹⁵¹.

Версия о подчинении Молдавского княжества при Богдане, направившем логофета Тэута с данью к султану, была широко распространена в летописных списках XVIII в.¹⁵². Кантемир также воспринял эту версию, но дополнил ее, как считал К. Джуреску, по политическим мотивам условиями подчинения на основе хаттишерифа султана. Подчинение княжества произошло, по мнению Д. Кантемира, на шестой год правления Богдана, т. е. в 1510–1511 гг.¹⁵³. Следует отметить, что эта датировка противоречит принятой Кантемиром версии о посылке Тэута, так как в 1511 г. логофет умер¹⁵⁴.

Таким образом, к 1775 г., когда возникла необходимость составления текста об условиях подчинения Молдавского княжества Османской империи, в исторической литературе получила распространение версия, относившая это событие ко времени Богдана III. Молдавские бояре при написании "Трактатов" воспользовались ею в варианте, дополненном Д. Кантемиром. На наш взгляд, важным источником для составителей являлось также

представление Порте от сентября 1774 г., где перечислялись привилегии княжества, которые должен был исторически обосновать реконструируемый документ. Очевидно, что перечень привилегий в этом представлении послужил основой для включенного в "Трактаты" текста условий признания княжеством зависимости от султана.

На основе всех этих материалов боярские идеологи составили в конце 70-х – 80-х годах XVIII в. документ, квалифицируемый ими как договор о подчинении Молдавского княжества Порте.

У нас нет данных, подтверждающих передачу текста "Трактатов" русским представителям в Стамбуле, хотя в литературе таксе мнение высказывалось¹⁵⁵. В составе различных рукописных собраний XIX в. Библиотеки Академии Румынии сохранилось несколько списков этого документа¹⁵⁶. Между ними, при одинаковом содержании, имелись различия – иногда в датировках, иногда в форме изложения. От XVIII в. до нас дошел один список "Трактатов", на который, как нам представляется, исследователи не обратили должного внимания.

Остановимся на его содержании. Вначале говорится о том, что молдавский господарь Богдан III направил логофета Тэута с данью к султану Баязиду II с выражением готовности подчиниться ему. Султан благосклонно принял предложение господаря и издал хаттишериф, утверждавший права и привилегии княжества. Далее следует их перечисление. Княжество признается независимым, сохраняет свободу исповедания православной религии, управляется на основе своих законов без вмешательства Порты, которая обязывается защищать княжество от его врагов. Господарь избирается народом, затем утверждается Портой и правит пожизненно; он имеет право содержать наемные отряды до 20 тыс. человек; в периоды войн господарь выставляет свои войска для участия в султанских акциях. Княжество может приобрести в Стамбуле дом для резиденции капукегаи и соорудить здесь церковь. Туркам запрещается поселяться в княжестве, приобретать землю, заводить хозяйство. В знак подчинения господарь должен ежегодно посылать двух бояр к Порте с 4 тыс. турецких золотых, или

10 тыс. лей, а также дарами (пешкеши) из 40 соколов и 40 коней¹⁵⁷.

Рассмотренная рукопись, по всей вероятности, является наиболее близкой по времени к первоначальному варианту "Трактатов", поэтому ее можно считать самым ранним из сохранившихся списков так называемого договора о подчинении Молдавского княжества османам. На полях рукописи против пунктов, перечисляющих привилегии, имеются пометы со ссылками на "Историю Оттоманской Порты" Д. Кантемира, на "Хронику Молдавии", на факты отношений княжества с Портой в XVII-XVIII вв. Возможно, что эти пометы более позднего происхождения, но они представляют интерес, так как их автор выявляет источники текста "Трактатов".

Можно предполагать, что приблизительно к тому времени, когда молдавские бояре составляли "Трактаты", относится и появление в Валахии текстов о подчинении княжества османам при Мирче и Лайоте, помещенных М. Кантакузино в "Родословной" как документы 1772 г., представленные А. Г. Орлову во время Фокшанского конгресса. Вполне возможно, что составителем этих текстов был сам М. Кантакузино.

Для такого суждения имеются определенные основания. В 1775 г., приблизительно в апреле, по поручению господаря Александра Ипсиланти и валашского митрополита М. Кантакузино написал и передал через Г. А. Потемкина представление Екатерине II и Н. И. Панину, где изложил по пунктам привилегии Валахии, "которые с доказательством из султанских указов у себя имеем", и просил содействия России как покровительствующей державы в их утверждении Портой¹⁵⁸. Каждый из этих пунктов с незначительной разницей почти дословно повторяет привилегии, содержащиеся в анафоре митрополита и бояр Валахии, поданной в июле 1774 г. П. А. Румянцеву*, что свидетельствует о несомненной причастности М. Кантакузино к ее составлению. Если сравнить привилегии, перечислявшиеся в помещенном в "Родословной" тексте о подчинении Валахии при Лайоте**, с представлением М. Кантакузино от 1775 г., исключая

* См. стр. 46-47.

** См. стр. 41.

несколько пунктов, касающихся конкретизации отдельных положений ст. 16 Кючук-Кайнарджийского договора, то здесь также обнаруживается сходство по содержанию с разницей лишь по форме. По существу, в тексте из "Родословной" перечисляются в обобщенном виде изложенные в представлении М. Кантакузино главные привилегии Валахии, составлявшие основу политической и религиозной автономии княжества, прежде всего, выборы господаря местными боярами и управление княжества по законам страны, ограничение экономической эксплуатации Портой – освобождение от всех податей, даров при уплате установленной суммы дани, запрещение туркам поселяться в Валахии, приобретать недвижимое имущество, религиозная неприкосновенность жителей княжества на территории империи.

Сравнительный анализ указанных документов дает основание предположить, во-первых, что текст с описанием подчинения Валахии при Лайоте был составлен не раньше 1775 г. Во-вторых, поскольку представление 1775 г. написано М. Кантакузино, то можно допустить, основываясь на сходстве по содержанию, что ему принадлежит также авторство текста о подчинении при Лайоте, а значит, и текста с описанием подчинения Валахии османам при Мирче, так как оба документа связаны между собой и приводятся М. Кантакузино в "Родословной" вместе. Это мнение подтверждается тем, что версия о подчинении при Мирче и Лайоте впервые излагалась в исторических и статистических записках по истории Валахии, составленных М. Кантакузино в 1776 г.¹⁵⁹

Почему же в "Родословной" М. Кантакузино поместил оба текста под 1772 г.? Объяснение, на наш взгляд, простое. Он писал этот труд, находясь уже в России, куда переселился в 1775 г.*. Завершение его, судя по замечаниям автора, можно отнести к 1787 г. В это время просвещенный валашский боярин был в преклонном возрасте и, как отмечал издатель "Родословной" Н. Йорга, допустил в труде неточности в освещении отдельных моментов истории Валахии, в именах ее деятелей¹⁶¹. Такая же неточность могла быть допущена и в случае с

* По указу Екатерины II М. Кантакузино получил имения в Могилевской губернии и чин действительного статского советника¹⁶⁰.

текстами о подчинении османам при Мирче и Лайоте. Можно предположить, что М. Кантакузино хотел подчеркнуть активную деятельность валашской депутации, в составе которой он сам находился, во время Фокшанского конгресса. Не исключено, что именно с этой целью он представил в "Родословной" тексты о подчинении Валахии османам при Мирче и Лайоте как документы, поданные в 1772 г. А. Г. Орлову.

Восприняв версию М. Кантакузино и сославшись на материалы А. Вэкзреску, Д. Фотино во "Всеобщей истории Дакии" представил тексты о подчинении Валахии османам при Мирче и Лайоте, а также грамоту султана Баязида II с утверждением привилегий Молдавского княжества как реальные документы XIV–XVI вв.*.

Так начали фигурировать в исторических материалах конца XVIII – начала XIX в., относящихся к Дунайским княжествам, "капитуляции", или "старые договоры" валашских и молдавских господарей с султанами в XIV–XVI вв. Возникнув в конце XVIII в. как документы, связанные с идеологией освободительного движения, "капитуляции" стали рассматриваться как реально существовавшие акты.

В источниковедческом анализе текстов "капитуляций" важное значение имеет и другой аспект проблемы – могли ли существовать "капитуляции" для Валашского и Молдавского княжеств в XIV–XVI вв. в контексте их отношений с Османской империей. Для выяснения этого вопроса необходимо рассмотреть эти акты с точки зрения юридической, соотнеся их с основными принципами османской внешнеполитической концепции того периода.

С началом экспансии в Европу (XIV в.) Османская империя вступает в контакты с европейскими странами. Характер этих отношений определялся формирующейся в ходе османских завоеваний политико-религиозной структурой империи как исламского государства.

Осуществление султаном власти как внутри страны,

* См. об этом на стр. 11–12.

так и во внешних сношениях основывалось на концепции единого мусульманского монарха¹⁶². Султан являлся верховным правителем, пользовался неограниченной властью в управлении, был главой мусульманской религиозной общины. Соответственно рассматривались и османские территориальные завоевания. Земли, находившиеся под властью султана, являлись территорией ислама (dar al islam) и собственностью государства. Немусульманские жители этой территории могли иметь владения с условием уплаты, помимо подушной подати-джизье, налога с земли и урожая – хараджа¹⁶³.

Земли, которые еще не были под властью османов, считались территорией войны (dar al-harb). Существовала также промежуточная зона мира (dar al-sulk или dar al-ahd). К ней принадлежали государства, соответственно их жители, выкупавшие у султана мир в обмен за уплату дани¹⁶⁴. Такие государства становились данническими. Османские политико-религиозные законы запрещали заключение вечного мира с неверующими. Поэтому положение находившихся в зоне мира стран всегда было как бы временным, определявшимся перемирием в соответствии с интересами Османской империи¹⁶⁵. С изменением политических планов или сменой правления султан мог увеличить дань, превратить эти государства в вассальные, либо же, завоевав, сделать их своими провинциями.

В соответствии с османской политико-религиозной системой внешние сношения империи осуществлялись посредством односторонних актов султана – ахднаме, хаттишерифов или хаттихумаюнов. Издание их находилось в компетенции султана и его канцелярии¹⁶⁶. Эти акты в пределах самой империи выполняли внутреннюю функцию. Использовались хаттишерифы и в дипломатической практике. Они декларировали перемирие или мир; утверждали или подтверждали предшествующие привилегии какому-либо государству, населению; объявляли сумму дани и другие обязательства¹⁶⁷.

В XVI в. в отношениях Османской империи с европейскими странами появляются трактаты. Будучи

особой формой предоставления привилегий, они получили название капитуляций. Это была своеобразная форма приспособления положений османской политики и права к европейской концепции международных отношений. Капитуляции, как и хаттишерифы, имели односторонний характер, действие их было ограничено правлением того или иного султана, представлявшего высшую власть во внешних сношениях империи.

В реализации своих внешнеполитических планов Порты посредством односторонних актов приводила в состояние зависимости более слабые страны, которые под угрозой войны или завоевания были вынуждены либо откупаться дарами, либо становиться ее данниками. Султан утверждал состояние данничества актом ахднеме.

Данническое государство было обязано платить Порте регулярную дань, но сохраняло известную внутреннюю автономию и свободу во внешних сношениях. Государство, вносящее дань в соответствии с ахднеме, исключалось османами из зоны войны. Но данническое состояние не было гарантировано во времени. По произволу султана в зависимости от его внешнеполитических планов оно могло ухудшаться. Данническое государство либо превращалось в провинцию империй, либо становилось вассальным. Отношения с вассальными государствами султан осуществлял посредством хаттишерифов.

В соответствии с феодальной концепцией вассалитета в отношениях между европейскими странами, оформлявшийся путем принесения присяги, предусматривал обязательство сюзерена защищать своего вассала и оказывать ему помощь; вассал же должен был сохранять верность и выставлять войска против противника сюзерена. Таковым был сюзеренитет Венгрии и Польши над Дунайскими княжествами¹⁶⁸. В контексте международной ситуации в Юго-Восточной Европе в XV – первой четверти XVI в. он использовался венгерским и польским королями для привлечения княжеств к антиосманским действиям, к участию валашского и особенно молдавского господарей в акциях против султана¹⁶⁹.

В отличие от западноевропейского восточный васса-

литет оказывал влияние на все стороны жизни общества, включая политическую и духовную. В условиях постоянной внешнеполитической конфронтации необходимость удерживать в повиновении народы, противостоявшие османам в религиозно-этническом и культурном отношении, усиливала автократические черты власти султана, что обусловило оформление специфических особенностей османского вассалитета. Сохраняя в вассальных странах государственность и автономное управление, Порты устанавливала такие формы зависимости, которые позволяли ей извлекать в свою пользу наибольшие экономические, политические и военные выгоды. Османы рассматривали вассалитет как полное подчинение и на это были нацелены все его атрибуты. Вассальное Османской империи государство, так же как и данническое, платило дань, но ее юридическое содержание менялось: помимо откупа от войны она становилась выражением подчинения. Не случайно, по аналогии с налогом немусульманского населения в самой империи (территории *dar al islam*), эта дань получила название *хараджа*¹⁷⁰.

Отношения Валашского и Молдавского княжеств с Османской империей претерпели эволюцию от даннического состояния до положения вассальных государств, особой формой управления которыми с начала XVIII в. становится фанариотский режим. На отношения Дунайских княжеств с Портой, их характер оказывали влияние внешнеполитические планы султана в Юго-Восточной Европе и складывавшаяся в регионе международная обстановка, внутривосточные условия в княжествах и в самой Османской империи. Рассмотрение конкретной истории этих отношений задача последующих глав настоящей книги. Здесь же важно отметить, что под воздействием названных факторов складывался в каждый конкретно-исторический период статус княжеств в системе Османской империи. Хаттишерифы, являясь односторонними актами, ограниченными в действии временем правления султана, не могли быть договорами и на длительное время регламентировать отношения княжеств с Портой.

В ходе завоеваний османов в Юго-Восточной Европе в XIV – середине XVI в. Дунайские княжества оказались в

зависимости от Османской империи. Сначала они платили только дань султану, сохраняя внутреннюю автономию. Постепенно в ходе эволюции отношений княжеств с Портой эта дань стала регулярной ежегодной данью-хараджем, размер которой возрастал по воле султана. Княжества приобретали статус вассальных государств, будучи обязанными наряду с уплатой хараджа выставлять отряды войск для участия в османских походах. Хотя формально княжества сохраняли внутреннюю автономию, Порта присвоила себе право утверждения господарей, избираемых местными боярами. Княжества должны были находиться в сфере внешнеполитических интересов Османской империи. В знак гарантии верности султан требовал от господаря присылки в Стамбул сыновей или близких родственников в качестве заложников¹⁷¹.

Первыми представителями княжества и его господаря в Порте были так называемые протекторы – лица, имевшие связи с османской администрацией. Они выполняли временные поручения господаря, за определенную сумму оказывая ему соответствующие услуги: доставляли султану и его окружению дары (пешкеш), а позднее и дань, информацию о положении дел в соседних странах, о состоянии их военных приготовлений против османов. Господари часто использовали протектора и его связи в Порте для сохранения престола¹⁷².

С конца XV в. появляются постоянные представители молдавских и валашских господарей в Стамбуле. В корреспонденции послов разных стран из Стамбула посланцы Дунайских княжеств в Порту назывались агентами¹⁷³. Османы же по аналогии с представителями провинции применяли к господарским агентам название капукегая¹⁷⁴. Обычно капукегая являлся уполномоченным правителя провинции для связи с администрацией Порты. Но применение османами названия капукегая к представителям молдавского и валашского господарей не было простой аналогией. В нем выражалось подчиненное положение княжеств в системе Османской империи.

Вассальные султану княжества не имели права на

официальное представительство в Стамбуле как другие государства. Это право они получили благодаря усилиям русской дипломатии лишь по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. между Россией и Турцией. В османской системе представители вассалов султана валашского и молдавского господарей по существу не отличались от представителей провинций империи. Поэтому они и имели одинаковое название капукегаев.

Капукегаи от княжеств назначались господарем из числа верных бояр, чаще всего родственников. Выделяя его для представления интересов княжества в Стамбуле, господарь определял ему срок службы (от одного до трех лет) и наделял соответствующей инструкцией¹⁷⁵. Резиденцией капукегаея молдавского господаря в Стамбуле был Богдан-сарай, валашского – Влах-сарай¹⁷⁶.

Деятельность капукегаея в столице империи должна была, прежде всего, содействовать укреплению доверия Порты господарю, способствуя тем самым усилению его позиций внутри княжества. С этой целью капукегаи часто при помощи даров подкупали османских сановников из окружения султана. В зависимости от влияния господаря капукегаи пытались участвовать во внешнеполитических интригах, царивших в столице империи, устанавливать связи с представителями разных стран.

В соответствии с характером положения в системе империи Дунайские княжества как вассалы султана были лишены права направлять своих послов в другие страны. Конечно, господаи часто не считались с этим и через посредство своих послов имели сношения с рядом государств. Но Порты, исходя из своих внешнеполитических интересов и пользуясь правом утверждения господарей, карала их за это своеволие, лишая престола в княжествах. Султан использовал данное право как средство политического давления и орудие своей политики в княжествах, превращая его с усилением их вассальной зависимости также в инструмент для выкачивания из них денежных средств путем купли-продажи господарского престола.

Порты ревностно отстаивала свои претензии на Ду-

найские княжества и право внешнеполитической прерогативы в их отношениях с другими странами. Показательно в этой связи письмо султана Сулеймана I, написанное в 1531 г. польскому королю относительно молдавского господаря Пётра Рареша. Султан писал: "Я узнал, что названный воевода прислал к вам посла. Кто разрешил ему и как он осмелился послать к вам посла? Он и воевода Валахии мои подданные и рабы, и я дал суровый приказ, чтобы в будущем они не осмеливались направлять послов куда-либо, поэтому ни один посол не должен идти к ним. Если кто-то имеет к воеводам какое-либо дело, он должен адресоваться к всемогущей нашей Порте"¹⁷⁷.

В течение XV – первой трети XVI в. в процессе установления вассальной зависимости от османов княжества лишаются внешнеполитической самостоятельности, включаясь в сферу интересов политики Порты, которая при поддержке проосманских группировок местного боярства усиливала свое влияние на их внутренние дела.

Фигурирующие в литературе первые "капитуляции" княжеств, так называемые договоры с султаном валашского господаря Мирчи Старого (1393 г.) и молдавского господаря Богдана III (1511 или 1513 гг.), относятся к периоду, когда княжества были данническими государствами в системе Османской империи.

Как же отразились в содержании названных текстов отношения княжеств с Портой того времени? Тогдашнему политическому и экономическому положению княжеств в них соответствует только уплата ими дани султану. Остальные содержащиеся в текстах условия подчинения османам отражают моменты, характерные для вассального состояния княжеств в более позднее время, когда усилилось вмешательство султана в их внутренние дела. Ряд неточностей в содержании рассмотренных выше "капитуляций" прямо говорят о более позднем происхождении их текстов*. При этом следует подчеркнуть, что, разумеется, в XIV–XVI вв. существовали султанские ахдنامه и хаттишерифы в отношении княжеств

* См. стр. 41–42.

с фиксацией дани и других обязательств, которые постепенно вели к оформлению вассальной зависимости княжеств от Порты. Но, как уже отмечалось, эти акты не были соглашениями и, фиксируя обязательства господарей, не содержали каких-либо гарантий со стороны султана. Из-за своей односторонности и ограниченности правлением того или иного султана такие акты в силу своего характера не могли на длительное время регламентировать отношения княжеств с Османской империей, тем более гарантировать их внутреннюю автономию. Эти отношения складывались в каждый отдельный исторический период под влиянием взаимодействия ряда факторов, как внутривосточных условий в княжествах и в самой империи, так и внешних, решающим из которых была расстановка политических сил в Юго-Восточной Европе. Об этом свидетельствует и конкретная история взаимоотношений Дунайских княжеств с османами в конце XIV – первой трети XVI в.

Глава II

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIV-XV В.

1. Установление вассальной зависимости Валахии от Порты

С середины XIV в. после захвата полуострова Галлиполи (1354 г.) османы перешли к активной экспансии на Балканах. При султанах Мураде I (1360–1389) и его преемнике Баязиде I (1389–1402) были завоеваны все византийские владения в этом регионе, кроме небольшого района с центром в Константинополе, и болгарские земли; вассалом султана стала Сербия (1389)¹.

Османскому наступлению способствовала политическая обстановка на Балканах в этот период. Султан и его сановники умело использовали разобщенность балканских стран, постоянно соперничавших между собой за расширение владений и ослабленных междоусобной борьбой феодальных группировок.

Одновременно, противодействуя распространению власти османов, стремились упрочить свои позиции на Балканах Венецианская республика и Королевство Венгрия. Венеция, заинтересованная в торговых преимуществах, в соперничестве с Генуей утвердилась на Адриатическом побережье. Венгерские короли присоединили к своим владениям северные области Боснии и Сербии, укрепили влияние в Валашском и Молдавском княжествах, добиваясь от их господарей признания вассальной зависимости. В условиях конфронтации между Венгрией и Османской империей правители балканских стран вынуждены были проводить политику лавирования, переходя с одной стороны на другую. Стремясь к реализации собственных материальных и политических интересов в балканском регионе, венгерские короли действовали под флагом борьбы с османами, привлекая таким образом местное население и получая его

содействие. Этому благоприятствовало то, что со второй половины XIV в. все большее распространение среди балканских правителей получает идея антиосманского союза как основы для укрепления государственных и церковных связей православных государств. Но вмешательство Венгрии и Венеции в реализацию планов создания такой коалиции приводило к обострению распрей между балканскими странами, усиливавших их разобщенность и ослаблявших попытки совместного отпора османам².

Для Валашского княжества задача отражения угрозы со стороны Османской империи встала реально с конца XIV в. В этих условиях на первый план выдвинулась необходимость укрепления внешнеполитических позиций княжества.

Господарь Мирча Старый (1386–1418) в реализации своих планов внешней политики придавал важное значение стабилизации экономики и внутривластного положения. Этим были вызваны принятые им меры содействия развитию производства и торговли. Показатель широкого развития как внутренней и внешней торговли княжества в период правления Мирчи – серебряные монеты, циркулировавшие не только в княжестве, но и за его пределами. Господарь подтвердил данные его предшественниками торговые привилегии купцам Брашова, а также предоставил их торговцам из Польши и Литвы. Росту доходов княжества способствовала регламентация господаем размеров пошлин. Все это позволило укрепить материальные ресурсы и военный потенциал княжества. Большое внимание Мирча уделял мерам по усилению обороноспособности страны – строительству крепостей и увеличению военных сил³.

Первоочередную задачу своей внешней политики он видел в предотвращении подчинения Валахии султану. Чтобы противостоять натиску османов с юга, Мирча считал необходимым, прежде всего, укрепить северные границы княжества. С этой целью он наладил отношения с молдавским господарем Петром I Мушатом. При посредничестве последнего Мирча заключил в 1389 г. с королем Польши Владиславом Ягеллоном союз о взаим-

ной помощи против венгерского короля Жигмонда⁴. Связи с молдавским боярством позволили валашскому господарю укрепить позиции в Молдавском княжестве и оказывать влияние на внутривосточную борьбу за власть, в результате которой в 1400 г. престол занял Александр Добрый⁵. В целях защиты южных границ княжества Мирча укрепил крепости по Дунаю, создал "великое войско" из горожан, свободных и зависимых крестьян.

Реальная угроза османского завоевания нависла над Валахией, когда в 1391 г. османское войско во главе с Фируз-беем проникло на территорию княжества и подвергло его страшному разорению⁶. Учитывая общую ситуацию на Балканах, Мирча счел необходимым переориентироваться на союз с Венгрией, которая в 1390 и 1391 гг. вела борьбу против османских вторжений на своих юго-восточных границах⁷. Чтобы положить конец этим инцидентам, венгерский король Жигмонд предпринял летом 1392 г. успешные действия против султанских войск на территории Сербии. Одновременно венгерский король стремился к созданию широкого антиосманского блока, в котором наряду с Венгрией должны были принять участие также Польша, Австрия, Боснийское королевство. Венеция, обусловив свое вхождение в блок вступлением в него Англии и Франции, фактически отказалась от совместных действий против султана. В этих условиях Жигмонд проявил заинтересованность в привлечении к антиосманскому союзу Валахии⁸.

Успехи Баязида в Болгарии, весть о его подготовке к завоеванию Валахии, Видина и Добруджи вызвали тревогу в Буде. Государственное собрание, созванное в апреле 1394 г., приняло меры по мобилизации военных сил и материальных ресурсов для борьбы с Османской империей. Были закреплены союзные отношения с Польшей⁹. В мае король Жигмонд направил посольство к валашскому господарю с предложением совместных действий против султана¹⁰. Предложение венгерского короля отвечало планам Мирчи, стремившегося лишить османов опорных пунктов наступления на Валахию.

Осенью 1394 г. Баязид во главе большого войска

перешел Дунай с намерением разбить валашские войска и подчинить себе княжество. Решающее сражение произошло 10 октября на р. Арджеш при Ровине. Под напором отрядов Мирчи, султанские войска, подвергнув княжество опустошительному набегу, были вынуждены отступить¹¹. Однако османам удалось обосноваться в крепостях по берегу Дуная, в том числе в Никополе, сохранив таким образом базу для новых вторжений на территорию княжества¹². Жигмонд, находившийся со своими войсками на юго-восточной границе Венгерского королевства, не нашел нужным выступить на помощь своему союзнику – валашскому господарю¹³.

Успех при Ровине стоил княжеству больших жертв. Но он не привел к упрочению власти Мирчи и политической стабилизации в княжестве. Наоборот, стала расти оппозиция крупных бояр, противников усиления господарской власти¹⁴. Основной базой этой группировки валашского боярства являлись западные районы княжества, где сепаратистские тенденции были сильны еще со времен первого господаря Басараба¹⁵. Целью враждебной Мирче боярской партии было свержение его с престола. Для этого она согласна была на мир с султаном и выдвинула своего претендента на господарский престол – сына Дана I – Влада, вошедшего в историю под именем Влада "Узурпатора". Действиям этой партии валашских бояр благоприятствовали события с соседнем Молдавском княжестве, где Польше удалось возвести на господарский престол своего ставленника Штефана I, поддерживавшего претензии Влада в Валахии в борьбе против Мирчи. Экспедиция венгерского короля Жигмонда в Молдавское княжество в начале 1395 г. с целью установления венгерского сюзеренитета и включения его в антиосманскую борьбу должна была в то же время лишить Влада помощи Польши и Штефана и способствовать стабилизации положения Мирчи, союзника Жигмонда¹⁶.

В сложившихся тяжелых внутривнутриполитических и внешних условиях Мирча придавал важное значение отношениям с Венгрией. В марте 1395 г. между Мирчей и Жигмондом был заключен договор в рамках общей анти-

османской борьбы. По условиям договора, валашский господарь со своими войсками должен был участвовать в военных действиях против султана, обеспечить свободный проход общих антиосманских сил через территорию княжества, за определенную плату обеспечить их провиантом и транспортными средствами. Жигмонд пожаловал Мирче крепость Бран¹⁷.

Между тем враждебная Мирче группировка валашских бояр во главе с претендентом на престол Владом начала с султаном переговоры о помощи. В мае 1395 г. османские войска вторглись на территории к северу от Дуная. Это усилило позиции противников Мирчи. Попытка венгерского короля помочь ему оказалась безуспешной. Посланный во главе отряда на помощь валашскому господарю бывший бан Штефан Лошонц пал в сражении с войсками султана и отрядами Влада¹⁸.

Летом 1395 г. Жигмонд сам возглавил поход в Валахию. Чтобы поддержать Мирчу, находившегося в господарском дворце Куртя де Арджеш, венгерский король был вынужден вести войска длинным и трудным путем через лесистую Трансильванию и малодоступные горные районы. Одержав победу в первом столкновении с турецкими войсками и отрядами Влада в долине Дуная и захватив крепость Малый Никополь¹⁹, Жигмонд повернул свое войско в направлении венгерских границ. На обратном пути близ одного труднодоступного горного перевала в конце августа королевские войска были атакованы отрядами Влада и понесли большие потери²⁰. Мирча, лишенный поддержки боярства в княжестве, не получил таким образом и помощи своего венгерского союзника. Владу с помощью османов удалось захватить Куртя де Арджеш и сместить Мирчу с престола. Став господарем, Влад подчинился султану и уплачивал ему дань²¹.

В ответ на попытку Жигмонда противостоять претензиям Порты на Валахию султан предпринял в конце 1395 г. нападение на Трансильванию²². Неудача похода Жигмонда в Валахию летом 1395 г. была использована польским королем для того, чтобы вовлечь Влада как валашского господаря в орбиту своих интересов, имев-

ших антивенгерскую направленность. На стороне Польши против Мирчи и его венгерского союзника выступал и молдавский господарь Штефан, который актом признания польского сюзеренитета от 16 января 1395 г. обязывался помогать Владиславу против Венгрии, валашского господаря (то есть Мирчи), а также против турок и татар²³. Результаты усилий короля Польши не замедлили сказаться. 28 мая 1396 г. Влад признал себя вассалом польской короны²⁴.

Летом 1396 г. с помощью трансильванского воеводы Штибора Мирча попытался восстановить свои позиции в Валахии. Хотя ему и не удалось устранить своего соперника – Влада, но он сумел собрать значительное число отрядов, с которыми принял участие в организованном Жигмондом осенью 1396 г. крестовом походе²⁵. Судьба похода была решена у крепостных стен болгарского города Никополя на правом берегу Дуая. Жесточайшее сражение (25 сентября 1396 г.) между крестоносными войсками и в два раза превосходившей их по численности армией султана Баязида I закончилось победой османов²⁶. Непосредственным ее следствием был превращение последнего болгарского царства в Видине в турецкий пашалык.

Победа Баязида I под Никополем закрепила османские завоевания на Балканах и поставила перед непосредственной угрозой Венгрию, Молдавское и Валашское княжества, Польшу. Поражение крестоносцев сыграло определенную роль в изменении настроений валашских бояр в пользу антиосманской борьбы, что сразу же сказалось на укреплении позиций Мирчи в Валашском княжестве. При содействии трансильванского воеводы Штибора Влад был свергнут и доставлен в Венгрию, Мирча вернулся в Валахию²⁷.

Нависшая после Никополя опасность османского завоевания Валахии заставляла валашского господаря искать поддержку у венгерского короля. В письме Жигмонда от 23 марта 1399 г. к одному из бывших его союзников говорится о получении письма от Мирчи с просьбой к королю о незамедлительной помощи против Баязида, который может в ближайшее время напасть на

Валахию. Из письма видно, что венгерский король, в полной мере оценивая опасность для Венгерского королевства подчинения султаном Валахии, был, со своей стороны, также заинтересован в поддержке ее правителя²⁸. Это подтверждается и тем фактом, что именно после Никополя Мирча в дополнение к своим прежним владениям в южной Трансильвании²⁹ получает от Жигмонда еще крепость Балогу с поместьем, расположенным в центре Трансильвании, на западе от Клужа³⁰. Определенную роль в укреплении отношений Валахии с Венгрией играли и родственные связи господаря с венгерскими магнатами. Имеются свидетельства, говорящие о венгерском происхождении жены Мирчи³¹.

В начале XV в. Баязид I должен был приостановить наступательные действия на Балканах. В 1400 г. султан двинул свои войска в Малую Азию, куда вторглись полчища среднеазиатского правителя Тимура, стремившегося к возрождению державы Чингис-хана. В битве при Ангоре (Анкаре) 28 июля 1402 г. османские войска были разбиты Тимуром, султан и два его сына попали в плен. После разгрома армии Баязида войска Тимура совершили опустошительные походы на юг и запад Анатолии. Чтобы ослабить империю османов, Тимур расчленил ее на части, восстановив прежде самостоятельные бейлики и разделив османские владения между четырьмя сыновьями Баязида I. Начавшаяся между ними междоусобная борьба за власть усилила опасность распада империи³².

Внутренние неурядицы, возникшие в Османской империи в результате нашествия Тимура, создавали благоприятные условия для организации антиосманского наступления на Балканах. Ослабление империи было использовано и Мирчей, которому в результате ряда военных акций против турецких войск удалось вернуть территории, захваченные султаном в 1393–1396 гг. В то же время, понимая значение объединения усилий европейских государств в борьбе против Османской империи, валашский господарь был готов участвовать со своими военными силами в широком антиосманском наступлении, инициатором которого снова выступил венгерский король. Эти намерения Мирчи проявились во время его

встречи с Жигмондом в конце 1406 г. в Северине, когда шла речь о планах совместных антиосманских действий³³. Но взаимные противоречия помешали европейскими государствам объединиться, чтобы, воспользовавшись ослаблением Османской империи, ликвидировать угрозу османского продвижения в Европу. В этих условиях Мирча стремился использовать разгоревшуюся в империи междоусобную борьбу для укрепления своих позиций. В 1411 г. валашский господарь поддержал одного из претендентов на султанский трон сына Баязида I – Мусу³⁴. Их отношения были скреплены браком Мусы и дочери валашского господаря³⁵.

Но правление Мусы продолжалось недолго. В 1413 г. османский престол занял младший сын Баязида Мехмед I³⁶. Когда в 1415 г. появился новый претендент на престол – брат султана Мустафа, Мирча предоставил ему убежище в своем дворце и оказывал помощь в действиях против Мехмеда в областях к югу от Дуная. В декабре 1416 г. Мустафа потерпел поражение в сражении с султанскими отрядами³⁷. Отношения Мирчи с Мустафой послужили предлогом для экспедиции султана в Валахию. Враждебность султана к валашскому господарю усугубилась тем, что в его стране нашел приют шейх Бедреддин, возглавивший крестьянское восстание 1416 г. в Анатолии и Румелии³⁸. В начале 1417 г. Мехмед двинулся с большим войском на княжество. Мирча вынужден был согласиться на уплату султану дани и послать заложником в Стамбул своего племянника Дана^{39*}.

После смерти Мирчи (1418 г.) в Валахии начинается длительный период политической нестабильности, вызванной борьбой различных группировок крупного боярства за власть и влияние⁴³. Борьба за престол, приводившая к частой смене господарей, отрицательно ска-

* Ряд исследователей, основываясь на свидетельстве Халкокондила о том, что, став султаном, Мехмед I послал войска в Валахию и валашский господарь заключил с ним мир на условия уплаты дани⁴⁰, относят военную экспедицию Мехмеда в Валахию к первым годам его правления, то есть 1413 или 1414 г. Соответственно 1415-м г. эти ученые датируют уплату Мирчей дани османам⁴¹. Между тем свидетельство византийского хрониста не подтверждается турецкими и другими современными →

зывалась на экономике и политической жизни княжества. Положение ухудшалось из-за вмешательства соседних государств, к помощи которых обращались соперничавшие группировки бояр. К этому времени относится появление проосманской боярской группировки, сыгравшей в дальнейшем пагубную роль в подчинении княжества Османской империи. Союз с османами становится в последующем классовой программой крупного валашского боярства. С усилением проосманских настроений среди бояр растет влияние Порты в княжестве.

Летом 1419 г. по приказу султана Мехмеда беи соседних с Валахией областей, в частности Видина, совершили нападение на территорию княжества. В ответ на эту акцию султана венгерский король Жигмонд предпринял осенью 1419 г. антиосманские действия, в результате которых присоединил к своим владениям Северин⁴⁴.

Относительная стабилизация внутреннего положения в империи позволила султану Мехмеду I возглавить летом 1420 г. крупную военную экспедицию против Валахии, чтобы подчинить себе княжество и лишит тем самым Венгрию возможности использовать его в антиосманских планах⁴⁵. Посланное венгерским королем в Валахию войско опоздало. Султанские отряды прошли через княжество в Банат, захватили крепость Северин, важный опорный пункт на пути к Трансильвании. Часть султанских войск после завершения кампании в Валахии направилась к южным границам Молдавского княжества и атаковала крепость Килию, отвоеванную у Валахии незадолго господарем Александром Добрым⁴⁶. Последствия военной экспедиции Мехмеда были тяжелы-

ему источниками. Румынский историк М. Пиенару, проанализировав письменные памятники первых двух десятилетий XV в., в том числе турецкие, персидские, арабские, сирийские, убедительно показал, что в 1413 и 1414 гг. между Мирчей и Мехмедом не было конфронтации, что враждебность султана к господарю появилась только в конце 1416 – начале 1417 г. после того, как при валашском дворе получили убежище сначала его соперник Мустафа, а затем шейх Бедреддин⁴². Следовательно, первая уплата Мирчей дани султану может быть отнесена к 1417 г.

ми для Валахии. Княжество лишилось ряда территорий по Дунаю (в том числе, Добруджи), имевших важное оборонительное значение.

Ставший господаром после смерти Мирчи его сын Михаил I (1418–1420), покровительствуемый Венгрией, был убит Даном II (1420–1431), получившим помощь султана. Но вскоре Дан перешел на сторону венгерского короля Жигмонда I и начал антиосманские военные действия. Дважды, в 1423 и 1425 гг., валашскому господару при поддержке венгерских сил удалось перейти Дунай и нанести османам поражение⁴⁷.

Бояре, сторонники соглашения с султаном, выдвинули против Дана Раду II Празнаглава, которого Порты стала поддерживать в качестве претендента на господарский престол. Борьба между Даном, имевшим покровительство венгерского короля, и Радун Празнаглавом велась с переменным успехом с 1421 по 1427 гг. С османской помощью Раду несколько раз изгонял Дана из Валахии. Весной 1427 г. Дану удалось устранить соперника и утвердиться на престоле⁴⁸. Однако, лишенный помощи Жигмонда, занятого антиосманскими действиями на территории Сербии и потерпевшего неудачу в сражении за крепость Голубац, Дан в 1428 г. подчинился султану с обязательством уплаты дани⁴⁹.

Османское влияние в княжестве усилилось при господаре Александре I Алдя (1431–1436). Его попытки обращения к брашовянам за поддержкой в получении помощи венгерского короля были нерешительны⁵⁰. Безвольный господарь стал послушным инструментом в руках боярства, ориентировавшегося на союз с султаном. Александр Алдя соглашался со всеми требованиями Порты. Он обязался участвовать с отрядом в османском походе на Трансильванию и посылать заложниками в Стамбул сыновей бояр. Политическое господство бояр и вмешательство турок приводили к ослаблению центральной власти. Все это пагубно сказывалось на состоянии хозяйства и всей экономики княжества, вызывало социальные волнения⁵¹.

В этих условиях группа провенгерски настроенных бояр при поддержке феодалов Трансильвании добилась

в 1436 г. возведения на престол другого сына Мирчи, Влада, по прозвищу Дракул. Но Влад Дракул также вскоре изменил ориентацию. Он лично явился к султану с данью и согласился выставить войско для участия в военных действиях османов против Венгрии⁵². Однако, заподозрив измену в продолжающихся связях Дракула с Трансильванией, султан заключил его в тюрьму и выпустил лишь после прибытия в Стамбул в качестве заложников его малолетних детей⁵³.

Дракул принял участие в антиосманской борьбе, возглавленной трансильванским воеводой и правителем Венгрии Яношем Хуньяди. Когда османские войска во главе с румелийским бейлербеем Шехабеддином вторглись в Валахию, Хуньяди пришел на помощь валашскому господарю и в сентябре 1442 г. нанес поражение османам в долине р. Яломицы⁵⁴. Во время предпринятого Венгрией по инициативе папы осенью 1444 г. антиосманского похода валашские отряды должны были прибыть в Никополь, куда направлялись, перейдя в сентябре Дунай, войска Хуньяди. В Никополе, увидев, как многочисленны отряды, возглавляемые Хуньяди, Влад Дракул отказался участвовать в походе⁵⁵. После поражения под Варной возвращавшийся через Валахию Хуньяди был пленен валашским господарем и освобожден лишь под угрозой вторжения венгерских войск⁵⁶. Но уже осенью 1445 г. Влад Дракул со своими войсками участвовал в новой антиосманской экспедиции Хуньяди, в результате которой была освобождена крепость Джурджу.

Вскоре Дракул примирился с султаном. Тогда Хуньяди поддержал претендента на валашский престол Владислава II и с целью оказания ему помощи организовал в январе 1447 г. поход в Валахию⁵⁷. Но Владислав стал проводить политику лавирования между Венгрией и Османской империей. В его правление внешнеполитическое положение Валахии определялось османо-венгерским договором 1452 г., по условиям которого княжество, оставаясь вассалом Венгрии, должно было уплачивать дань Порте⁵⁸.

В 1456 г. престол Валахии занял Влад Цепеш*, пользовавшийся поддержкой Яноша Хуньяди, который рас-

* Влад жестоко расправлялся со своими противниками, часто приказывая сагать их на кол, за что получил свое прозвище Цепеш (Кол)⁵⁹.

считывал привлечь валашского господаря к планировавшемуся в это время антиосманскому крестовому походу⁶⁰. Цепешу удалось добиться консолидации во внутреннем и внешнем положении княжества. Он принял меры для укрепления государственного аппарата и военных сил. Своей резиденцией господарь сделал крепость Бухарест⁶¹.

Стремясь стабилизировать экономическое положение в княжестве, Цепеш стал покровительствовать местным торговцам. В 1459 г. он запретил иностранным купцам ездить по стране, ограничив их торговлю только несколькими ярмарками в пограничных местностях⁶². Недовольство этими мерами трансильванских купцов привело к тому, что власти Сибиу и Брашова, особенно заинтересованных в торговых отношениях с Валахией, поддержали против Цепеша претендента на валашский престол Дана. При содействии германского императора Фридриха III, являвшегося соперником Матьяша Корвина в борьбе за венгерскую корону, Дан выступил в 1459 г. против Цепеша, обвиняя его в том, что он предался османам⁶³. Связи трансильванских городов с Даном побудили Цепеша организовать вторжение в Трансильванию.

Во внешней политике Цепеш ориентировался главным образом на Венгрию. Будучи вассалом венгерского короля, он в первые годы своего правления сохранял мирные отношения с султаном, выплачивая ему дань⁶⁴.

После завоевания османами Сербии (1459 г.) границы их владений оказались в непосредственной близости от Валахии. Угроза подчинения княжества, попытки Порты увеличить обязательства господаря перед султаном заставили Цепеша примкнуть к антиосманскому крестовому походу, весть о подготовке которого через католических монахов достигла и господарского двора⁶⁵. Основываясь на существовавших валашко-трансильванских торговых связях, Цепеш договорился в 1460 г. о совместных антиосманских действиях с городами Брашовом, Сибиу, саксонской и секейской общинами Трансильвании⁶⁶. Валашский господарь был заинтересован в поддержке его союза с Трансильванией со стороны венгерского короля. Возникшая после 1460 г. перспектива

военной конфронтации Венгрии с Османской империей дала Цепешу повод обратиться в 1462 г. к венгерскому королю Матьяшу Корвину (1458–1490) с выражением готовности участвовать в крестовом походе и с просьбой о поддержке⁶⁷.

Воспользовавшись в 1461 г. занятостью султана Мехмеда II действиями против антиосманского союза Давида Комнина, императора Трапезунда, и правителя государства Ак-Коюнлу Узун Хасана, Цепеш отказался от уплаты дани османам. Он не только не доставил ее в Порту, но и жестоко расправился с посланцами султана, который потребовал от господаря 10 тыс. золотых⁶⁸. В ответ османы, предводительствуемые Мехмед-пашой, напали на Валахию и подвергли княжество разорению, но при возвращении были атакованы войсками Цепеша⁶⁹.

Летом 1462 г. султан Мехмед II во главе большого войска вторгся в Валахию⁷⁰. В качестве претендента на валашский престол Порты поддерживала Раду Красивого, брата Цепеша. Недовольные централизаторской политикой господаря крупные бояре восстали против него, пошли на сговор с османами и перешли на сторону Раду. Цепеш отступил, рассчитывая соединиться с венгерскими войсками. Но король предпочел мир с Радой; Цепеш был заключен в тюрьму⁷¹.

Проосманская позиция, занятая крупным боярством во время экспедиции Мехмеда II в Валахию, коренилась в укреплении экономических связей бояр с Османской империей. Об этом свидетельствуют данные источников об экспорте валашскими боярами на османские рынки продукции своих вотчин, в том числе зерна, о все более частом появлении турецких торговцев на территории княжества и о случаях приобретения здесь османами недвижимого имущества⁷².

Проосманская ориентация валашских бояр создавала благоприятные условия для вмешательства Порты во внутренние дела княжества.

Получивший с помощью османов валашский престол брат Цепеша Рада Красивый (1462–1474) стал послушным орудием Порты. Рада согласился уплачивать ежегодную

дань в размере 12 тыс. золотых султану, который обещал господарю военную поддержку в случае необходимости⁷³. Валашские отряды были в составе османских войск в походе Мехмеда II в Азию⁷⁴ (1473 г.). Раду, являясь одновременно вассалом венгерского короля⁷⁵, воевал с молдавским господарем Штефаном III Великим, находившимся в это время во враждебных отношениях с Матьяшем Корвиным. Штефан предпринимал неоднократные попытки вывести из-под влияния османов Валахию и сделать ее своей союзницей*. В 1470–1473 гг. он трижды совершал нападения на Валахию, чтобы сместить Раду и передать власть своему ставленнику Басарабу Лайоте.

Оказавшись в 1473 г. при содействии молдавского господаря на валашском престоле, Лайота сразу же переметнулся на сторону султана, видя в этом единственное средство стабилизации положения в княжестве⁷⁶. Летописцы того времени единодушно утверждают, что Лайота "подчинил страну туркам"⁷⁷. Как и его предшественник на престоле, Лайота должен был выставлять валашские отряды в османскую армию, выступавшую в очередной завоевательный поход. По свидетельству венецианской хроники, в 1474 г. он лично доставил дань султану и принял со своими отрядами участие в его экспедиции против Узун-Хасана⁷⁸. В 1476 г. валашские войска были в составе армии Мехмеда II в походе на Молдавское княжество⁷⁹.

В 1478 г. с помощью венгров в Валахии утвердился Басараб Цепелюш, которого поддержал и молдавский господарь Штефан⁸⁰, признавший к тому времени венгерский сюзеренитет. Однако и Цепелюш вскоре переориентировался на османов. Его правление заполнено борьбой с Лайотой, стремившимся вернуться на валашский престол. В этой борьбе на стороне Лайоты выступал и трансильванский воевода Иштван Батори. Утверждение в Валахии Цепелюша, перешедшего на сторону султана, создавало постоянную опасность для венгерских границ. В 1479 г. валашский господарь участвовал со своими

* См. § 2 данной главы.

отрядами в походе османов на Трансильванию, где они были разгромлены в битве на Хлебном поле (13 октября)⁸¹. После смерти Лайоты Батори в борьбе против Цепелюша поддерживал стремившегося стать господарем Валахии Влада Кэлугэра, который обосновался в Брашове, служившем нередко опорой для претендентов на валашский престол. В письме к брашовянам в конце 1480 г. Цепелюш устрашал их силой турок, так как они приютили у себя его врага (то есть Влада Кэлугэра)⁸². Противником Цепелюша выступал и молдавский господарь Штефан, преследовавший цель посадить на валашский престол своего ставленника. В июне 1480 г. в результате очередного похода Штефана Цепелюш был изгнан из Валахии⁸³. Часть крупных валашских бояр перешла на сторону Влада Кэлугэра. Но в феврале 1481 г. Цепелюш вместе с османскими войсками во главе с Али-бегом вернулся в княжество⁸⁴ и летом этого же года принял участие в османском нападении на Молдавское княжество⁸⁵. Летом 1481 г. при поддержке Штефана Владу снова удалось устранить Цепелюша и захватить валашский престол⁸⁶. Однако Цепелюш с помощью османов сумел в ноябре 1481 г. опять вернуться к власти.

Весной 1482 г. борьба между соперниками возобновилась и закончилась победой Влада Кэлугэра, получившего поддержку венгерского короля Матьяша Корвина. Но, став после двух лет борьбы с Цепелюшем господарем Валахии, Влад при поддержке крупного боярства также перешел на проосманские позиции, подчинив свою политику интересам Порты⁸⁷. В период его господства султан узаконил право утверждения господаря в Валахии с вручением за определенную плату (мукареер) фирмана на правление и знаков власти (кафтана, знамени и т. д.). Наряду с уплатой хараджа стало правилом участие валашских войск во главе с господарем в военных походах османов. Показательны свидетельства венецианского рапорта из Стамбула от 1492 г., когда османы вели широкие военные приготовления на Дунае; в ответ на распоряжение Порты готовиться к походу Влад Кэлугэр писал, что как верный слуга он всегда готов выступить с войском туда, куда призовет его султан⁸⁸. В 1485 г.

валашский господарь вместе с османами участвовал в нападении на Молдавское княжество, а в следующем году содействовал проходу через Валахию султанских сил во главе с Алибеем и Петром Хронотом, направлявшихся против молдавского господаря Штефана⁸⁹.

Со времени правления Влада Кэлугэра султан стал практиковать периодический вызов в Стамбул господаря для переутверждения на престоле и получения при этом дополнительной платы (малого мукарера).

Подчинение валашского господаря османам создавало прямую опасность для границ королевства Венгрии. В январе 1493 г. отряды беев Смедерева и Видина, Алибея и Малкоча, прошли через Валахию и разорили пограничные районы Трансильвании⁹⁰. Обеспокоенные тем, что османы все чаще стали использовать территорию Валахии для нападений на Трансильванию, венгерские короли через трансильванскую воеводу усиливали поддержку своих претендентов на валашский престол, стремясь путем вассальных отношений укрепить влияние короны в княжестве.

Итак, как общая международная обстановка на Балканах, так и внутривосточное положение в самом княжестве способствовали тому, что османы к концу XV в. подчинили себе Валахию, превратив ее господаря в послушного вассала. Помимо уплаты возраставшей суммы хараджа в обязательство господаря стали входить посылка из числа его ближайших родственников заложников в Стамбул, участие со своими отрядами в османских военных походах. Сложилась практика утверждения султаном господарей на престоле и периодического переутверждения с вызовом в столицу империи и взиманием определенной суммы (мукарера).

Отрицательную роль сыграли междоусобные распри между боярскими группировками за власть в княжестве, осложнявшиеся вмешательством Венгрии и Османской империи. Определяющей оказалась политика крупного валашского боярства, ориентировавшегося в защите своих классовых привилегий на союз с османами. Влияние этой группировки господствующего класса Валахии было настолько сильным, что все господари, в том числе

и те, которые получали престол при поддержке антиосманских сил извне, под давлением крупного боярства были вынуждены переходить на сторону султана.

2. Внешнеполитическое положение Молдавского княжества в условиях османской экспансии во второй половине XV в.

После захвата в 1453 г. султаном Мехмедом II Константинополя выявилось главное направление османской политики, целью которой было приобретение ключевых позиций на Черном море и на Дунае, открывавших дорогу в Северное Причерноморье и в области Нижнего и Среднего Подунавья⁹¹. В выполнении этой программы важное значение османы придавали завоеванию портов Килии и Белгорода, черноморских крепостей, являвшихся богатыми центрами торговли, с которых можно было взимать дань и тем самым пополнять материальные ресурсы Порты.

Уже на следующий год после падения Константинополя, в 1454 г., Мехмед II направил флот в северные районы Черного моря, чтобы продемонстрировать свою силу в качестве нового хозяина Босфора. Правители Пелопоннеса, Хиоса, Лесбоса, Трапезунда, Сербии, Генуи и Венеции поспешили с дарами на поклон султану, который потребовал от них ежегодной дани⁹².

Для Молдавского княжества османская угроза стала реальной летом 1454 г., когда турецкий флот из 56 кораблей атаковал Белгород. Только многочисленными дарами султану город сумел откупиться. На уплату османам дани в 3 тыс. дукатов в марте 1455 г. была вынуждена согласиться генуэзская колония Каффа⁹³.

Используя сложившуюся обстановку, султан продолжал концентрировать свои военные силы на юго-востоке Европы. В августе-сентябре 1454 г. османские войска напали на Сербию. Папа Каликст III провозгласил в декабре того же года антиосманский крестовый поход, который должен был возглавить венгерский король. Несмот-

ря на успехи армии крестоносцев во главе с воеводой Трансильвании Яношем Хуньяди под Белградом в 1456 г., Венгрии не удалось отстоять Сербию⁹⁴. Начавшаяся после смерти деспота Лазаря (1458 г.) борьба среди сербских феодалов – между сторонниками Порты и венгерского короля – облегчила османам полное подчинение в 1459 г. Сербии. В 1460 г. в состав Османской империи была включена Морея⁹⁵.

В условиях сложной внешнеполитической ситуации и внутренних неурядиц, вызванных междоусобными войнами между боярскими группировками, османская угроза заставила и вассала Польши молдавского господаря Петра III Арона осенью 1455 г. согласиться на уплату султану дани в 2 тыс. золотых дукатов⁹⁶. Установление мирных отношений с султаном путем откупа данью позволило молдавскому господарю получить от Мехмеда II привилегии от 9 июня 1456 г. для купцов Белгорода с разрешением торговать в османских землях⁹⁷. В результате Молдавское княжество, оставаясь в вассальных отношениях с Польшей, становится данником Порты*.

Во второй половине XV в., после длительных боярских междоусобиц, политическая обстановка в Молдавском княжестве стабилизировалась. Главным фактором внутренней консолидации княжества было укрепление центральной власти, которое произошло в годы правления господаря Штефана III (1457–1504), вошедшего в историю под именем Великий.

Необходимость усиления власти господаря диктовалась прежде всего объективными социально-экономическими причинами, связанными, в частности, с потребностями развития экономики и торговли, роста городов,

* Многие исследователи придерживаются мнения, что датой первой уплаты Молдавским княжеством дани османам является 1456 г. При этом аргументом служит письмо Петра Арона, посланное из Васлуя логофету Мihu, направлявшемуся с данью к султану, ошибочно датированное 5 октября 1456 г.⁹⁸ В последнее время в подтверждение даты уплаты дани в 1456 г. ссылаются на акт Мехмеда II от 9 июня 1456 г. о предоставлении торговых привилегий белгородским купцам, который стал рассматриваться как двусторонний османо-молдавский договор⁹⁹.

интересами защиты позиций класса феодалов в условиях растущего сопротивления крестьянства усилению феодальной зависимости и т. д. Важное значение имели и задачи обороны княжества, которые становятся первостепенными во второй половине XV в. в связи с расширением османской экспансии в Юго-Восточной Европе.

Сместив с престола Петра Арона и став господарем, Штефан III сосредоточил усилия на мерах по внутренней консолидации княжества, которой он придавал особое значение в условиях возраставшей внешней опасности. Главную задачу господарь видел в том, чтобы создать надежную социальную опору для проведения своей внутренней и внешней политики.

В первые годы правления Штефан, расправляясь с боярами, открыто выступавшими против нового господаря, был вынужден проводить политику компромисса по отношению к оппозиционным группировкам крупного боярства. При отсутствии в княжестве достаточного фонда свободных земель и связанной с этим малочисленности военнотрудового сословия господарь расширял социальную базу своей власти путем привлечения к управлению среднего боярства. Сторонниками Штефана выступали города и церкви, заинтересованные в укреплении господарской власти.

К концу XV в. с усилением центральной власти позиции крупного боярства ослабели и компромисс с ним Штефан стал использовать лишь в особо трудные моменты для княжества, связанные, главным образом, с внешней опасностью.

Перед молдавским господарем стояла задача создания сильной армии. Задача эта диктовалась не только потребностями обороны княжества от внешних врагов. В условиях завершения процесса феодализации во второй половине XV в. дальнейшее развитие феодализма происходило по линии усиления эксплуатации зависимого крестьянства. Сильная армия должна была обеспечить господствующему классу феодалов базу внеэкономического принуждения в наступлении на крестьянство¹⁰⁰.

Молдавская армия в XV в. состояла из так называемого "малого войска" и "большого войска", созывавше-

гося в случае возникновения внешней опасности. "Малое войско", численность которого не превышала 10 тыс. человек, составляли господарские отряды из служилых людей и боярские дружины. Завершение процесса феодализации в княжестве сократило количество свободных земель как резерва для увеличения сословия военно-служилых людей, поэтому Штефан укреплял армию путем созыва "большого войска" из числа феодально-зависимых крестьян и горожан. Это позволяло в периоды войн превращать "малое войско" в большую 40-тысячную армию¹⁰¹. Молдавское войско из зависимых крестьян уступало по своей организации регулярным войскам соседних стран. Но частые созовы войска во второй половине XV в. в связи с возросшей внешней опасностью для княжества позволили Штефану создать обученную и достаточно организованную армию¹⁰².

В укреплении рубежей княжества Штефан придавал большое значение крепостям, являвшимся во время войн опорными пунктами в обороне и в наступлении. Необходимо было расширить территории пограничных крепостей, некоторые из них отремонтировать, в отдельных районах построить новые и, оснатив их артиллерией, соединить все укрепления в единую фортификационную систему.

На южной границе, подверженной в первую очередь османской угрозе, военно-стратегическое значение имела крепость Килия, уступленная в 1448 г. господарем Петром II венгерскому правителю Яношу Хуньяди за содействие в получении молдавского престола¹⁰³. Штефан предпринимает ряд военных акций и в 1465 г. отвоевывает крепость, превращает ее в важный опорный пункт обороны южных границ княжества. Отвоевав крепость Крэчун, молдавский господарь укрепляет и границу с Валахией. На восточной границе княжества, которой постоянно угрожали татары и которая находилась в поле зрения польских и литовских феодалов, наряду с укреплением существовавших крепостей Хотина и Белгорода во время правления Штефана были построены две новые вые – Сороки и Оргеев. Внутри страны, где в системе укреплений важное место занимали Сучава и Нямц, соо-

ружается новая крепость в Романе. Укрепления воздвигались в крупных городах княжества, в монастырях и боярских усадьбах.

Обновление старых и строительство новых крепостей не только укрепляли обороноспособность княжества, но и оказывали влияние на усиление власти Штефана и его позиций внутри страны, способствуя тем самым внутриполитической консолидации.

С необходимостью стабилизации внутреннего положения и укрепления господарской власти были связаны и первые внешнеполитические акции Штефана. Главная их цель состояла в том, чтобы предотвратить вмешательство соседних стран в дела княжества.

Соперник Штефана Петр Арон с поддерживавшей его группировкой бояр бежал в Польшу, рассчитывая при ее помощи вернуть молдавский престол. В ходе борьбы с Петром Ароном Штефан несколько раз вторгнулся в пределы пограничных польских территорий.

Король Казимир IV был не прочь использовать Арона в целях упрочения своих позиций в Молдавском княжестве, но действенной поддержки оказать претенденту не мог, так как был занят длительной войной с Тевтонским орденом. Когда же в 1458 г. войска Штефана проникли в Покутье, Казимир IV был вынужден заключить мир с господарем. По условиям договора 1459 г. король признавал Штефана на молдавском престоле и обязывался не допускать Петра Арона к границам княжества. Уступая Польше Хотин, господарь получал отсрочку в принесении вассальной присяги королю¹⁰⁴.

Такой поворот событий рассеял надежды Петра Арона на возвращение молдавского престола с помощью Польши. Тогда он заручился покровительством венгерского короля Матьяша Корвина и обосновался в Трансильвании. Корвин также был готов использовать Петра Арона для того, чтобы заставить молдавского господаря признать венгерский сюзеренитет. В этих условиях Штефан должен был строить свою политику с учетом соперничества Венгрии и Польши за влияние в Молдавском

княжестве, которое, как и Валахия, занимало важное место в их планах противодействия продвижению османов на юго-востоке Европы. Главной целью этих планов было установление контроля над важнейшими путями черноморской торговли и дунайской торговой артерией. Ягеллоны стремились утвердиться в Северном Причерноморье, в то время как Венгрия укрепляла свои позиции в Карпато-Дунайской области¹⁰⁵.

Особую роль в закреплении на Дунае венгерский король Матьяш Корвин отводил крепости Килии, где находился венгерский гарнизон. Килия являлась важным торговым центром и портом, занимавшим стратегическое положение в устье Дуная¹⁰⁶. Оценивая экономическое и военное значение крепости для княжества, Штефан решил отвоевать ее. Но он понимал, что осуществление его замысла приведет к военному конфликту с венгерским королем.

Предвидя неизбежность столкновения с Корвиным, Штефан ускорил принесение вассальной присяги польскому королю, чтобы заручиться его поддержкой. Молдавско-польский договор 1462 г. подтвердил основные положения мира 1459 г. Господарь обязывался не выступать на стороне противников польского короля и без его согласия не заключать союз с какой-либо страной, фиксировался также отказ от приобретения новых территорий. В то же время за господарем закреплялось право на возвращение утраченных княжеством земель. По договору Польша возвращала Молдавскому княжеству Хотин¹⁰⁷.

Признание польского сюзеренитета давало Штефану свободу действий, так как король был занят войной с Тевтонским орденом¹⁰⁸, а полученное по договору право на восстановление утраченных земель служило формальным основанием для возвращения Килии.

Штефан начал свои действия в момент, когда Венгрия была отвлечена событиями в Валахии, которая летом 1462 г. подверглась нападению османов. Султан сверг Цепеша и сделал валашским господарем Раду Красивого.

В июне 1462 г. Штефан окружил Килию с суши. В это

время на море перед крепостью появился османский флот. Венгерский гарнизон надежно укрепил крепость и находился в состоянии боевой готовности. Внезапная атака молдавских войск не имела успеха. Штефан был ранен в ноги и вынужден отступить¹⁰⁹. Матьяш Корвин предпринял одновременно дипломатический нажим на молдавского господаря, приняв в 1462 г. в Буде соперника Штефана Петра Арона, не оставлявшего надежды на свое возвращение в княжество¹¹⁰.

Корвин передал крепость Килию валашскому господарю Раду Красивому, признавшему венгерский сюзеренитет и являвшемуся также данником Порты¹¹¹. Венгерский король рассчитывал, что Штефан не рискнет выступить против Раду, который мог просить помощи османов. Жители Килии, боясь оказаться под властью султана, начали тайные переговоры с Польшей и ее вассалом молдавским господарем¹¹².

Штефан стал готовиться к новому нападению на крепость. Международная обстановка благоприятствовала планам молдавского господаря. В 1463 г. Венеция, объединившись с вождем албанского освободительного восстания Скандербегом и с Корвиным, начала войну с османами. Положение Порты осложнялось тем, что в союз с Венецией вступил соперник османских султанов за власть в Восточной Анатолии Узун Хасан, правитель государства Ак-Коюнлу.

Штефан использовал занятость соседних стран османо-венецианской войной и в 1465 г. снова предпринял военные действия против Килии. Благодаря внезапности нападения он сумел парализовать действия крепостного гарнизона. 23 января молдавские войска проникли в город и осадили крепость; через два дня она уже была в руках Штефана¹¹³. Валашский господарь Раду попросил у султана помощи против молдавского господаря, но Штефан направил в Порту посла с данью и дарами. Султан увеличил размер дани Молдавского княжества с 2 до 3 тыс. золотых¹¹⁴. Штефан был вынужден согласиться на это увеличение и ценой такой уступки добиться мира с Османской империей, в котором он особенно нуждался в условиях конфронтации с Венгрией.

Завоевание Штефаном Килии привело к обострению молдавско-венгерских отношений. Господарь решил укрепить границу с Венгрией, усилив свое влияние в области секеев в Трансильвании. Это было важно потому, что секеи составляли авангард венгерских войск, направлявшихся на восток, в Молдавское княжество. Штефан поддерживал волнения секеев против произвола трансильванского воеводы и короля Матьяша¹¹⁵.

Отношения с венгерским королем ухудшились в 1467 г., когда выявились связи и молдавского господаря с восстанием сепаратистски настроенных трансильванских феодалов: Восстание отражало интересы феодального класса Трансильвании и не было поддержано народными массами. Поэтому Корвину легко удалось его подавить. Руководители восстания были вынуждены присягнуть королю. Часть восставших подверглась казни, многие мятежники бежали через границу в Польшу и Молдавское княжество¹¹⁶.

Отношения Штефана с восставшими послужили поводом для открытого конфликта Матьяша Корвина с молдавским господарем. Венгерского короля подстрекали к этому Петр Арон и другой претендент на сучавский престол Бериндей. Под предлогом причастности Штефана к трансильванским событиям 1467 г. Корвин предпринял поход на Молдавское княжество. Подавив в сентябре 1467 г. восстание в Трансильвании, Матьяш двинул войска против Штефана. В планах Корвина делался расчет на использование внутривластных сложностей в княжестве, связанных с оппозицией крупного боярства господарской власти. С действиями этой группировки бояр, надо полагать, был связан конфликт Штефана с боярством, возникший после вступления в ноябре 1467 г. венгерских войск на территорию княжества¹¹⁷.

Армия Корвина двинулась вдоль реки Сирет по направлению к Сучаве. Пока собиралось "большое войско", молдавский господарь, применяя тактику изматывания врага непрерывными и внезапными ударами, пытался силами "малого войска" остановить продвижение численно превосходящих венгерских войск в глубь страны.

Как писал впоследствии Стефан польскому королю Казимиру, молдавские войска завязывали сражения с венграми "и в поле, и в долинах рек, везде, где было возможно, ночью и днем, в любую погоду"¹¹⁸. Население княжества прятало и сжигало продовольствие, зерно, фураж. Но остановить движение венгерских войск не удалось.

Несмотря на значительные потери и трудности наступления, венгерская армия захватила города Бакэу, Роман и древнюю столицу княжества Байя. Из Байи венгерский король планировал начать наступление на Сучаву. Воспользовавшись временной остановкой противника, Стефан предпринял в ночь с 14 на 15 декабря смелую атаку Байи. Внезапным нападением он окружил венгерские войска и нанес им поражение. Битва была ожесточенной и продолжалась всю ночь. К исходу сражения господарь подослал в город своих переодетых воинов, которые подожгли его. К утру венгерские войска начали отступление. Тяжело раненый Матьяш с остатками своей армии был вынужден покинуть молдавскую территорию¹¹⁹.

Победа, одержанная Стефаном при Байе, укрепила внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Вырос престиж господаря среди соседних стран. Свои военные успехи в борьбе с Корвиным Стефан закрепил дипломатическими мерами. При подтверждении в 1468 г. присяги польскому королю господарь добился обязательства Польши защищать княжество "от турков и от татар и от Угорства"¹²⁰.

Победа при Байе способствовала упрочению власти господаря внутри страны. В 1469 г. Стефан смог расправиться со своим соперником Петром Ароном, воспользовавшись тем, что его покровитель Матьяш Корвин был отвлечен в это время чешскими делами. Военные и дипломатические успехи Стефана содействовали ликвидации последствий феодальных войн в княжестве.

Добившись внутренней консолидации, молдавский господарь стремился упрочить внешнеполитические позиции княжества. Первоочередной задачей для Стефана стала борьба за Валахию, где усилилось османское влияние, представлявшее угрозу для Молдавского кня-

жества. Прежде всего, Штефану необходимо было сместить с валашского престола поддерживаемого султаном Раду Красивого, с которым он столкнулся в ходе борьбы за Килию, и заменить его своим ставленником. Это дало бы возможность молдавскому господарю включить Валахию в сферу своей политики и расширить его материальные и военные ресурсы.

Выдвигая задачу борьбы за Валахию, Штефан учитывал и международную обстановку в регионе. Султан был занят продолжавшейся войной с Венецией и обострившимся в 1470 г. соперничеством с Узун Хасаном. Матьяша Корвина отвлекала необходимость борьбы с оппозиционными магнатами, организовавшими в 1471 г. заговор против короля. Эти обстоятельства позволили молдавскому господарю начать решительные действия против Раду Красивого.

В 1470 г. войска Штефана разорили и сожгли ряд валашских крепостей, в том числе Брэилу. Не имея достаточных возможностей для ответных действий, Раду просил помощи у султана. В конце лета 1470 г. татары перешли Днестр и начали разорение восточных районов княжества, воспользовавшись занятостью господаря на южных рубежах. Но Штефан встретил возвращавшиеся татарские отряды недалеко от Днестра у Липника и внезапным ударом разгромил их¹²¹.

В ответ на действия Штефана, Раду Красивый выступил в 1471 г. в поход против молдавского господаря. Между тем, Штефан, опередив его, в местечке Сочи нанес ему поражение¹²². Появившиеся в это время с севера татары помешали Штефану в полной мере реализовать его военные планы и закрепить успех.

Победа при Сочи не решила главной задачи молдавского господаря – вывести Валахию из орбиты султанской политики. Необходимо было добиться свержения Раду и возведения на валашский престол своего ставленника. Но действия против Раду логически приобретали антиосманскую направленность.

Вступая в конфронтацию с султаном, Штефан рассчитывал на поддержку Польши. Но польский король предпочитал сохранять мир с Османской империей. Штефан пони-

что ему необходимо наладить отношения с Венгрией. Матяш Корвин, занятый в 1471–1474 гг. борьбой с Владиславом Ягеллоном за обладание чешской короной²³, был заинтересован в невмешательстве молдавского господаря в венгерско-польское соперничество. Обоюдные интересы привели к тому, что при посредничестве трансильванских городов в 1471–1473 гг. налаживаются молдавско-венгерские торговые связи²⁴, которые способствовали и взаимопониманию между сторонами в сфере политики.

Важное значение Штефан придавал укреплению своих позиций в Причерноморье. Главную роль здесь он отводил Килии. Перед лицом растущей османской опасности Штефан искал союзников. Молдавский господарь привлек на свою сторону Мангупское княжество, женившись в 1472 г. на Марии, сестре мангупских правителей Исаака и Александра²⁵. Он установил сношения с Венецией и папством, которые, воспользовавшись тем, что султан Мехмед II вел военные действия против Узун Хасана, объединились с Венгрией, Неаполитанским королевством и Кипром в антиосманскую лигу. Примкнул к ней и молдавский господарь²⁶. Штефан вступил в переговоры с Узун Хасаном, который через посла Исаакбега пытался склонить европейских правителей к совместным антиосманским действиям²⁷. Но султан Мехмед II, используя соперничество европейских стран, успешно нейтрализовал эти планы и в 1473 г. в решающем сражении при Эрзинджане (Эрзеруме) разгромил Узун Хасана²⁸.

Предприняв таким образом определенные дипломатические шаги для упрочения позиций княжества в регионе, Штефан возобновил борьбу с валашским господарем Раду Красивым. Отвлечение османских сил в Малой Азии и продолжавшаяся война султана с Венецией благоприятствовали осуществлению планов молдавского господаря. Военные силы Раду были ослаблены, так как по приказу Порты 12-тысячное валашское войско должно было участвовать в экспедиции султана против Узун Хасана²⁹.

Ставленником Штефана на престол Валахии был

Басараб Лайота, находившийся в Трансильвании¹³⁰. В ноябре 1473 г. Штефан двинул свои отряды против Раду. Трехдневная битва в уезде Рымник-Серат завершилась победой молдавского господаря. Раду был вынужден бежать в Турцию, господарем Валахии стал Лайота. Но в декабре с 15-тысячным османским войском Раду вернулся в княжество и изгнал Лайоту. Преследуя его, султанские отряды вторглись в Молдавское княжество, остановились у Бырлада и подвергли опустошению и разорению соседние уезды, но вскоре отступили без столкновения с молдавским войском¹³¹. Весной 1474 г. Штефану удалось вернуть Лайоту на валашский престол. Раду бежал в Трансильванию, в Фэгэраш, где и умер в том же году.

Вначале Лайота был в сфере политики молдавского господаря, но очень скоро под давлением османов подчинился Порте¹³². Тогда Штефан решил оказать помощь другому претенденту на валашский престол – Басарабу Молодому, или Цепелюшу, поддерживаемому Венгрией. Скоординировав свои действия с Цепелюшем, который из Трансильвании перешел с войском через горы в Валахию, молдавский господарь двинулся на Лайоту. Между тем Цепелюш, потерпев поражение от валашского господаря (5 октября 1474 г.), вынужден был возвратиться в Трансильванию. Штефану удалось захватить город Теляжин и разбить Лайоту¹³³, но развить этот успех он не смог, так как над Молдавским княжеством нависла османская угроза.

После разгрома Узун Хасана Мехмед II снова обратился к своим европейским планам. Для их реализации важное значение имело подчинение Молдавского княжества. Султан не мог допустить укрепления позиций княжества в Причерноморье в связи с завоеванием Штефаном Килии и установлением им родственных отношений с Мангупским княжеством. Тем более, что молдавский господарь прекратил с 1473 г. уплату дани и стремился утвердить свое влияние в Валахии. По свидетельству турецкого и польского хронистов, султан потребовал через своего посла, чтобы Штефан отдал ему Килию и Белгород и лично доставил дань, как это делает гос-

подарь Валахии¹³⁴. Но Штефан игнорировал требование султана и осенью 1474 г. выступил против Лайоты. Тогда султан решил подчинить молдавского господаря военной силой и в 1475 г. двинул против Молдавского княжества, по свидетельствам современников, почти 100-тысячное войско во главе с румелийским бейлербеем Хаджи Сулейман-пашой. Здесь же были и отряды Лайоты. Штефан располагал "большим войском" численностью в 40 тыс. человек, на помощь ему прибыли венгерские силы под командованием Иштвана Батори и польские отряды¹³⁵.

Учитывая соотношение сил, Штефан приказывал уничтожать все на пути следования врага. Жители сёл сжигали жилища, прятали скот, зерно, корм. В османском войске начался голод. Господарь между тем искал для сражения место с такими географическими условиями, которые не позволили бы османам использовать свое численное превосходство. Таким местом был избран Васлуй у слияния рек Раковы и Бырлада. Болотистая земля и лес в этом районе отвечали планам молдавского господаря. Утром 10 января 1475 г. под прикрытием густого тумана Штефан начал сражение, атаковав османские войска с фронта и с фланга. В решающий момент он сам бросился в атаку, и османы обратились в бегство. Около четырех дней преследовала молдавская армия остатки войск Сулеймана¹³⁶. Большинство его воинов было уничтожено при переправе через Дунай. Разгром султанской армии при Васлуе военными силами небольшого княжества был неожиданным для османов. Турецкие хронисты описывают большие потери мусульманского войска¹³⁷. "И чуть все войско не было уничтожено, — писал Саадеддин. — И сам Сулейман с трудом спасся бегством"¹³⁸.

Поражение у Васлуя разрушило надежды султана на быстрое подчинение Молдавского княжества. В то же время Штефану было ясно, что оно не остановит завоевателя Константинополя. Через своих послов господарь разослал обращение к европейским правителям. Перед лицом готовящегося нового османского похода он предлагал объединить усилия для борьбы с Османской им-

перией. Предупреждая об османской угрозе, молдавский господарь просил помочь отстоять независимость его страны, которая, как он писал, является "воротами христианства" и "если она падет, весь христианский мир будет в большой опасности"¹³⁹. Обострившиеся противоречия между странами Европы отодвигали на второй план проблему османской опасности для континента. В ответах на обращение Штефана европейские правители ограничились лишь поздравлениями, о реальной помощи господарю не было и речи.

Экономика Молдавского княжества была тесно связана с генуэзскими колониями на Черном море, ее важными артериями являлись порты и крепости в устье Дуная и в Причерноморье. Султан понимал, что для подчинения Молдавского княжества необходимо в первую очередь лишить его торгово-экономических артерий. Заключение весной 1475 г. перемирия с Венецией позволило османам освободить флот для действий на Черном море и захватить в июне 1475 г. Каффу¹⁴⁰. Османская угроза нависла над Мангупским княжеством. Его правитель Исаак перешел на сторону турок. Штефан попытался повлиять на ход событий в Мангупе. Исаак был убит братом Александром, настроенным против султана. В декабре 1475 г. османы осадили Мангупскую крепость. В ходе начавшейся в княжестве внутренней борьбы пал жертвой Александр. Штефан послал для поддержки гарнизона крепости отряд в 300 человек, но изменить положение в свою пользу уже не смог: Мангуп подчинился османам¹⁴¹.

После падения Каффы и Мангупа было совершенно очевидно, что следующей целью завоевательных устремлений султана окажутся молдавские крепости-порты Килия и Белгород. Уже в 1475 г. по указу Порты пограничные санджакбеи пытались атаковать крепости¹⁴². Штефан начал работы по их укреплению. Как сообщает летописец, в 1479 г. господарь основал на левом берегу Дуная напротив Килии новую крепость¹⁴³. В 1476–1479 гг. проводились работы и по сооружению укреплений Белгорода¹⁴⁴.

События в Крымском ханстве, завершившиеся побе-

дой проосманских сил (в 1475 г.), превращение крымского хана в послушного вассала Порты и орудие ее политики осложнили внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Обстановка еще более ухудшилась, так как Польша, помощи которой добивался Штефан, не хотела нарушать мир с Османской империей. В 1475 г. в Стамбул был направлен польский посол, который должен был отговорить султана от похода на Молдавское княжество¹⁴⁵. Штефан понимал, что в сложившейся ситуации не может рассчитывать на поддержку польского короля. В этих условиях он счел необходимым признать в 1475 г. венгерский сюзеренитет¹⁴⁶, тем более, что в это время Матьяш Корвин готовился к антиосманским действиям, которые он начал в конце 1475 – начале 1476 г. в районе Шабаца¹⁴⁷. Чтобы укрепить свои отношения с молдавским господарем, венгерский король обязался защищать княжество и предоставить Штефану убежище в случае потери престола. В свою очередь, господарь должен был выступить с войском на стороне короля, если он в ходе антиосманских действий вступит на территорию княжества¹⁴⁸.

В 1476 г. султан через своего посла снова потребовал у Штефана Килию и Белгород, в качестве заложника сына и дань, от уплаты которой молдавский господарь уклонялся с 1473 г. Отказ господаря выполнить султанские требования стал предлогом для нового османского похода на Молдавское княжество¹⁴⁹. Весной 1476 г. 150-тысячное войско во главе с самим султаном Мехмедом II двинулось против княжества. В Валахии к нему должно было присоединиться войско Лайоты в 12 тыс. человек, а с востока планировалась атака татар с целью отвлечения части молдавских сил во время перехода султана через Дунай¹⁵⁰.

Штефан, войско которого не превышало 40 тыс. человек, обратился за помощью к Матьяшу Корвину. Венгерский король послал в Трансильванию бывшего валашского господаря Влада Цепеша и дал приказ трансильванским войскам выступить на помощь Штефану¹⁵¹. В ожидании помощи молдавский господарь сосредоточил свои силы на южных границах княжества.

В это время по указу султана татарские войска, предводительствуемые Эминеком Мирзой, перешли Днестр и начали разорение восточных районов княжества. Для отражения татарского нападения Штефан был вынужден отпустить часть воинов-крестьян из "большого войска". Их успешным действиям против татар благоприятствовала предпринятая в этот момент атака Большой Орды на Крым, что заставило Эминека Мирзу поспешно вернуться с войсками к хану¹⁵².

Между 10 и 25 июня 1476 г. османская армия перешла Дунай у Исакчи, достигла молдавской территории и начала продвижение по долине Сирета. В условиях разобщенности своих сил Штефан стремился задержать и измотать султанские войска, чтобы выиграть время до возвращения отпущенных на восточную границу воинов и прибытия обещанной венгерским королем помощи. По приказу господаря на пути следования османских войск все было сожжено. Османы испытывали большие затруднения в снабжении войск. Несмотря на это, армия султана, довольно быстро продвигаясь вперед, вступила в уезд Нямец.

При численности своих войск, не намного превышавшей "малое войско"¹⁵³ в сложившейся обстановке Штефан решил дать бой с целью обороны. Для этого он выбрал удобное плато, покрытое лесами, недалеко от крепости Нямец у Белой долины, в местности, названной впоследствии в память о происшедшем сражении Рэзбоень. Молдавские войска, укрепив свои позиции сооружениями из сваленных деревьев и земляных рвов, создали здесь надежный заслон против врага.

26 июня Штефан внезапно атаковал авангард османской армии под командованием Сулеймана. Однако в связи с быстрым подтягиванием османских сил, войска господаря были вынуждены отступить к своим укреплениям. По словам турецкого хрониста Саадеддина, молдавские воины оградилась засекой из огромных поваленных деревьев, глубоких рвов, колючих кустарников и сдерживали натиск османов, обрушиваясь на них с копьями и саблями¹⁵⁴.

Используя численное превосходство своих войск,

Мехмед II сам возглавил атаку молдавских укреплений. Штефан принял решение отступить в горы, чтобы пополнить силы для дальнейшей борьбы¹⁵⁵. Чтобы развить успех, султан двинул войска на Нямец, Сучаву и Хотин. Но настойчивые атаки этих крепостей не принесли османам успеха. Султанское войско было ослаблено затяжными военными действиями. Нехватка продовольствия и фуража, распространение чумы снижали его боеспособность.

Между тем Штефан пополнил свои военные силы, а в Трансильвании сосредоточился корпус венгров во главе с Иштваном Батори и Владом Цепешем, направлявшийся на соединение с молдавским господарем¹⁵⁶. Султан принял решение оставить княжество. Молдавские войска, преследуя отступавшие османские отряды, атаковали их при переправе через Дунай¹⁵⁷.

Используя благоприятную ситуацию, Штефан предпринял поход в Валахию, в котором приняли участие и войска Батори. Лайота был свергнут, валашский престол занял Влад Цепеш (16 ноября 1476 г.)¹⁵⁸. В декабре Лайота вернулся в княжество с османскими отрядами, устранил преданного боярами Цепеша и убил его¹⁵⁹.

Возвращение Лайоты поставило Штефана перед необходимостью новых усилий по включению Валахии в сферу молдавской политики. Осенью 1477 г. он организовал новую экспедицию в Валахию, устранил Лайота и посадил на престол Цепелюша¹⁶⁰, который очень скоро также сблизился с султаном. Не оправдал надежд Штефана и другой его ставленник Влад Кэлугэр.

Таким образом, многолетние попытки Штефана вывести Валахию из-под влияния Порты и сделать ее своим партнером в антиосманской борьбе оказались безуспешными. Крупное валашское боярство, ставшее на путь соглашения с Портой в целях защиты своих классовых привилегий, не хотело изменения внешнеполитической ориентации Валахии.

Международная обстановка в Европе и ее юго-восточном регионе складывалась также не в пользу Штефана. Османы сломали сопротивление Албании. В соперничестве друг с другом некоторые европейские страны

пошли на установление мирных отношений с Портой. В 1476 г. мир с султаном заключила Польша. В условиях обострившейся борьбы с императором Фридрихом III Матяш Корвин в 1477–1479 гг. также вел переговоры с Портой. В 1477 г. через своего посла Иоана Цамблака Штефан обратился к Венеции и папе римскому, призывая их объединиться для отпора османам и оказать помощь Молдавскому княжеству. Но ответы венецианского сената и папы содержали лишь общие словесные обещания¹⁶¹. Мирные переговоры Корвина и Фердинанда Неаполитанского с Османской империей в момент усиления экспансии османов на Адриатике побудили и Венецию вскоре заключить договор с султаном (1479 г.)¹⁶².

Такой ход событий в европейской международной политике заставил Штефана вернуться к уплате дани султану и установить с ним мирные отношения. Дань, которую востребовала с Молдавского княжества Порта, составляла 5 тыс. золотых¹⁶³. Этот поворот во внешней политике молдавского господаря был продиктован не только международным положением, но и внутривосточной обстановкой в княжестве. Молдавское боярство, недовольное постоянным призывом в войска и вооружением зависимых крестьян, открыто выступало за мир с султаном¹⁶⁴. Во время похода Мехмеда II на Молдавское княжество в 1476 г. крупное боярство, воспользовавшись неудачами Штефана, отказалось поддержать его антиосманские акции. Эти настроения определенной группировки молдавского боярства подогривались султаном, который обещал ему под властью империи полное право на землю и крестьян¹⁶⁵.

Классовые интересы бояр заставляли Штефана отказаться от прямой конфронтации с Османской империей. В сложившейся международной обстановке господарь, потеряв интерес к сотрудничеству с Венгрией, снова подтвердил вассальную присягу польскому королю (январь 1478 г.). Документы свидетельствуют о молдавско-турецких переговорах в 1479–1481 гг.¹⁶⁶, завершившихся согласием господаря на увеличение дани до 6 тыс. золотых¹⁶⁷. Но пришедший к власти в 1481 г. новый султан

Баязид II не потребовал с княжества повышенной дани, оставив ее в размере 5 тыс.¹⁶⁸. Обратившись в первую очередь к решению османских дел в Азии, султан не был заинтересован в осложнении отношений с Молдавским княжеством.

Ценой уступок в уплате дани Штефану удавалось добиваться мирных отношений с Портой, позволявших княжеству сохранять политическую самостоятельность и территориальную целостность.

В конце XV в. положение Молдавского княжества осложнилось в связи с активизацией политики Польши по осуществлению программы утверждения в Северном Причерноморье. Планы польских политиков, сформулированные известным дипломатом Филиппом Каллимахом, строились на основе идеи организации сопротивления османскому продвижению в Европу. Важное значение в этих планах придавалось подчинению Молдавского княжества. Предполагалось, что оно будет служить заслоном наступлению османов и отдалит непосредственную османскую угрозу от польских границ. В то же время имелась в виду возможность использования молдавских портов для укрепления позиций Польши на Черном море¹⁶⁹.

В поисках союзника по предотвращению замыслов польской дипломатии Штефан обратился к Московскому государству, которое к концу XV в. представляло на международной арене крупную политическую силу, противостоявшую планам польской и литовской феодальной экспансии в Восточной Европе. Выдвигая в борьбе за создание Русского централизованного государства программу воссоединения древнерусских земель, означавшую ликвидацию господства польских и литовских феодалов на белорусских и украинских землях, московское правительство вступало в конфронтацию с Польшей¹⁷⁰.

Общность интересов в противодействии планам Ягеллонов и обусловили молдавско-русское политическое сближение, которое происходит в 80-е гг. XV в. Определенную роль здесь играли существовавшие родственные отношения Штефана с княжескими домами Киева и Москвы. Первой его женой стала в 1463 г. княги-

ня Евдокия, сестра киевского князя Семена Олельковича, матерью которых была родная сестра Василия Темного Анастасия. Через своих родственников князей Олельковичей молдавский господарь предложил Ивану III в жены его сыну Ивану свою дочь Елену от брака с Евдокией Киевской. В 1479 г. он направил посла с поручением "о деле" к великому русскому князю. Иван III ответил согласием на брак своего сына с дочерью молдавского господаря и в Москве ожидали прибытия от Штефана "человека доброго" для переговоров¹⁷¹. Но посланец от господаря не прибыл и переговоры тогда не состоялись. Они возобновились в 1480 г. С инициативой на этот раз выступило московское правительство.

В условиях конфронтации с Ягеллонами Иван III был заинтересован в том, чтобы привлечь Молдавское княжество к союзу против Казимира IV. Этому должен был способствовать предполагаемый брак. Переговоры о нем происходили при посредничестве князей Олельковичей, которые, используя широкую оппозицию литовской власти в Поднепровье, возглавили борьбу за сближение с Москвой¹⁷².

Через сестру Михаила Олельковича княгиню Феодосию Александровну, которая приходилась родной сестрой покойной жене Штефана Евдокии, предполагалось обратиться к молдавскому господарю с напоминанием о его предложении и с просьбой прислать для переговоров "своего человека" в Крым к русскому послу при ханском дворе И. И. Звенцу, который доставит молдавского посланца в Москву. Но человек от Феодосии Александровны "принеогл", и грамоту княгини доставил Штефану дьяк Сухово из свиты И. И. Звенца¹⁷³.

В результате переговоров, состоявшихся в ходе обмена послами в течение 1481–1482 гг., вопрос о браке был решен. Посланные за невестой Андрей и Петр Плещеевы вернулись в декабре 1482 г. из Сучавы в Москву с дочерью Штефана. В январе 1483 г. состоялось бракосочетание Ивана Молодого и Елены Штефановны¹⁷⁴, получившей благодаря своей роли при Московском дворе известность под именем "Волошанки".

В распоряжении исследователей нет прямых свиде-

тельств о том, что этот брак сопровождался заключением письменного молдавско-русского договора, как полагают некоторые историки¹⁷⁵. В то же время источники вполне определенно отмечают политическое сближение между Молдавским княжеством и Московским государством, происходившее на основе союза против Ягеллонов. Именно в это время Иван III налаживал дипломатические связи с соседями Казимира, окружая его кольцом своих союзников¹⁷⁶. Через молдавского господаря московское правительство установило отношения с Венгрией¹⁷⁷, чтобы, используя польско-венгерские противоречия, привлечь короля Матьяша Корвина к коалиции против Казимира. В 1484 г. в Буде во время пребывания там московского посла Федора Курицына завершились переговоры о заключении русско-венгерского союза¹⁷⁸.

Для Штефана союзные отношения с Москвой приобрели особое значение в связи с ухудшением внешнеполитического положения княжества в это время. Новый султан Баязид II, продолжая планы своего предшественника Мехмеда II, приступил к реализации задачи утверждения османов на Черном море и в Причерноморье. Чтобы создать благоприятную обстановку в юго-восточном регионе для осуществления этой программы, Порта стала налаживать отношения с европейскими странами. Баязиду II было необходимо, прежде всего, нейтрализовать действия претендента на султанский трон – своего брата Джема, бежавшего в Европу и искавшего покровительства у ее правителей. Особую озабоченность у султана вызывала Венгрия, поскольку в первую очередь ее поддержки добивался Джем¹⁷⁹. Занятый войной с императором Фридрихом III Матьяш Корвин согласился на мир, предложенный Баязидом. В 1483 г. был заключен османо-венгерский договор, в тексте которого Молдавское княжество рассматривалось как государство, платившее султану дань¹⁸⁰.

Стремление Порты на международно-правовой основе закрепить данничество Молдавского княжества было направлено к тому, чтобы заставить господаря уплачивать дань, которую в 1484 г. в связи с экспедицией

султана по захвату Килии и Белгорода он вновь задержал, хотя сумма ее и была понижена Баязидом II с 6 до 5 тыс. золотых¹⁸¹. В осуществлении своих планов утверждения в Причерноморье и установления контроля над черноморской торговлей европейских стран Баязид придавал важное значение завоеванию молдавских крепостей Килии и Белгорода¹⁸². Не случайно, готовясь к захвату молдавских крепостей, султан сосредоточил вокруг них крупные сухопутные и морские силы¹⁸³.

Летом 1484 г. во главе большого войска Баязид перешел Дунай. К нему присоединились отряды валашского господаря Влада Кэлугэра и крымского хана¹⁸⁴. Превосходящими силами османы осадили Килию и Белгород. После недолгого сопротивления Штефан был вынужден оставить крепости, не дождавшись посланного ему на помощь венгерского войска¹⁸⁵.

На протест Матьяша Корвина о нарушении условий договора 1483 г. Баязид ответил, что крепости не будут использованы для нападения на Молдавское княжество. По условиям возобновленного в 1485 г. османо-венгерского договора, Килия и Белгород были признаны султанскими владениями¹⁸⁶.

Захват султаном молдавских крепостей осложнил положение на южных рубежах княжества. С появлением в крепостях османских гарнизонов стала постоянной военной угрозой. Значительным был материальный урон для экономики княжества. Потеря двух крупных портов в Причерноморье тяжело отразилась на его торговле. Лишившись выхода в море, княжество перестало контролировать "молдавский торговый путь", приносящий ему большие доходы.

В трудной для княжества внешнеполитической обстановке Штефан обращается к Русскому государству. В 1484 г. возвращавшийся от Матьяша Корвина Федор Курицын должен был проездом через Молдавское княжество сопровождать посла Штефана в Москву¹⁸⁷. В направленной с послом грамоте молдавский господарь просил Ивана III о помощи. "А в сей стороне один я сам остал, – писал Штефан, – и то от двю сторон поганьство тяжкое, а от трех сторон ркучи християне, але мне суть пуши

поганьства. Ино уже не могу им больше терпети, только бы бог научил вашу милость щобы есте обернулся к нам лицом и приятельством к нам пригладали, а яз бы того болши к вашей милости имел приятельство”¹⁸⁸. Но по пути из Сучавы в Перекоп Ф. Курицын был задержан в Белгороде. Только при содействии крымского хана Менгли-Гирея ему удалось в марте 1486 г. освободиться из османского плена и доставить в Москву грамоту Штефана¹⁸⁹.

В условиях возросшей для княжества османской военной угрозы, когда Корвин возобновил в 1485 г. мир с Портой, молдавский господарь предпочел подтвердить на традиционных условиях вассальную присягу польскому королю. Польша, оценивая для себя торговое и стратегическое значение Килии и Белгорода, выражала готовность оказать помощь Молдавскому княжеству в освобождении крепостей¹⁹⁰. В 1485 г. в Коломые Штефан с боярами принес присягу Казимиру IV¹⁹¹.

Порта стремилась изолировать Молдавское княжество и помешать его сближению с Польшей. Именно осенью 1485 г. силистрийский паша Макоч-оглу по поручению султана организовал нападение на княжество вместе с претендентом на сучавский престол Петром Хронотом. С помощью присланного Казимиром 3-тысячного отряда поляков Штефан успешно отразил это нападение¹⁹². Преследуя османов, он подошел к Килии и 16 ноября около Кэтлэбуга нанес им поражение. В следующем 1486 г. Баязид II снова направил против Молдавского княжества османские войска во главе с Макоч-оглу и Петром Хронотом. На сей раз помощи из Польши Штефан не получил и решил упредить действия противника. Двигаясь навстречу османам, он разгромил их на р. Сирет; Хронот был схвачен и казнен¹⁹³.

Между тем политическая ситуация в регионе осложнилась. Польская дипломатия, исходя из своих стратегических планов, при посредничестве Венеции начала в 1486 г. мирные переговоры с Портой¹⁹⁴. В 1486 г. через посла Туркула Штефан снова обратился к Ивану III. Извещая о принесении присяги польскому королю, он просил великого русского князя ходатайствовать перед Ка-

змиром об оказании военной помощи княжеству в борьбе против султана. Иван III направил к польскому королю посла Федора Мансурова, который должен был заявить Казимиру: "Ино которым христианским господарем будучи близко, а льзи то дело делати, ино то есть должно всякому господарю христианскому того дела оберегати и за христианство стояти"¹⁹⁵. В своем ответе польский король заверил Ивана III, что готов помогать Штефану в защите "от всякого его неприятеля, как-то подданного и слугу нашего"¹⁹⁶.

Но Польша вела в это время переговоры с Портой и не могла оказать помощи Молдавскому княжеству. Внутри страны вновь активизировалось оппозиционное боярство, выступившее против антиосманской политики Штефана, которая требовала систематического отвлечения зависимых крестьян от сельскохозяйственных работ для участия в военных действиях. По свидетельству турецкого хрониста, во время османского нападения на Молдавское княжество в 1485 г. "множество бояр вышло навстречу (османам. – Л. С.) и подчинилось им"¹⁹⁷.

Снова интересы господствующего класса феодалов и создавшаяся международная обстановка заставили Штефана возобновить уплату дани султану. Турецкая хроника отмечает, что в 1486–1487 гг. в Стамбуле находилось посольство от молдавского господаря с данью за два предшествовавших года¹⁹⁸. Надо полагать, Штефан выплатил дань за 1484–1485 и 1485–1486 гг. По данным последних исследований, сумма ее для тех лет составляла 5 тыс. золотых¹⁹⁹. Возобновление даннических обязательств дало возможность молдавскому господарю вернуться к мирным отношениям с Портой. К периоду между 1486 и 1489 гг., по всей вероятности, относится фиксировавший данническое положение княжества султанский акт-ахднаме, относительно даты которого в исторической литературе существуют различные точки зрения и который представляется некоторыми учеными как договор Штефана с Баязидом²⁰⁰.

В это время усилиями султанской дипломатии создавалась выгодная для Османской империи международная обстановка в регионе, ухудшавшая положение Мол-

давского княжества. Основываясь на том, что молдавский господарь являлся вассалом польского короля, на переговорах с Портой Польша выдвинула требование вернуть княжеству Килию и Белгород, но вынуждена была отступить. В трудных внешнеполитических условиях, связанных с неудачами в создании антиосманской коалиции, с усилением соперничества с Венгрией, с осложнениями в Восточной Европе, Казимир пошел на заключение в 1489 г. мира с султаном, согласившись на признание Килии и Белгорода за Османской империей²⁰¹. Это позволило Порте закрепить османские позиции в Северном Причерноморье и на Нижнем Дунае.

В создавшейся обстановке Штефан в 1489 г. вновь признал венгерский сюзеренитет²⁰². В этот период господарь укреплял свои политические отношения с Москвой, о чем говорит участвовавший обмен послами между сторонами. Еще в 1486 г. в Сучаву был отправлен Прокофий Зиновьев "навестити" Штефана. По просьбе Ивана III Казимир разрешил в 1488 г. проезд в Молдавское княжество через польско-литовские земли русскому послу Василию Карамышеву. Направленный в 1490 г. к Штефану Иван Лихорев вернулся в следующем году с послом господаря Стецко. 24 февраля 1491 г. Иван III просил польского короля пропустить в Сучаву молдавских послов Стецко и Шандра в сопровождении русского посла. По всей вероятности, этим послом к Штефану был Скурат Зиновьевич. Русская летопись сообщает, что в феврале 1492 г. Скурат Зиновьевич возвратился в Москву с молдавским послом Мушатом, который в апреле этого же года отбыл обратно к господарю²⁰³.

Такие тесные политические контакты с московским правительством в 90-е годы приобрели для Штефана особое значение. При русском посредничестве ему удалось заключить договор с Крымским ханством, что избавляло княжество от постоянных разорительных набегов татар и укрепляло его положение на случай конфликта с Казимиром. На основании имеющихся данных, нельзя сказать точно, когда начались переговоры Штефана с Менгли-Гиреем. Первое свидетельство о молдавско-крымских переговорах относится к 10 мая 1492 г.,

когда хан писал Ивану III: "Стефан воевода к нам посла прислал, другу друг есми, а недругу недруг есми молвил; велми межи нас сердца наши сластны, так ведай"²⁰⁴. Русский посол в Крыму И. А. Лобанов-Колычев 27 октября 1492 г. сообщал великому князю о прибытии к хану молдавского посла Мити Гомзы с предложением Штефана "о любви и о дружбе, и о суседстве и о одиначестве, другу его быти другом, а недругу его быти недругом, а на короля и на Ахматовых детей заодин". Вместе с Митей Гомзой Менгли-Гирей направил к молдавскому господарю своего человека Казимира для заключения договора²⁰⁵. Об этом крымский хан извещал Ивана III 6 сентября 1492 г. и в январе 1493 г.²⁰⁶. Грамоты Менгли-Гирея свидетельствуют о заинтересованности московского правительства и его посредничестве в заключении крымско-молдавского союза.

В ходе обмена послами между Сучавой и Москвой в 90-е годы, вероятно, выработывались совместные действия против Ягеллонов в условиях начавшейся после смерти Матьяша Корвина (1490 г.) борьбы за венгерскую корону. На венгерский престол претендовали братья Ягеллоны Ян Ольбрахт и Владислав, являвшийся с 1471 г. чешским королем, а также Максимилиан Габсбург, который должен был стать преемником императора Фридриха III.

В возникшей в связи с этим сложной политической обстановке интересы Московского государства совпадали со стремлениями Габсбургов противодействовать планам Польши. Поэтому Иван III в ходе переговоров с имперскими послами выражал готовность сотрудничать с Максимилианом и поддержать его кандидатуру на венгерский престол²⁰⁷. При посредничестве Ивана III Максимилиану удалось привлечь на свою сторону и Штефана²⁰⁸.

Ян Ольбрахт также пытался наладить контакты с молдавским господарем. Весной 1490 г. он направил посла к Штефану, чтобы склонить его к поддержке своей кандидатуры. Но эта акция Ольбрахта успеха не имела²⁰⁹. В том же году, когда Ольбрахт выступил с войском против Владислава, молдавский господарь организовал

нападение на Покутье. Когда же в результате сложной борьбы венгерским королем стал Владислав II (1491 г.), сохранив за собой и чешскую корону, Штефан установил с ним отношения и получил от него подтверждение на трансильванские владения Чичейул и Четатя де Балтэ²¹⁰.

Ставший после смерти Казимира (1492 г.) польским королем Ян Ольбрахт возобновил планы борьбы Польши за выход к Черному морю. На съезде в Левочи (1494 г.), где речь шла о сотрудничестве между братьями Ягеллонами в международных делах, о действиях по отвоеванию у султана Килии и Белгорода и привлечению к участию в них молдавского господаря, Ольбрахт предложил сместить Штефана и посадить на господарский престол младшего Ягеллона Сигизмунда, но не получил согласия. Против намерений польского короля выступил венгерский король Владислав II²¹¹.

Уведомленный о замыслах польского короля трансильванским воеводой Бартоломео Драгфи²¹², Штефан активизировал дипломатическую деятельность по предотвращению угрозы княжеству. Упрочив взаимоотношения с Венгрией, господарь уделял большое внимание связям с Москвой. После того, как в 1494 г. Иван III заключил с Литовским княжеством мирный договор, скрепленный династическим браком, появилась перспектива установления молдавско-литовских союзных отношений. Такая возможность стала реальной, когда московский князь предложил свое посредничество. Договор Молдавского княжества с Литвой, наряду с русско-литовским договором, должен был вызвать разногласия между Ольбрахтом и его братом великим князем литовским Александром и тем самым ослабить позиции Польши. Кроме того, договор с Александром облегчил бы молдавскому господарю обмен послами с Иваном III через литовские земли.

Получив положительный ответ Александра на просьбу о пропуске русского посла в Сучаву, Иван III направил в 1495 г. к Штефану М. В. Кутузова²¹³. Посол должен был не только известить молдавского господаря об установлении русско-литовского мира. Еще весной 1494 г. рус-

ским послам в Литву было предписано сообщить молдавскому послу в Вильно: "Государь наш с великим князем Александром нынеча взял любовь и докончание; а с воеводою государь как был в котором деле, так и ныне в том деле"²¹⁴. М. В. Кутузову поручалось склонить Штефана к союзу с Литвой. В грамоте к Александру государь писал: "И такожь и свать нашъ великий князь московский Иван Васильевич, тесь вашей милости, прислал до нас своих послов о том, абыхмо с вашею милостью потокъмели и миръ вечный взяли"²¹⁵.

Из записи от 19 мая 1496 г. речей русского посла в Литву М. С. Еропкина видно, что с извещением об установлении дружественных отношений Ивана III с великим князем литовским был послан к Штефану также Т. П. Замытцкий. В том же году в Сучаве находился И. И. Ощерин, который возвратился с молдавским послом Иваном Питарем²¹⁶. Через своих и русских послов Штефан заверял Ивана III в готовности наладить мирные отношения с литовским князем.

Одновременно московское правительство оказывало влияние и на Александра. В наказе от 27 августа 1495 г. русским послам в Литву Б. В. Кутузову и А. Ф. Майке предписывалось сообщить литовскому князю: "И мы к Стефану воеводе пошлем, а к нему накажем, чтобы с тобою, с нашим братом и зятем, был так же, как и с нами, другу бы твоему друг был, а недругу недруг; а ты бы, брат наш, того хотел жо, чтобы Стефан воевода был тебе таков же, как и нам: другу бы нашему друг был, а недругу недруг"²¹⁷.

В 1495 г. Александр обратился к Штефану с предложением союза. Молдавский государь в следующем году представил литовскому князю проект договора. С целью его согласования между Сучавой и Вильно состоялся обмен посольствами. В 1496 г. договор был заключен²¹⁸.

Русско-литовский и молдавско-литовский договоры создали серьезные трудности для польской дипломатии, которая вела подготовку к отвоеванию у Порты Килии и Белгорода и реализации планов утверждения своего влияния в Молдавском княжестве. Переговоры Яна Ольбрахта с Венецией и с султаном оказались безрезультат-

ными²¹⁹. Положение осложнилось, когда в 1495 г. Османская империя заключила мир с Венгрией²²⁰.

В 1496 г. Ольбрахту удалось договориться о поддержке своих планов с литовским князем Александром²²¹. На обращение в феврале 1497 г. к венгерскому королю Владиславу II последовал уклончивый ответ. Владислав обещал лишь "неофициальную" помощь польским войскам при условии их согласованных действий с молдавским господарем в районе Килии и Белгорода. Венгерский посол, прибывший к Ольбрахту летом 1497 г. накануне выступления в поход польских войск, подчеркивал отрицательное отношение Владислава к планам польского короля²²².

Готовясь к началу военных действий по отвоеванию у османов крепостей Килии и Белгорода, Ольбрахт направил к молдавскому господарю послов с предложением принять участие в антиосманском походе. Штефан выразил готовность к сотрудничеству при условии, что польские войска будут действовать на черноморском побережье²²³.

26 июня 1497 г. Ян Ольбрахт в сопровождении брата Сигизмунда выступил с армией в направлении к молдавским границам. Уже уведомленный о планах польского короля, Штефан выслал ему навстречу посольство во главе с вистиерником Исаком. Ольбрахт заверил молдавских послов, что его войско идет к Килии и Белгороду. Но направление движения польской армии не соответствовало этим декларациям. Штефан снова послал к королю своих людей – Исака и логофета Тэута; на сей раз послы были схвачены и отправлены во Львов²²⁴.

По свидетельству турецкой хроники, молдавский господарь обратился за поддержкой к султану²²⁵. Турецкий анонимный летописец XVI в. сообщает, что Штефан направил посла к силистрийскому паше с предупреждением о движении польской армии на Молдавское княжество²²⁶. С просьбой о помощи Штефан обратился также к венгерскому королю, валашскому господарю и крымскому хану²²⁷.

Собрав "большое войско", Штефан сосредоточил его в Романе, оставив в Сучаве сильный гарнизон. 24 сентяб-

ря Ольбрахт подошел со своей армией к столице княжества и через два дня начал ее осаду²²⁸. Польская армия сразу же стала испытывать трудности в снабжении продовольствием, так как молдавские отряды препятствовали его доставке осаждающим Сучаву неприятельским войскам.

Пока Ольбрахт осаждал столицу княжества, Штефан концентрировал военные силы. На помощь Штефану, по данным молдавских хроник, прибыли 2 тыс. османов, 12-тысячное венгерское войско во главе с Бартоломео Драгфи и отряды валашского господаря Раду Великого²²⁹. Прислал господарю помощь и силистрийский паша²³⁰.

В то время, когда польская армия испытывала затруднения при осаде Сучавы, к Яну Ольбрахту прибыло посольство венгерского короля. Владислав осуждал вооруженное выступление Польши против молдавского господаря, которого венгерская корона считала своим вассалом. Венгерский король требовал прекратить военные действия и предлагал Ольбрахту свое посредничество. Одновременно через Бартоломео Драгфи Владислав просил Штефана пойти на примирение с польским королем²³¹.

В условиях затянувшейся осады Сучавы и угрозы вступления в военные действия присланных на помощь Штефану венгерских войск Ольбрахт согласился на перемирие и 16 октября снял осаду молдавской столицы. По условиям перемирия польская армия должна была отступить по той же дороге, по которой она пришла. Однако Ольбрахт выбрал другой путь к Черновцам через Сирет и большой Козминский лес. Нарушение польским королем условий относительно маршрута отступления дало Штефану повод нанести ему решающий удар. Молдавские войска двинулись вслед за польской армией и настигли ее около Козминского леса, где организовали засаду. Вступившая в лес армия Ольбрахта 26 октября попала в ловушку и была почти полностью разбита. Король с остатками армии, атакуемый молдавскими отрядами, с трудом вышел к Черновцам. Литовские войска, посланные Александром на помощь Ольбрахту,

подошли к Снятину, но были разгромлены 29 октября в местечке Ленцешти молдавским отрядом под командованием ворника Болдура. У Черновцов молдавские войска нанесли польскому королю последний удар. Ольбрахт едва спасся и с небольшим отрядом бежал в Польшу²³².

Таким образом, начатая Польшей военная кампания по отвоеванию у османов Килии и Белгорода с целью выхода в Черное море закончилась неудачей. В ходе ее провалились и планы Ольбрахта в отношении Молдавского княжества, в чем свою роль сыграли подписанные при посредничестве московского правительства договоры Молдавского княжества с Крымом (1492 г.) и с Литвой (1496 г.).

Несмотря на заключенный в 1496 г. договор со Стефаном, Александр по просьбе Ольбрахта согласился послать войска против Молдавского княжества. Иван III принял решительные меры к тому, чтобы отвлечь литовского князя от сотрудничества с польским королем. Направлявшимся в конце августа 1497 г. русским послам в Литву П. Г. Лобану-Заболотскому и И. Волку-Курицыну предписывалось строго предупредить Александра, "чтобы еси памятовал на наше с тобою докончание, а на Стефана бы еси воеводу не ходил"²³³. Литовский князь не решился на конфликт с Москвой и вернулся с войском в Литву. Но часть литовских отрядов все же выступила на стороне польских войск.

В 1498 г. по просьбе Стефана, переданной через крымского хана, османские войска во главе с Макочоглу предприняли нападение на окраинные территории Польши²³⁴. Когда Ольбрахт, пытаясь организовать оборону, рассчитывал на помощь литовского князя, Иван III снова предупредил Александра, что возможное участие литовских сил на стороне польского короля против Молдавского княжества чревато осложнениями в их взаимоотношениях. Послы в Литву в 1498 г. В. Ромодановский и В. Кулешин должны были напомнить Александру: "А нынеча, брате, слух нам таков, что наряжаешься, а хочешь ити ратью с своим братом, с королем польским, на Стефана воеводу волошского. И ты бы, брате, памято-

вал на наше с тобою докончание, чтобы еси на Стефана воеводу на волошского не ходил, ни людей бы еси своих на помочь брату своему не посылал, а за то бы еси, брате, с нами нежится не хотел"²³⁵. Литовский князь пытался оправдаться жалобами на "шкоды", чинимые польским и литовским территориям Менгли-Гиреем и Штефаном²³⁶.

Основываясь на крымско-молдавских союзных отношениях, Иван III воздействовал на Александра и через крымского хана. По инициативе Менгли-Гирея состоялся обмен послами между Крымом и Литвой. Подчеркивая свои союзные отношения с молдавским господарем, крымский хан предупреждал Александра, что, если "на Стефана воеводу пойдешь, ино и мы идем на тебя"²³⁷.

Молдавско-русские союзные отношения, дипломатические акции московского правительства 1497–1498 гг. способствовали укреплению внешнеполитического положения Молдавского княжества в сложный для него период, что позволяло его господарю строить политику, исходя из конкретной внутривосточной обстановки в стране и международных условий в регионе.

Классовые интересы боярства внутри княжества заставляли Штефана склоняться к мирным отношениям с Портой, чтобы избежать османского завоевания. В то же время Штефан должен был учитывать претензии Польши и Венгрии на Молдавское княжество, связанные с реализацией ими планов борьбы за обладание торговыми и стратегическими позициями на Дунае и Черном море. В стремлении отстоять интересы княжества в отношениях с этими странами молдавский господарь использовал их опасения перед возможностью подчинения княжества Османской империи. Это проявилось в начавшихся молдавско-польских мирных переговорах. Посредничавший в переговорах венгерский король Владислав убеждал Ольбрахта воздерживаться от любых действий, которые могли бы привести к сближению молдавского господаря с султаном²³⁸. Штефан же затягивал переговоры с польским королем, чтобы добиться отказа Польши от претензий на Молдавское княжество.

В проекте договора, представленном польской сто-

роной молдавским послам на переговорах в Кракове в апреле 1499 г., подчеркивалось, что османы угрожают Молдавскому княжеству, как и Польше, и Венгрии. Исходя из этого фиксировалось обязательство молдавского господаря участвовать в антиосманских акциях, принимаемых польским или венгерским королями²³⁹.

Штефан соглашался принять это обязательство, но выставил условия его выполнения и требовал включить их в договор. Молдавский господарь оставлял за собой право решения вопроса о выступлении против османов с учетом реального соотношения сил антиосманской коалиции и Порты, а также возможностей и интересов княжества. При этом самостоятельные антиосманские действия предусматривались только в случае, если султанские войска по численности не будут превосходить молдавские. В противном случае была обязательной военная помощь Польши. В условиях военного превосходства османов господарь мог поступать в соответствии с интересами княжества, включая вынужденное подчинение султану и участие в его военных акциях.

Чтобы исключить возможность использования Польшей и Венгрией антиосманских действий в качестве предлога для выступления против княжества, Штефан настаивал на включении в договор маршрута продвижения союзных войск по молдавской территории на случай военных действий с османами²⁴⁰.

После долгих переговоров при содействии Владислава Польша согласилась со всеми предложенными молдавским господарем условиями²⁴¹, в том числе и требованием вернуть беглых бояр и не принимать их у себя в последующем. 12 апреля 1499 г. Штефан подписал молдавский текст договора, который был принят и польской стороной²⁴².

Договор 1499 г. явился определенным внешнеполитическим успехом, позволившим Штефану нейтрализовать планы Польши и Венгрии в отношении Молдавского княжества. В то же время он как бы фиксировал в международном плане проведение молдавским господарем самостоятельной политики во взаимоотношениях с Османской империей в соответствии с конкретными ус-

ловиями внутреннего и внешнего положения княжества.

Истощение материальных и людских ресурсов княжества, отрицательное отношение господствующего класса бояр к участию зависимых крестьян в антиосманских войнах, а также международные факторы, связанные с началом переговоров европейских государств с Портой, привели в конце XV в. к тому, что молдавский господарь вынужден был отказаться от конфронтации с османами и уплачивать дань султану.

Итак, во второй половине XV в., в отличие от Валахии, Молдавское княжество, уплачивая дань султану, продолжало сохранять самостоятельность. В значительной мере здесь сказался фактор внутренней консолидации, связанной с укреплением центральной власти в годы правления Штефана III. Благодаря активной дипломатической деятельности в международных условиях, складывавшихся в этот период в Юго-Восточной Европе, Штефану удавалось осуществлять успешные внешнеполитические акции, в том числе и антиосманские. С целью избежать подчинения султану молдавский господарь использовал конфронтацию Венгрии и Польши с Османской империей и, исходя из конкретной ситуации в отношениях между ними, признавал себя вассалом то польского, то венгерского королей.

В то же время следует отметить, что Молдавское княжество играло заметную роль в международных отношениях второй половины XV в. в Юго-Восточной Европе, определявшуюся, прежде всего, тем значением, которое ему придавали европейские державы в реализации своих политических планов. Влияние самого княжества на ход событий в регионе было ограничено его небольшим по сравнению с соседними странами экономическим и военным потенциалом. Тем не менее активная дипломатическая деятельность Штефана содействовала успеху ряда внешнеполитических акций княжества, росту его международного престижа. В конце XV в. внутриполитические трудности и изменения в международной обстановке в регионе заставили молдавского господаря перейти к мирной политике в отношениях с османами.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОРТЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

В первой трети XVI в. отношения Дунайских княжеств с Османской империей все больше испытывали влияние международной обстановки в Юго-Восточной Европе. С начала XVI в. центральное место в военных планах Порты стал занимать Ближний Восток. В своем стремлении утвердиться там и установить контроль над важнейшими путями европейско-азиатской торговли Османская империя столкнулась с государством Сефевидов, глава которого шейх Исмаил, приняв титул шахиншаха Ирана, претендовал на гегемонию в регионе. Войны с Сефевидами, усугублявшиеся религиозной враждой суннитов с шиитами, стали для Османской империи в XVI в. важным фактором в международных отношениях¹.

Крупные военные предприятия султана на Ближнем Востоке несколько ослабили остроту османской угрозы для европейских стран. В рассматриваемый период в политической жизни Европы все явственнее проявлялось усиление Габсбургов, их противостояние планам османов. Конфронтация между двумя империями поддерживалась наличием у каждой из сторон определенной политико-религиозной платформы. Османские планы европейских завоеваний основывались на праве восстановления римского наследства, которое якобы перешло к Османской империи с захватом ею в 1453 г. Константинополя, по представлениям султана, единственно возможной столицы мира². Идеологическим обоснованием экспансионистских устремлений Габсбургов служила возрожденная Карлом V идея католической церкви об универсальности Германской империи как политического организма христианской Европы, объединенной ее религиозными идеалами³. Реализация этих идей затрагивала жизненно важные интересы отдельных госу-

дарств и народов, сохранение их территориальной целостности, национального существования.

Борьба между Османской империей и Габсбургами становится в XVI в. основной нитью в сложной ткани международных отношений в Европе и ее юго-восточном регионе. В условиях обострения противоречий ведущей тенденцией в политике европейских государств являлась система союзов и коалиций, имевших целью сохранить равновесие сил между державами и не допустить преобладания какой-либо из сторон. Этот принцип лежал в основе антиосманских и антигабсбургских коалиций стран Европы, исходя из которого они и пытались разрешить важнейшие вопросы международной политики. Такая их позиция создавала выгодную для Порты внешнеполитическую ситуацию. Занятость в войне с Ираном, изменения в соотношении сил в Восточной Европе в результате ликвидации Большой Орды в 1502 г. и усиления Русского государства оказали серьезное влияние на политику Османской империи в Европе⁴. Султан и его дипломатия, учитывая главные тенденции европейской политики, все чаще стремились использовать в своих целях любые осложнения в этом регионе. Соглашения с рядом государств Центральной и Восточной Европы стали важным инструментом османской внешней политики.

После безуспешных антиосманских крестовых походов XV в. правители отдельных европейских держав, разъединенных непримиримыми противоречиями, вступают в переговоры с Портой⁵. Первой европейской страной, установившей в 1483 г. мирные отношения с османами, была Венеция. В 1496 г. ее примеру последовал миланский герцог, а за ним – император Максимилиан, направивший своего посла к султану⁶.

С начала XVI в. Порта стала внимательно следить за расстановкой сил в Европе, учитывая соперничество европейских правителей и используя его в своих интересах. Во время обострения франко-испанского конфликта в связи с походом Людовика XII в 1500 г. в Италию Баязид II, предложив помощь неаполитанскому королю Федерико, изолировал Венецианскую республику и одер-

жал над ней победу. Попытки Венеции получить помощь папы римского и венгерского короля, а также поддержку императора Максимилиана оказались безуспешными. Османы завладели Ионическими островами, Лепанто. В 1503 г. Венеция заключила перемирие с Портой на десять лет⁷. В том же году мир с султаном Баязидом II заключил венгерский король Уласло II⁸.

В условиях неудач в войне с Россией продолжалось начавшееся еще в конце XV в. сближение польского короля с османами. Сказывалось и усиливавшееся нежелание польского дворянства тратить средства на содержание крупной регулярной армии, необходимой для антиосманской борьбы. В 1504 г. польский король Александр вступил в переговоры с Портой⁹. Антивенцианский союз, заключенный в 1508 г. в Камбрэ между Максимилианом и французским королем Людовиком XII и одобренный папой римским, привел к дальнейшему укреплению отношений Венеции с Османской империей. В то же время Венеции удалось в 1509 г. договориться о союзе с папой Юлием II¹⁰. Чтобы воспрепятствовать венецианской дипломатии, Максимилиан через своего посла в 1510–1511 гг. вел переговоры с Портой¹¹.

Успокоенность ряда европейских правителей в отношении османской угрозы не разделяли балканские страны, испытывавшие на себе тяжесть султанского завоевания. Не случайно, что из этих стран в начале XVI в. раздаются призывы к объединению европейских сил для отпора наступлению Османской империи. В 1502 г. хорват Феликс Петанчич, обращаясь к Уласло II с призывом заключить союз христианских государей против султана, сообщал подробные данные о путях в Турцию, которые могли быть полезны при составлении плана наступления на Османскую империю¹². Идеей единения христианских сил ввиду расширения османских завоеваний в Европе было проникнуто сочинение серба Константина Михайловича из Островицы. Не ограничиваясь призывом к общей борьбе против "поганых", автор предлагает конкретные планы и способы организации этой борьбы. Он рассказывает о состоянии военного дела у турок, о системе построения султанской армии, дает ряд практи-

ческих советов по ведению военных действий против османских войск¹³.

Очередным сигналом об османской угрозе, выведшим европейских правителей из состояния успокоенности, была победа султана Селима I в 1514 г. в Чалдыранской долине над войсками персидского шаха Исмаила и захват его столицы Тебриза¹⁴. В связи с этим в Европе предпринимаются попытки к созданию антиосманской коалиции. В 1515 г. император Максимилиан заключил договор с Уласло II Ягеллоном, королем Венгрии и Чехии, и его братом, польским королем Сигизмундом I¹⁵. Но объединение сил для борьбы с турецкой опасностью было лишь как бы внешней оболочкой этого альянса. Спекулируя на идее антиосманской борьбы, Габсбурги по существу хотели обеспечить в перспективе реализацию своих планов утверждения в Юго-Восточной Европе. Не случайно в договоре предусматривался брак сына Уласло и внучки Максимилиана Марии, а также женитьба одного из внуков императора на дочери венгерского короля, что позволило бы Габсбургам заявить о своих правах на корону Венгрии и Чехии.

Инициатива в организации антиосманских коалиций принадлежала в начале XVI в. папству. Объяснялось это не только близостью к Италии владений могущественного султана и непосредственной османской угрозой для стран Средиземноморья. Было ясно, что дальнейшее распространение мусульманства приведет к сокращению сферы влияния католичества и папства, а следовательно, и к уменьшению источников дохода. Кроме того, папство стремилось использовать идею антиосманской борьбы в своих политических целях. В противостоянии натиску османов в Европе папа видел средство отвлечь внимание европейских правителей от войны за Италию. Большой дипломатической активностью в этом плане выделялся папа Лев X. Он обратился в 1513–1515 гг. к Максимилиану I, к королю Англии Генриху VIII, к датскому королю Кристиану II, к королям Венгрии и Польши Уласло II и Сигизмунду I с призывом объединиться для борьбы с османами. Особые усилия прилагал Лев X для привлечения к антиосманскому союзу Франции. Этой сво-

ей акции папа придавал важное значение, так как победа, одержанная французским королем Франциском I при Мариньяно (1515 г.), определив распад итальянской Лиги, ставила под угрозу позиции папства в Италии. В реализации своих планов Лев X использовал франко-габсбургские противоречия и стремление Франциска заполучить имперскую корону. Папа пожаловал Франциска титулом "христианнейшего короля", обязывавшим к участию в борьбе с султаном, а также утвердил привилегии французской церкви. Король, со своей стороны, обязался вывести войска из Италии и участвовать в антиосманской коалиции¹⁶. Была возрождена идея крестового похода, который папа провозгласил на Латеранском соборе 1517 г.¹⁷. Чтобы примирить Франциска I с Максимилианом I, он объявил обоих соперников организаторами антиосманского похода¹⁸.

Как инициаторы антиосманского движения, так и Порты при сложившемся соотношении сил в полной мере оценивали значение отношений с восточноевропейскими странами, в первую очередь с Россией. Не случайны поэтому попытки папства в начале XVI в. привлечь к антиосманской коалиции Русское государство, имевшие также цель обратить Русь в католичество. Но все эти планы были утопичны, поскольку намерение сохранить мир между обеими сторонами отвечало интересам и русского правительства, и Порты. Поэтому начало XVI в. характеризовалось мирными отношениями между Османской империей и Русью. В 1514 г. в Москву прибыл турецкий посол, а в следующем году возобновились отношения русского двора с константинопольской патриархией¹⁹.

Победив в 1514 г. войска персидского шаха, Османская империя стала расширять завоевания на Ближнем Востоке. К 1518 г. султан овладел Сирией, Палестиной, Ливаном; крупнейший соперник империи – Египет перестал существовать как самостоятельное государство²⁰. Становилось очевидным, что теперь Османская империя приступит к реализации своих планов дальнейшего продвижения в Европу.

В этих условиях возрастает дипломатическая актив-

ность европейских стран. В 1517 г. папа Лев X, Франциск I и Максимилиан I обращаются ко всем государствам Европы с призывом к антиосманской борьбе²¹. Особое рвение проявлял Максимилиан I, так как опасность со стороны Порты угрожала прежде всего юго-восточному региону, являвшемуся основной сферой соперничества Габсбургов с Османской империей. В проектах организации антиосманской борьбы важное место продолжают занимать восточноевропейские страны. В 1517–1519 гг. снова предпринимаются активные, но безуспешные попытки привлечения к ней России²². Большое значение придавалось установлению союза с Венгрией и Польшей, с помощью которых предполагалось использовать в борьбе с султаном Дунайские княжества. В результате династического брака Сигизмунда I с миланской принцессой Боной Сфорца²³ в 1518 г. Максимилиану удалось сделать своей союзницей Польшу. В то же время неудачи в войне с Московским государством и потеря в 1514 г. Смоленска, имевшего важное стратегическое значение на польских восточных рубежах, толкали короля Сигизмунда к сближению с султаном Селимом. В 1516 г. был заключен польско-крымский союз, возобновленный в 1520 г. Договором 1519 г. устанавливались мирные отношения с Портой²⁴.

Тем не менее Габсбурги и римская курия продолжали усилия по организации антиосманской коалиции, пытаясь оказать давление на европейских правителей и заставить их воздержаться от мира с Османской империей²⁵.

Однако восточная политика Габсбургов противоречила взятой ими на себя роли организатора борьбы европейских стран против османов. Так, под знаменем крестового похода Максимилиан осуществлял акции по вытеснению французов из Италии²⁶. Идея объединения христиан перед лицом османской опасности использовалась Максимилианом для реализации планов создания феодальной католической империи под властью одного монарха, становившихся в сущности препятствием на пути развития капиталистических отношений и формирования национальных государств в Западной Европе.

После смерти Максимилиана (1519 г.) при поддержке южнонемецкой торгово-ростовщической кампании Фуггеров, заинтересованных в проведении Габсбургами универсалистской политики, в борьбе с французским королем Франциском I за императорский престол победу одержал внук Максимилиана, ставший императором под именем Карла V.

Складывавшаяся в начале XVI в. расстановка политических сил в Европе и ее юго-восточном регионе оказывала непосредственное влияние на международное положение Дунайских княжеств, в том числе и на их отношения с Османской империей. Готовясь к реализации планов наступления на страны Центральной Европы, Порты укрепляла свои позиции в Валахском и Молдавском княжествах. Политике османов стремились противостоять соседние с княжествами Венгрия и Польша, действовавшие здесь в своих интересах, исходя из конкретной международной ситуации в Юго-Восточной Европе.

1. Усиление османского влияния в Валахии

Оказавшаяся с конца XV в. в вассальной зависимости от султана Валахия в начале XVI в. все больше включается в сферу интересов Порты. Валахские господа под давлением крупного боярства превращаются в орудие османской политики в княжестве.

Важную политическую роль в княжестве в это время начинают играть крупные бояре Крайовы. Особо влиятельной была фамилия Крайовеску. Имея родственные связи в Османской империи, ее представители пользовались большим доверием Порты, считались верными подданными султана. Экономическая сила бояр Крайовы, их связи с турецкими сановниками заставляли господарей считаться с ними, искать их союза. Установление отношений с боярской фамилией Крайовеску становится важным политическим условием для правления господарей. В конфликтах с господарем Крайовеску прибегали к помощи Порты, которая использовала подоб-

ные случаи для вмешательства во внутренние дела Валахии. Следствием политики крупного валашского боярства была внутренняя политическая неустойчивость в княжестве, в конечном итоге приводившая ко все большему подчинению Османской империи.

Влияние бояр Крайовеску укрепилось в правление Раду Великого (1495–1508), когда им удалось добиться административной самостоятельности путем создания баната с центром в Крайове²⁷. Пост бана стал наследственным у Крайовеску. Союз с боярами Крайовеску позволил Раду в какой-то мере обеспечить относительную внутреннюю устойчивость и экономическую стабильность в княжестве²⁸. Валашский господарь подчинился султану и регулярно уплачивал ему харадж.

В то же время, стремясь заручиться поддержкой Венгрии, он установил отношения с венгерской короной. Для этого Раду использовал уже существовавшие связи с Трансильванией. Документы свидетельствуют об обмене послами с целью взаимной информации, главным образом о контактах с османами, их планах. Особую заинтересованность в этой информации проявляли по поручению венгерского короля власти Сибиу и Брашова²⁹.

Уласло II, признав Раду на валашском престоле, хотел привлечь его на свою сторону. В октябре 1496 г. по поручению короля в Валахии побывал посол трансильванского воеводы³⁰. С ответным посольством валашский господарь направил в 1497 г. в Буду вистиера Албу³¹. Результатом этого обмена послами было признание господарем в сентябре 1498 г. венгерского сюзеренитета³².

В ответ Порты усилила давление на валашского господаря, потребовав ежегодного прибытия в Стамбул для переутверждения на престоле. Раду был вынужден каждый год не только доставлять султану соответствующую сумму хараджа, но и уплачивать малый мукарер³³.

В 1505 г., когда он в очередной раз прибыл в Стамбул, султан повысил харадж Валахии с 8 до 12 тыс. золотых³⁴. Стремясь экономически еще больше подчинить себе княжество, Порты под разными предлогами вводила здесь все новые поборы; османские купцы стали закрепляться на торговых артериях по Дунаю³⁵.

Вассальная зависимость от султана не мешала, однако, Раду посылать венгерскому королю подробную информацию об османах. Имеются данные о том, что в 1505–1508 гг. господарь направлял в Трансильванию и Венгрию сведения о планах Порты³⁶. После того, как в 1507 г. Раду подтвердил признание венгерского сюзеренитета, король Уласло II в следующем году пожаловал ему в Трансильвании поместье Джеоджул³⁷.

По свидетельствам венецианских источников, Раду был посредником при заключении венгеро-османского договора 1503 г., в котором Валахия, как и Молдавское княжество, упомянуты как земли венгерской короны, подчиненные султану и платившие дань Порте³⁸.

После смерти Раду в княжестве вспыхнула борьба боярских группировок за власть³⁹. Возникшие внутренние неурядицы были использованы султаном для нового усиления влияния в Валахии. Попытка Венгрии возвести на валашский престол Данчу, сына Басараба Цепелюша⁴⁰, не имела успеха. В мае 1508 г. войска никопольского паши Мехмед-бея перешли границы Валахии и утвердили господарем сына Влада Цепеша Михню⁴¹. Вначале Михня осуществлял власть в союзе с боярами Крайовеску, занявшими в этот период высшие должности в княжестве. Показательно, что в первых жалованных грамотах Михни монастырям Говора и Бистрица в числе свидетелей на первом месте стоят представители этой боярской фамилии⁴².

В стремлении укрепиться на престоле, покончив с боярскими распрями, Михня сурово расправлялся с оппозиционным крупным боярством, за что получил прозвище "Жестокий".

В борьбе за господарство Михня при посредничестве брашовян и сибийцев установил отношения с венграми⁴³. Обратился он и к трансильванскому воеводе с просьбой о посредничестве в контактах с королем⁴⁴. Но эти обращения Михни были встречены с недоверием, так как в соседних странах знали, что его поддерживают османы и что он имеет заложником в Стамбуле своего сына⁴⁵. Брашовяне даже перекрыли дороги из Валахии⁴⁵.

Не сумев воспрепятствовать вступлению Михни на

валашский престол, венгерский король должен был признать его господарство, чтобы не спровоцировать османов. Необходимо было также гарантировать безопасность Трансильвании, тем более, что бояре – сторонники Михни – организовали волнения в Фэгэраше, агитируя присоединиться к владениям валашского господаря⁴⁷.

При посредничестве трансильванского воеводы осуществлялись переговоры между Михней и Уласло II⁴⁸. В связи с этим состоялся обмен послами. В январе 1508 г. через Сибиу в Валахию возвращался посол Михни Штефан Питар, находившийся в Буде с миссией к королю⁴⁹. В апреле этого же года Михня послал к трансильванскому воеводе вистьера Албу⁵⁰. Венгерский король в мае направил в Валахию Эмерика Чобора с посольством к господарю⁵¹. В июле 1509 г. послы Михни принесли вассальную присягу венгерской короне. Возглавлял посольство господаря митрополит Максим, известный в Буде как бывший сербский деспот Георгий Бранкович⁵².

Отношения Михни с венгерским королем осложнили положение господаря внутри княжества, вызвав конфликт с боярами Крайовеску. Бояре, недовольные провенгерскими действиями господаря, организовали против него выступление. Михня жестоко расправился с мятежниками⁵³. Спасаясь от наказания, бояре Крайовеску в конце сентября 1508 г. бежали за Дунай в османские владения⁵⁴. По указу господаря их имения были разорены⁵⁵. Михня принял меры для защиты против османов и их союзников бояр Крайовеску, признал венгерский сюзеренитет. Решив использовать администрацию баната в интересах консолидации власти, валашский правитель поставил во главе его своего сына Мирчу. Не исключено, что бояре Крайовеску были в курсе планов господаря передать Олтению в управление Мирче. В таком случае намерения Михни могли ускорить его разрыв с боярами⁵⁶.

Бояре Крайовеску обратились к султану с просьбой сместить господаря и посадить на престол Влада Молодого, брата Раду Великого. По поручению султана войска никопольского паши Мехмед-бея вместе с боярами во главе с Владом в феврале 1510 г. вступили на терри-

торию княжества. Уласло II, заинтересованный в сохранении мирных отношений с Портой, не поддержал Михню. Тем более, что он не был уверен в искренней приверженности валашского господаря венгерской короне. Михня вынужден был отступить из княжества вместе с сыном Мирчей и искать убежища в Трансильвании⁵⁷. Он пытался обосноваться в Сибиу, но был убит здесь по поручению бояр Крайовеску их родственником Д. Якшичем в сговоре с соперником Михни Данчу⁵⁸. Правление Михни показало, что господарская власть в Валахии не может не считаться с интересами бояр Крайовеску, в том числе и с их проосманским политическим курсом.

Подтвердилось это и в последующее правление Влада Молодого (1510–1512). Заняв престол с помощью османов, Влад в присутствии Мехмед-бея принес присягу верности боярам Крайовеску. Бояре обязались служить Владу верой и правдой, господарь же обещал почитать их и следовать их советам. Сторона, нарушившая обязательство, должна была подвергнуться уничтожению властью султана, которую в Валахии представлял Мехмед-бей⁵⁹. Последнее условие, узаконивая вмешательство Порты в ее внутренние дела, означало усиление влияния османов в княжестве. Однако Влад вскоре также попытался порвать с османами и править страной без бояр Крайовеску. В 1511 г. он, как и его предшественник, признал венгерский сюзеренитет⁶⁰. Результатом провенгерской политики Влада было исключение бояр Крайовеску из состава господарского совета и эмиграция их за Дунай. С помощью военных сил Мехмед-бея бояре предприняли поход в Валахию и под Бухарестом разгромили войско господаря. Влад был схвачен и обезглавлен за нарушение клятвы⁶¹.

В Польше и Венгрии понимали, какую роль играли османы в событиях в Валахии. Польский посол П. Томицкий говорил венгерскому королю о решении султана сместить валашского господаря⁶².

Престол в Валахии занял ставленник бояр Крайовеску Нягое (1512–1521), который для оправдания своих претензий на власть принял имя Басараба, выдавая себя за сына Басараба Молодого (Цепелюша)⁶³.

Правление Нягое было отмечено наивысшим усилением экономического и политического влияния бояр Крайовеску, проявлявшегося в росте административной самостоятельности баната в Олтении. К этому времени относится оформление двора великого бана, административного аппарата, собственного войска⁶⁴.

Следуя во внутренней политике интересам бояр Крайовеску, Нягое должен был все больше подчиняться их союзникам османам, обязавшись уплачивать султану харадж и другие повинности⁶⁵. Хотя в области внешней политики Валахия полностью находилась в сфере интересов Порты, тем не менее Нягое, как и его предшественники, пытался лавировать между Османской империей и христианскими странами⁶⁶. Воспользовавшись внутренними неурядицами в империи, он установил отношения с Польшей, Венецией и римским папой, а в 1517 г. принес присягу венгерскому королю Лайошу II, который обещал ему убежище в Трансильвании на случай потери престола⁶⁷. Король пожаловал Нягое имение Джеоджиул в уезде Хунедоара, которым господарь владел до конца жизни, пока оно не перешло по наследству его сыну Феодосию⁶⁸. Нягое соглашался участвовать и в провозглашенном папой антиосманском походе европейских государств с условием, чтобы в случае успеха был учтен и вклад Валахии. С этим предложением в июне 1519 г. в Рим к папе Льву X был послан Антонио Паикаласа⁶⁹. В 1520 г. Нягое писал брашовянам, что готов при необходимости выступить с 40-тысячным войском на помощь Венгрии⁷⁰.

Проводя политику лавирования в отношениях с соседними государствами, Нягое сумел удержаться на валашском престоле до конца жизни, что позволило ему стабилизировать внутреннее положение в княжестве, укрепить господарскую власть. При нем оформляется фискальный и административный аппарат, происходит упорядочение законодательства⁷¹.

Нягое покровительствовал валашским торговцам, ограничивая деятельность иностранных купцов в Валахии. В письмах к сибийцам и брашовянам, с которыми господарь с самого начала правления поддерживал тесные

связи, он нередко выступал в защиту валашских торговцев в случаях, когда их права нарушались на территории городов Сибиу и Брашова⁷². Иногда это приводило к осложнению отношений с трансильванскими городами. Напряженности в контактах с Брашовом способствовало и то, что здесь получил убежище сын Михни Мирча, продолжавший претендовать на валашский престол. Мирчу поддерживал молдавский господарь Богдан III, с которым вследствие этого Нягое находился в конфликте с самого начала своего правления.

Установившиеся торговые связи с трансильванскими городами благоприятствовали политическим контактам, используемым Нягое для поддержания отношений с венгерской короной.

Несмотря на лавирование, в конечном итоге Нягое в своей внешней политике следовал в русле интересов Порты. В 1521 г., когда султан Сулейман I начал наступление на Центральную Европу, валашский господарь вынужден был выставить военные силы для участия в экспедиции османов против Трансильвании⁷³.

После смерти Нягое власть перешла к его сыну Феодосию, при котором фактически осуществляла управление его мать Деспина с помощью бана Крайовеску⁷⁴. Таким образом, бояре Крайовеску пытались не только сохранить банат и свое политическое влияние в княжестве, но и управлять всей страной. Но оппозиционная им партия бояр, бежавших во время правления Нягое в Молдавское княжество, вернувшись после его смерти в Валахию, решила возвести на престол Драгомира Кэлугэра⁷⁵. 11 октября 1521 г. у Тырговиште состоялось сражение между военными силами обеих сторон. Феодосий был вынужден бежать за Дунай. Предвидя возможность его возвращения в княжество с помощью османов, Драгомир, использовав связи с трансильванскими городами, попытался заручиться поддержкой венгерского короля, но безуспешно: Лайош II был сторонником Феодосия⁷⁶. Вскоре войска никопольского паши Мехмедбея вступили на территорию княжества и подошли к Тырговиште. Драгомир и его сторонники были схвачены и убиты⁷⁷. На валашский престол вернулся Феодосий.

Однако уже в январе 1522 г. оппозиционная ему партия бояр выдвинула другого претендента на господарство – Раду Афумац. Феодосий отступил к Слатине, откуда просил помощи у османов⁷⁸. Раду нанес поражение отрядам Мехмед-бея, но перед лицом превосходящих османских сил вынужден был уйти в Трансильванию⁷⁹.

Утвердившись со своими войсками в Валахии, Мехмед-бей стал вводить в княжестве турецкую администрацию, пытаясь превратить его в пашалык, который надеялся получить от султана в свое управление⁸⁰. Все это время Феодосий оставался в Слатине, хотя и писал брашовянам, что султан снова возвел его на валашский престол. Для решения господарских дел он направил в Тырговиште ворника Раду и пыркалаба Бойко⁸¹. Захватив фактически управление княжеством, Мехмед сделал Феодосия орудием своей политики, а затем отправил его в Стамбул, где он впоследствии и умер.

Опасность превращения Валахии в турецкий пашалык объединила всех бояр, в том числе из рода Крайовеску, вокруг Раду Афумац. Возникла непосредственная угроза со стороны османов и для Венгрии. Поэтому венгерский король Лайош II через трансильванского воеводу поддерживал Раду Афумац в борьбе за власть в Валахии, стремясь тем самым повлиять на положение дел в княжестве. Во время своих отступлений Раду находил убежище в Трансильвании, откуда при поддержке трансильванского воеводы Яноша Запольяи организовывал экспедиции в Валахию⁸².

В июне 1522 г. Раду Афумац с помощью войск Запольяи вернулся в Валахию, но в начале августа снова отступил в Трансильванию⁸³. При материальном содействии воеводы здесь была подготовлена новая военная экспедиция против Мехмеда⁸⁴, в результате которой Раду во второй половине октября вновь стал господарем Валахии. На сей раз ему удалось удержаться на престоле до конца апреля 1523 г., чему в определенной мере способствовало то, что османы ослабили давление на Валахию, будучи занятыми в военных действиях на острове Родос. Между тем крайовские бояре оставили лагерь сторонников Раду Афумац, вновь связав свои интересы с политикой Порты.

В конце апреля 1523 г. Мехмед-бей вместе с новым претендентом на валашский престол Владиславом III во

главе многочисленного войска вступили на территорию княжества. Раду Афумац получил убежище в Брашове⁸⁵. Возвращение османов в Валахию усилило тревогу в Трансильвании и Венгрии⁸⁶, тем более, что султан, покорив Родос, приступал непосредственно к реализации завоевательных планов в Центральной Европе.

Новый валашский господарь Владислав III сначала был поддержан крайовскими боярами, но, когда он, стремясь укрепить свое положение в стране и устранить возможное соперничество, попытался заменить бана Пырву III Крайовеску своим ставленником⁸⁷, бояре перешли на сторону оппозиционной господарю группировки. Пырву с группой бояр обосновался в Трансильвании, где готовился к свержению Владислава. В конце октября 1523 г. бояре во главе с Пырву проникли через горы в Валахию и устранили неудобного господаря, посадив на престол при поддержке османов одного из крайовских бояр Раду Бэдику⁸⁸.

Борьбой между Владиславом и Бэдикой воспользовался Раду Афумац, находившийся в Трансильвании и ожидавший удобного момента для возвращения в Валахию. Чтобы не допустить овладения Раду господарским престолом, бояре Крайовеску заручились обещанием военной помощи видинского и никопольского пашей. И когда Раду предпринял попытку устранить Бэдику, то был разбит османскими силами⁸⁹.

Бэдика стремился укрепить свою власть в княжестве, опираясь на группировку Пырвулеску и военную помощь султана. В его правление османское влияние в Валахии усилилось. Но господство Бэдики оказалось кратковременным: он был убит противниками в результате возникших противоречий внутри проосмански настроенной группировки валашских бояр⁹⁰.

Раду Афумац в январе 1524 г. с помощью Я. Запольяи снова удалось на короткое время занять престол в Валахии. Княжество находилось в тяжелом состоянии. Экономика была истощена постоянными военными действиями. Не хватало средств на оплату войск из Трансильвании, из-за чего они собирались покинуть господаря. Османы, захватив валашские крепости по Дунаю, угро-

жали вступлением на территорию княжества. Раду настоятельно просил брашовян о помощи⁹¹. Но она была незначительной и пришла с запозданием. В мае османы заняли Валахию и вновь возвели на престол своего ставленника Владислава III⁹².

Владислав примирился с боярской группировкой Пырвулеску; бан Пырву признал его господарем⁹³. Чтобы укрепиться в княжестве, Владиславу нужно было лишить Раду Афумац возможности вернуться на валашский престол. С этой целью через своих послов он вел переговоры с трансильванскими городами, пытаясь склонить их к отказу от помощи Раду, а также добиваясь возвращения находящихся в Трансильвании беглых валашских бояр⁹⁴. Но поддерживаемый османами Владислав не вызывал доверия у трансильванских властей. Воевода Запольяи и король Лайош были на стороне Раду и помогали ему готовиться к новой экспедиции против ставленника османов. Возникший снова конфликт Владислава с боярами Крайовеску облегчил приход к власти Раду Афумац.

Чтобы не допустить упрочения венгерского влияния в Валахии, Порта решила привлечь Раду на свою сторону, признав его господарем. Когда в сентябре 1524 г. Раду вместе с отрядами Запольяи вступил в Тырговиште, командующий османскими силами Ибрагим-паша, не оказав претенденту сопротивления, начал с ним переговоры⁹⁵.

В стремлении утвердиться на валашском престоле Раду договорился с крайовскими боярами и пошел на соглашение с османами. Папские послы в ноябре 1524 г. доносили из Вены, что в Валахии продолжают оставаться османские войска, а господарь Раду перешел на сторону Порты⁹⁶. Бояре Крайовеску содействовали признанию султаном Раду Афумац на господарском престоле. В декабре 1524 г. Раду поехал в Стамбул. Венецианский посол сообщал 13 декабря из турецкой столицы о приеме султаном валашского господаря, который признал его сюзеренитет и обязался платить ему дань⁹⁷. Раду согласился на увеличение хараджа с 12 до 14 тыс. дукатов и подтверждение господарства Портой через каждые три года⁹⁸.

Свой поворот к политике подчинения султану Раду в письме брашовянам от 1 февраля 1525 г. объяснял необходимостью сохранения господарства⁹⁹. В условиях усилившегося давления османов на Валахию в связи с подготовкой Сулейманом I наступления на Венгрию валашский господарь должен был согласиться с положением вассала султана. Это ставило Раду и перед необходимостью укрепления отношений с его союзниками внутри княжества боярами Крайовеску. Господарь установил с ними родственные связи, женившись на Роксанде, дочери Нягое Басараба. Благодаря Раду бояре Крайовеску сохранили за собой руководство в банате Олтении. При его покровительстве Пырву Крайовеску оставался великим баном до конца жизни (1529 г.)¹⁰⁰. В соответствии с положением вассала Раду должен был участвовать со своим войском в планируемой султаном в 1526 г. военной экспедиции против Венгрии. Предусматривался при этом проход османских войск через Валахию и сотрудничество господаря с санджаками по Дунаю¹⁰¹.

В то же время, следуя традиционной политике лавирования, Раду сохранял отношения с трансильванским воеводой Я. Запольяи и венгерским королем Лайошем II. Весной 1525 г. он направил к венгерскому королю своего посла со сведениями об османских военных приготовлениях и с просьбой о помощи на случай необходимости¹⁰². Лайош II не только проявлял заинтересованность в этих сведениях, но и стремился склонить валашского господаря так же, как и молдавского, к совместным антиосманским действиям. Предполагался проект соединения войск Раду Афумац и Запольяи для атаки по османскому тылу в момент, когда султанские силы направят главный удар на Венгрию через северную Сербию¹⁰³.

Султан, информированный о связях валашского господаря с венгерским королем, не доверяя Раду, потребовал от него присылки в Стамбул в знак гарантии единственного сына. В Валахию были направлены два субаши, чтобы укрепить здесь влияние османов и не допустить объединения Валахии с Венгрией¹⁰⁴.

После распада королевства Венгрии в результате поражения при Мохаче (1526 г.) в начавшейся борьбе за

венгерскую корону Раду поддерживал своего прежнего союзника Яноша Заполяя, соперничавшего с Фердинандом I Габсбургом. Однако вскоре под давлением Фердинанда Раду Афумац стал ориентироваться на Габсбургов¹⁰⁵. Такой шаг господаря вызвал недовольство просманской группировки валашских бояр, подстрекаемых давним противником Раду Мехмед-беем, не оставлявшим надежды на захват власти в Валахии.

Вдохновляемая им группа враждебных господарю бояр в конце декабря 1528 г. организовала заговор с целью убийства Раду, который почувствовав опасность, попытался бежать вместе с сыном, возможно в Трансильванию. Но по пути оба были перехвачены в Рымнику Вылча в январе 1529 г. и убиты¹⁰⁶.

Начавшаяся после смерти Раду борьба боярских группировок вызвала внутривластную неустойчивость в Валахии. Господари, сменявшие в этот период друг друга на престоле почти через каждые два-три года, становились инструментом в руках боярства, являвшегося проводником интересов Порты в княжестве. В 30-е годы XVI в. ослабевает влияние бояр Крайовеску, которые постепенно уходят с политической сцены, уступив в борьбе противостоящей партии и оставив ей в наследство политику соглашательства с султаном.

Таким образом, в течение первой трети XVI в. усиливается подчинение Валахии османам. Продолжалось возрастание суммы хараджа княжества, закреплялась практика заложничества из числа близких родственников господаря и участия валашских отрядов в османских военных предприятиях.

Право султана на утверждение господаря становилось предлогом для постоянного вмешательства османов во внутренние дела княжества. Используя непрекращавшуюся борьбу боярских группировок за власть и поощряя ее, Порты при поддержке крупного валашского боярства проосманской ориентации возводила на господарский престол своих ставленников, становившихся орудием политики султана в княжестве и в международных отношениях. Все попытки отдельных господарей сменить внешнеполитическую ориентацию, в частности

признать венгерский сюзеренитет или заручиться поддержкой Габсбургов, оказывались безрезультатными. Проосманский курс валашского боярства, с которым господа были вынуждены считаться, позволял Порте держать под контролем положение дел в Валахии, полностью включив ее в сферу своих политических интересов.

2. Установление вассальной зависимости Молдавского княжества от Османской империи

Сложившаяся в первые два десятилетия XVI в. расстановка политических сил в Европе в условиях возросшей угрозы со стороны османов определяла значение Молдавского и Валашского княжеств в международных отношениях этого периода в Юго-Восточной Европе.

В конце XV в. для европейских стран стала вновь актуальной проблема создания коалиции против османов. Ее инициаторы – папа Александр VI и император Максимилиан I – придавали важное значение участию в ней Польши и Венгрии и действовали в этом направлении небезуспешно. В 1498 г. на имперский съезд во Фрайбурге прибыли венгерские и польские послы с просьбой о помощи их странам в планировавшихся действиях против султана¹⁰⁷.

Включение Валахии с конца XV в. в сферу интересов политики Порты ставило перед правителями государств Европы настоятельную задачу привлечения к антиосманскому союзу Молдавского княжества. Выполнение ее возлагалось на Венгрию и, особенно, на Польшу.

В соответствии с договором 1499 г. молдавские дипломаты посредничали в урегулировании русско-литовского конфликта. В связи с этим состоялся обмен послами между Сучавой, Москвой и Вильно. Как явствует из наказа от 11 августа 1500 г. русскому послу в Крым И. Г. Мамонову с предписанием добиваться пропуска к господарю Штефану Н. Нардукова, в этом году в Москве находился молдавский посол Петр, который отбыл вместе с Н. Нардуковым. На обратном пути из Сучавы

Н. Нардуков погиб¹⁰⁸. В том же году в Москву прибыли молдавские послы Ф. Исаев и дьяк Шандр с мирными посредническими предложениями Штефана¹⁰⁹. Через Н. Нардукова и молдавских послов русское правительство извещало Штефана о нарушении великим князем литовским "докончания своего и крестного целования". С предложением о посредничестве молдавский господарь обратился и к Александру. В ответ в мае-июне 1500 г. Александр направил в Сучаву посла Богуша, который сообщил господарю о трудностях в переговорах и неуступчивости русского правительства¹¹⁰. Посланный Штефаном в Москву дьяк Константин, проезжая через Вильно, передал великому князю литовскому просьбу о соблюдении "докончания"¹¹¹.

В ходе выполнения своей посреднической миссии молдавский господарь должен был склонить русское правительство к участию в антиосманской коалиции. Дьяк Константин в посольских речах в Москве в августе 1500 г. излагал предложение Штефана: "Иоан Стефан воевода велел тебе говорить. Все королеве и все християньски государеве, колько их суть, и все стороны западу и Италейских строн еднаются и готовятся и хотели бы напротив поган, и добро бы было и тебе со християны мир имати и поспол со всеми християньскими государи противьку поганьства стояти"¹¹².

Но миссия Штефана успеха не имела. Русско-литовский конфликт продолжался до 1503 г. Изменилась и международная ситуация в связи с заключением рядом европейских стран мирных соглашений с Портой. В этих условиях молдавский господарь вынужден был вновь примириться с султаном и уплачивать ему дань¹¹³.

Порта придавала важное значение установлению контроля над Молдавским княжеством в реализации планов продвижения в Европу. Своему вассалу крымскому хану султан поручил защиту крепостей Килии и Белгорода, игравших стратегическую роль в утверждении Османской империи на Черном море¹¹⁴. В письме к хану от 12 мая 1502 г. Баязид II писал: "Если ты сдержишь Молдову, у нас будет свободный путь во все части света"¹¹⁵.

В то же время Польша и Венгрия прилагали усилия к тому, чтобы удержать Молдавское княжество в антиосманской коалиции. Но его господарь Штефан, видя бездеятельность стран – участниц, соглашался выступить против османов только в случае выполнения венгерским и польским королями положений договора 1499 г. Подчеркивая свою приверженность договору, Штефан писал в 1502 г. польскому королю Александру, что со времени его заключения "через наши земли не имела польская земля ни одну шкodu ни от турков, ни от татар"¹¹⁶.

Однако интересы господствующих классов толкали Венгрию и Польшу на сближение с Османской империей. Как отмечалось выше, в 1503 г. венгерский король Уласло II заключил мир с султаном, а в следующем году в переговоры с ним вступил польский король Александр. В осmano-венгерском договоре 1503 г. Молдавское княжество наравне с Валахией рассматривалось как зависимое от венгерской короны, продолжающее платить Порте дань, пешкеши и выполнять другие обязательства¹¹⁷. Здесь проявилось явное стремление султана приравнять Молдавское княжество к Валахии, подчинив его путем усиления экономической зависимости. Уступая османам право экономической эксплуатации княжеств, Венгрия в то же время пыталась сохранить их в сфере своих политических интересов, фиксируя в договоре их зависимость от венгерской короны, что отвечало главной цели венгерских королей – не допустить полного подчинения княжеств Османской империи.

С этих позиций Венгрия действовала в своем соперничестве с Польшей из-за влияния на Молдавское княжество, выступая часто посредником в возникавших молдавско-польских конфликтах.

В 1504 г., когда после смерти Штефана III молдавский престол занял его сын Богдан III и в связи с этим в княжестве активизировались оппозиционные боярские группировки, поддерживавшие других претендентов на господарство, польский король Александр I, не признавая Богдана господарем, предоставил убежище двум из этих претендентов, а также пытался склонить к антимолдавским действиям валашского господаря Раду Велико-

го¹¹⁸. Венгерский король Уласло II принял меры к тому, чтобы отвратить Александра от враждебных молдавскому господарю действий со стороны Польши. В письме к польскому королю Уласло писал, что в обстановке конфликта Богдан может попросить помощи у османов и татар и подчиниться султану¹¹⁹. Такой поворот в политике молдавского господаря был нежелателен и для Польши. В инструкции от конца октября 1504 г. польскому послу в Стамбул Б. Голавинскому предписывалось не допустить соглашения Богдана с Баязидом II¹²⁰. Тем более, что, заняв молдавский престол, Богдан направил логофета Тэута в Стамбул с данью к султану, который признал его господарем.

В первые годы правления Богдана отношения Молдавского княжества с Польшей оставались напряженными. Согласие господаря вернуть Польше завоеванную Штефаном III провинцию Покутье на условии бракосочетания с сестрой польского короля Елизаветой¹²¹ не смягчило взаимоотношений между двумя сторонами. Не помогло здесь и посредничество папы Юлия II, поддерживавшего этот брак в интересах распространения католицизма¹²². Когда стало ясно, что польский король нарушил договоренность в отношении брака, Богдан в конце сентября 1506 г. начал военные действия на территории Покутья, занял Коломыю, Каменицу, вызвав ответное вторжение польских войск на территорию княжества¹²³.

В трудной для княжества обстановке молдавский господарь попытался воспользоваться сложной ситуацией, складывавшейся в Польше в связи с развертыванием движения в украинских и белорусских землях во главе с М. Глинским. В 1508 г. Богдан обратился за поддержкой к русскому правительству, которое сотрудничало в это время с руководителем антипольского восстания¹²⁴.

Напряженность в отношениях между Молдавским княжеством и Польшей продолжала сохраняться. В июне 1509 г. войска Богдана предприняли разорительный поход в польские земли, дошли до Львова и вернулись в княжество. Сигизмунд направил к венгерскому королю посла Ст. Горского с просьбой о помощи¹²⁵ и одновремен-

но начал военные приготовления к походу на Молдавское княжество. Богдан, в свою очередь, также обратился к Уласло за поддержкой¹²⁶.

В конце августа многотысячное польское войско во главе с гетманом Н. Каменецким перешло Днестр и углубилось на территорию княжества до Сучавы. После неудачной осады молдавской столицы польские войска повернули обратно. Богдан сумел собрать лишь немногочисленные отряды, которые пытались нанести удар по отступавшим неприятельским частям¹²⁷.

При содействии венгерского короля Уласло II длительные переговоры между двумя сторонами привели к заключению в январе-феврале 1510 г. договора между Польшей и Молдавским княжеством. Главным аргументом венгерского короля в посреднических переговорах была опасность со стороны османов для Дунайских княжеств и Польши¹²⁸. Согласно договору, молдавский господарь и польский король взаимно обязывались не предпринимать враждебных акций в отношении друг друга. Богдан обещал не переходить на сторону султана. В случае наступления османов на княжество и возможной потери престола Сигизмунд должен был предоставить господарю и его приближенным убежище в Польше и оказать помощь для возвращения в княжество. Богдан отказывался от планов женитьбы и аннулировал в связи с этим договоренность 1506 г. Польские и литовские купцы получали право свободной торговли в княжестве, молдавским торговцам предоставлялись такие же права Польше. Была достигнута договоренность о взаимном решении пограничных споров¹²⁹.

В июне 1510 г. в Буде в присутствии послов Богдана и Сигизмунда было объявлено о решении Уласло II по этим вопросам. Прежде всего, претендент на молдавский престол Петр удалялся из Польши. Жителям княжества, перешедшим на польскую территорию, предоставлялось право вернуться в княжество или остаться на прежнем месте. Решение по вопросу о Покутье должна была вынести специальная комиссия из представителей Польши, Молдавского княжества и Венгрии¹³⁰. Но претворение в жизнь этих условий затягивалось, в то время

как разногласия между сторонами снова обострились. Происходит периодический обмен послами для выяснения взаимных территориальных споров, вопросов о таможенных сборах, о беглых людях¹³¹.

В 1510 г. северо-восточные рубежи Молдавского княжества подверглись нападениям крымских татар. Большой ущерб понесло княжество в результате татарского набега весной 1510 г. После разорительных походов в Польшу и Литву отряды татар в августе-сентябре этого же года вторглись на территорию княжества, подвергли ее жестокому опустошению, забрали в плен большое число жителей¹³². Богдан обратился за помощью к польскому и венгерскому королям¹³³. Одновременно молдавский господарь направил посла к русскому правительству, чтобы склонить его к борьбе с татарами, предложив использовать против Менгли-Гирея его противника, последнего хана Большой Орды Ших-Ахмата, получившего убежище у властей Великого княжества Литовского¹³⁴. Но Московская Русь была занята назревавшим конфликтом с Ягеллонами. В связи с этим Польша и Венгрия также не могли оказать Молдавскому княжеству необходимой помощи против татар.

Политические события 1510–1512 гг. в Османской империи, связанные с борьбой Селима со своим отцом Баязидом II из-за турецкого трона, осложнили положение Молдавского княжества.

Селим, недовольный тем, что Баязид завещал престол сыну Ахмеду, оставил санджак в Трапезунде и ушел в Каффу, где находился санджак его сына Сулеймана, будущего султана. Женив его на дочери крымского хана Менгли-Гирея, Селим намеревался использовать татар и военные силы Каффы в осуществлении плана достижения султанской власти¹³⁵. Первым этапом его реализации должен был стать захват крепостей Килии и Белгорода, которые могли бы служить Селиму важной стратегической опорой¹³⁶.

Концентрация Селимом военных сил вблизи границ Молдавского княжества вызывала беспокойство Богдана¹³⁷. Положение обострялось угрозой татарских нападений. Через посла вистиера Исака Богдан обратился за

поддержкой к польскому королю Сигизмунду I, предлагая объединиться против татар в момент, когда они лишены помощи султана¹³⁸.

Отношение Сигизмунда к Молдавскому княжеству в этот период характеризовалось двойственностью. С одной стороны, в переговорах с Богданом он был готов к совместной борьбе с татарами, выражая намерение оказать военную помощь господарю и даже предупреждая его о новом готовящемся татарском нападении на княжество. В то же время Сигизмунд вел переговоры с ханом, пытаясь заключить с ним соглашение¹³⁹.

Но планы Селима использовать Молдавское княжество в интересах борьбы за султанский престол не могли быть безразличны польскому и венгерскому королям. Уласло II намеревался помочь Богдану, направив своего человека в Москву вместе с молдавским и польским послами, чтобы склонить русское правительство к союзу против татар¹⁴⁰.

Когда в апреле 1511 г. татары появились на границах Польши, Сигизмунд приказал концентрировать войска в Подолии. Он писал об этом Богдану и сообщал также об обещании венгерского короля прийти на помощь. Одновременно польский король извещал господаря о стремлении крымского хана заключить мир с Польшей¹⁴¹.

Захват Селимом в мае 1511 г. Белгорода и Килии создал непосредственную военную угрозу для Молдавского княжества и вызвал серьезную тревогу у Польши и Венгрии. Сигизмунд отдал распоряжение старосте Подолии использовать имеющиеся военные силы для помощи Богдану в случае атаки со стороны Селима. Венгерский король собирал войска в Ораде, чтобы при необходимости двинуть их на поддержку молдавскому господарю¹⁴².

Летом 1511 г. Богдан попытался вступить в переговоры с крымским ханом. Но прибывшие в Бахчисарай молдавские послы подверглись заключению¹⁴³.

Потерпев поражение от султанских войск 3 августа 1511 г. и узнав о том, что Баязид уступил трон другому сыну Ахмеду, Селим двинулся с татарскими войсками к

границам Молдавского княжества, чтобы создать благоприятные условия для прохода в Румелию, где, по всей вероятности, находились силы, необходимые для осуществления захвата власти в Стамбуле. Такое развертывание событий ставило княжество в тяжелое положение. В августе-сентябре последовало новое вторжение татар. Молдавским войскам при поддержке немногочисленных польских и венгерских сил удалось отразить это нападение¹⁴⁴.

Несмотря на озабоченность и военные приготовления польского и венгерского королей в связи с действиями Селима и крымского хана¹⁴⁵, по существу их позиция в отношении Молдавского княжества оставалась пассивной. К тому же Уласло II вел переговоры с Портой о возобновлении осmano-венгерского договора.

В этой обстановке Богдан решил ориентироваться на султана Баязида и принца Ахмеда, тем более, что они проявляли заинтересованность в привлечении господаря на свою сторону с целью спутать расчеты Селима относительно Молдавского княжества. Об этом свидетельствует письмо Богдана Баязиду от сентября 1511 г.¹⁴⁶ Молдавский господарь извещал султана о положении в соседних странах; о почете, оказанном османскому послу в Буде, концентрации войск в Трансильвании и военных приготовлениях польского короля Сигизмунда; об угрозе княжеству со стороны татар и пленении ханом молдавских послов¹⁴⁷.

Ориентация Богдана на Баязида ослабляла позиции Селима. К тому же и в Валахии утвердился сторонник султана Нягое Басараб. В связи с этим в окружении Селима вынашивались планы свержения Басараба и замены его своим ставленником¹⁴⁸.

Складывавшаяся обстановка все больше побуждала Селима искать возможность для привлечения на свою сторону молдавского господаря. Внешнеполитические затруднения княжества, усугублявшиеся пассивной позицией Венгрии и Польши, а также децентрализаторские тенденции крупного боярства внутри страны заставляли Богдана, в свою очередь, идти на сближение с Селимом.

Сказалось и соседство войск Селима, расположившегося в Белгороде. Находясь в крепости, Селим грамотой от 25 января 1512 г. подтвердил Богдану пожалованные султаном Баязидом II права рыболовства в реках и озерах северной части бассейна нижнего Дуная, права на десятину и другие доходы с прилегающих земель¹⁴⁹. Признанием за молдавским господарем этих экономических прав на территории, отторгнутой от княжества османами после завоевания ими в 1484 г. Килии и Белгорода, Селим хотел заинтересовать молдавского господаря в сотрудничестве с ним, сделать его союзником*. В этом плане важную роль сыграло содействие Селима в урегулировании отношений княжества с татарами. При его посредничестве в начале апреля 1512 г. Богдан начал переговоры с крымским ханом и установил с ним мир¹⁵¹.

Сближению молдавского господаря с Селимом способствовало и изменение к этому времени соотношения сил в Османской империи в борьбе за султанский престол. В марте 1512 г. Баязид помирился с Селимом и признал за ним все крепости от Каффы до Никополя включительно. В апреле Селим стал султаном¹⁵². По случаю вступления его на престол в Стамбуле находились и молдавские послы, прибывшие с поздравлениями и дарами (пешкеши)¹⁵³.

Услуги, оказанные Селимом Богдану, обернулись для Молдавского княжества усилением экономической зависимости от Порты. В 1514 г. дань княжества османам составляла 8 тыс. золотых¹⁵⁴, увеличившись в два раза по сравнению с суммой, уплачивавшейся Штефаном III и Богданом III в начале правления.

Из-за переговоров Богдана с крымским ханом в 1512 г. стали напряженными молдавско-польские отношения, особенно после того, как в апреле татары атаковали польские пограничные земли. Сигизмунд обратился к господарю с просьбой о содействии в отражении татарского нападения. Богдан не отказал, но, имея мир с

* Публикуя этот документ и обосновывая его дату, М. Чука подчеркивает его значение для доказательства того, что в 1512 г. мог быть заключен договор Богдана с Селимом, подтверждавший права и привилегии Молдавского княжества¹⁵⁰.

ханом, фактически против татар не выступил¹⁵⁵. В сентябре польский король откупился крупной суммой от татарского нападения и отряды татар вторглись на территорию Молдавского княжества, дошли до Ясс и, предав город огню, ушли¹⁵⁶.

В борьбе с татарской опасностью Богдан попытался получить поддержку русского правительства. В 1513 г. он дважды направлял с этой целью послов в Москву, но они были задержаны в Польше из-за военных действий под Смоленском¹⁵⁷.

Возросшая с утверждением на султанском престоле Селима I османская опасность привела к смягчению отношений Польши с Молдавским княжеством. Сигизмунд понимал, что стремление Селима подчинить княжество с помощью татар таит для Польши появление непосредственной угрозы османских нападений. В 1514 г., извещая Петрковский сейм о намерении султана низложить Богдана, король подчеркивал, что в случае осуществления этого плана владения Порты будут соприкасаться с польскими рубежами. В переговорах с Богданом польский король предлагал ему военную помощь, решение о предоставлении которой молдавскому господарю в случае необходимости было вынесено на Петрковском сейме¹⁵⁸.

Между тем Венгрия возобновила в 1513 г. мир с Османской империей¹⁵⁹. Вслед за ней и польский король начал переговоры с султаном. В 1514 г. Сигизмунд направил в Стамбул посла Г. Крупского. По просьбе короля Богдан, содействовал проезду посла через Молдавское княжество¹⁶⁰. Временное улучшение молдавско-польских отношений сменилось в конце 1514 г. новой напряженностью, возникшей из-за пограничных недоразумений¹⁶¹.

Обращение папы Льва X в 1517 г. к европейским странам с призывом покончить с разногласиями и соединить усилия для борьбы с османской опасностью¹⁶² поставило Польшу перед необходимостью преодолеть противоречия в отношениях с Молдавским княжеством и привлечь его к антиосманской коалиции. Внутриполитическая обстановка в княжестве, сложившаяся пос-

ле смерти Богдана в 1517 г., благопритствовала планам Польши. При несовершеннолетнем государе Штефэнице бразды правления в княжестве взяло крупное боярство, связанное классовыми интересами с польскими феодалами.

В 1518 г. между Молдавским княжеством и Польшей был заключен договор. Польский король обязывался защищать княжество против султана, а также гарантировал государю Штефэнице и его брату Петру убежище в королевстве на случай потери престола. Молдавский государь со своей стороны брал обязательство не оказывать помощь противникам короля, в частности султану. Что же касалось участия княжества в предполагаемых общеевропейских действиях против Османской империи, то оно предусматривалось тогда, когда польский король перейдет со своими войсками Дунай. При этом за княжеством и его государем сохранялось включенное в договор 1499 г. право принять сторону османов в случае их военного превосходства¹⁶³.

Включение этого условия в договор свидетельствовало в какой-то мере о недоверии молдавского боярства к политике польских Ягеллонов и неуверенности в силе антиосманской коалиции. Опасение молдавского боярства оправдалось в самое ближайшее время. Причастность княжества к союзу против султана не могла не стать известной Порте. В августе 1518 г. отряды татар вторглись на молдавскую территорию, подвергли ее разорению, хотя и были разгромлены войсками государя Штефэницы в сражении близ р. Прут¹⁶⁴. О помощи княжеству со стороны Польши не было и речи. Сигизмунд готовился к свадьбе с миланской принцессой, в то время как татары вторглись и на польскую территорию, но также были разбиты¹⁶⁵.

Между тем обострились противоречия между странами антиосманской коалиции. В центре политической и дипломатической борьбы европейских стран находилось соперничество между французским королем Франциском I и Максимилианом Габсбургом за гегемонию в Европе. После смерти последнего в 1519 г. все европейские государства были втянуты в борьбу Франциска I с Карлом

Испанским за имперский престол, которая закончилась избранием на престол Карла V. Чтобы противостоять Габсбургам, французский король начал ориентироваться на союз с Османской империей. На призывы папы Льва X к борьбе с османами Франциск отвечал уклончиво¹⁶⁶, ибо в интересах Франции было поддержание фактора османской угрозы, которая могла бы сковывать активность Габсбургов в Европе. Такая перегруппировка государств существенно меняла европейскую ситуацию в ответственный для региона момент, когда Порты непосредственно приступала к реализации своих планов наступления на страны Центральной Европы.

Несмотря на все усилия Габсбургов и папы Льва X, планы антиосманской коалиции вновь оказались неосуществимыми. В условиях османской угрозы, соперничества Габсбургов и Ягеллонов за обладание венгерской и чешской коронами, король Венгрии Лайош II заключил в марте 1519 г. трехлетнее перемирие с Османской империей¹⁶⁷. Пункт договора, касающийся Валахии и Молдавского княжества, фиксировал сложившееся состояние отношений княжеств с Османской империей, оговаривая их зависимость от Порты с уплатой дани, пешкешей и выполнением других обязательств. Но в этом документе, в отличие от договора 1503 г., среди перечисленных на стороне венгерского короля земель Молдавского княжества не было¹⁶⁸. Данным положением закреплялись в международном плане претензии османов на Молдавское княжество (в частности, их стремление уравнивать статус его и подчиненной Валахии), на невмешательство европейских стран в их отношения с Дунайскими княжествами. Не случайно послы Лайоша к Сигизмунду в марте 1519 г. подчеркивали существующую опасность подчинения Молдавского княжества Османской империи¹⁶⁹.

Тем не менее складывавшаяся в регионе ситуация заставляла Венгрию и Польшу сохранять мирные отношения с Османской империей. При этом правители обеих стран старались не выпускать Дунайские княжества из сферы своих политических интересов. Такой курс в политике Ягеллонов определялся усилением после

1519 г. влияния на международной арене Габсбургов, претендовавших на венгерский и чешский престолы и поддерживавших Тевтонский Орден в борьбе против Польши. В 1520 г. Сигизмунд заключил союз с крымским ханом, позволивший польско-литовским и татарским отрядам осуществить успешные военные акции против Московской Руси¹⁷⁰.

С утверждением в 1520 г. на султанском престоле Сулеймана I Порты приступила к активным наступательным действиям в Среднем Подунавье, воспользовавшись обстановкой в Европе, создавшейся в результате обострения противоречий между европейскими государствами. В 1521 г. Сулейман захватил важный в стратегическом отношении город Белград, а в 1522 г. направил османские силы против рыцарей-иоаннитов на острове Родос, угрожавших турецкому мореплаванию в Восточном Средиземноморье¹⁷¹.

Опасность османского завоевания нависла над Венгрией. Римская курия снова стала призывать европейские страны к объединению для крестового похода против османов. Венгерская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы получить помощь европейских стран, прежде всего Габсбургов и Польши¹⁷². Однако начавшиеся в 1521 г. в Италии военные действия между французским королем Франциском I и императором Карлом V сдерживали силы Габсбургов, лишая их возможности активного участия в антиосманских действиях. Исходя из своих интересов имперско-римская дипломатия развернула деятельность по созданию антиосманской коалиции на основе союза Венгрии и Польши, стремясь тем самым переложить на них задачу сдерживания натиска османов. Это выявилось уже на имперском съезде в Нюрнберге (1522 г.). Последующие встречи ряда европейских правителей в Вене (1522 г.) и Винер-Нейштадте (1523 г.) углубили разногласия между участниками по вопросу об организации отпора наступлению османов в Европе¹⁷³. Стало очевидно, что ни эти встречи правителей, ни призывы папы Адриана VI к объединению перед лицом османской угрозы не могли помочь Венгрии. В этих условиях польский король Сигизмунд

попытался подключить Венгрию к миру, который имела с султаном Польша. Сигизмунд советовал Лайошу уладить конфликт с султаном мирным путем¹⁷⁴. Порта отвергла намерения Сигизмунда, организовав в 1524 г. нападение османско-татарских отрядов на польские пограничные земли¹⁷⁵. Не были склонны к миру с султаном и правящие круги королевства Венгрии. Несмотря на все старания, Сигизмунду не удалось присоединить Венгрию к трехлетнему перемирию, заключенному им с Портой в 1525 г.¹⁷⁶ Положение Венгрии усугубилось в связи с усложнением позиций Габсбургов в Европе. Французский король после поражения при Павии (1525 г.) начал переговоры с Сулейманом I. Султан, со своей стороны, был заинтересован в европейском союзнике, при поддержке которого могли бы быть реализованы планы овладения плодородными территориями Среднего Подунавья. В мае 1526 г. Франции в союзе с Венецией и папой римским Климентом VII удалось создать антигабсбургскую коалицию, так называемую "Коньякскую лигу".

В этих условиях Габсбурги не могли оказать Венгрии обещанной помощи¹⁷⁷. Безрезультатными были и неоднократные обращения венгерского короля к папе римскому и английскому королю Генриху VIII¹⁷⁸. Международные трудности способствовали углублению социально-политического кризиса венгерской сословной монархии, приведшего в итоге к поражению при Мохаче (29 августа 1526 г.¹⁷⁹).

С началом наступательных действий в Европе османы усилили давление на Молдавское княжество. В период подготовки похода на Белград Сулейман поручил крымскому хану атаковать польские рубежи, чтобы Польша не смогла оказать помощь Венгрии. Одновременно молдавскому господарю Штефэнице был послан указ выступить против Трансильвании¹⁸⁰. Господарь всячески затягивал выполнение этого указа. Султан направил еще двух послов с тем же требованием¹⁸¹. С последним из них в конце июля-августе господарь послал Сулейману письмо, в котором объяснял невозможность выступления против Трансильвании опасностью для княжества со стороны татар и Польши¹⁸².

Усиление влияния османов в Валахии, захват султаном Белграда осложнили внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Крупное молдавское боярство во главе с Лукой Арборе, тяготевшее к Польше, стремилось направить княжество в русло антиосманской европейской политики. Планы этой боярской группировки в данном случае соответствовали занятой господарем позиции лавирования. В декабре 1522 г. с посольством в Польшу отправился Лука Кыржэ. Задача посольства заключалась в том, чтобы побудить польского короля активизировать деятельность по объединению европейских государств для борьбы с османами, дав понять, что Молдавское княжество готово принять в ней участие¹⁸³. Ответ Сигизмунда Штефэнице не содержал каких-либо конкретных предложений. Соперничество Карла V и Франциска I мешало объединению европейских сил для антиосманской борьбы. Сам польский король не без влияния Франции предпочитал мирные отношения с султаном.

Бегство части крупного боярства в Польшу после расправы Штефэницы в 1523 г. с заговорщиками, выступившими против усиления господарской власти, и отказ Сигизмунда выдать их молдавскому правителю привели к ухудшению молдавско-польских отношений. Но в условиях возрастания османской угрозы обе стороны были заинтересованы во взаимной поддержке. Когда в мае-июне 1524 г. султанские войска, совершив вместе с татарами нападение на Польшу, возвращались через Молдавское княжество, Штефэница нанес им поражение на р. Прут у местечка Тарасэуц¹⁸⁴. По предположениям молдавского господара, Сигизмунд должен был расценить эту его акцию как готовность к совместным антиосманским действиям. Но Польша все больше склонялась к заключению мира с Портой.

Между тем положение Штефэницы осложнилось. В конфликте с валахским господарем Раду Афумац из-за женитьбы на дочери Нягое Басараба Роксанде, подогреваемом бежавшими в Валахию после 1523 г. молдавскими боярами, против Штефэницы был султан, которого Раду призвал на помощь¹⁸⁵. Боясь османских репрессий и

не надеясь на поддержку Польши, молдавский господарь в начале 1525 г. направил послов к венгерскому королю с сообщением о султанских военных приготовлениях. В феврале 1526 г. в Буде снова был посол Штефэницы с известием, что Порта готова к выступлению против Венгрии¹⁸⁶.

Чтобы парализовать отношения Дунайских княжеств с Венгрией, султан приказал молдавскому господарю, как и валашскому, участвовать со своими силами в антивенгерской военной экспедиции.

В то время, когда Сулейман двинулся в поход против Венгрии, Штефэница располагался с войском вблизи польских границ. Такая позиция была удобна молдавскому господарю. Она позволяла ему объяснять султану свое поведение намерением соединиться с татарами для атаки на Польшу, чтобы она не могла оказать помощь венгерскому королю. Поэтому Штефэница проявлял заинтересованность в распространении слухов о подобных своих намерениях¹⁸⁷. Эти слухи особенно поддерживались Польшей, так как использовались ею как аргумент в объяснениях Лайошу II причин невозможности прийти на помощь Венгрии. Венгерскому же королю господарь сообщал через посла, что готовится отразить нападение татар на княжество¹⁸⁸.

Таким образом, несмотря на требования султана, молдавский господарь, придерживаясь политики лавирования, не выступил со своими военными силами на стороне османов.

После 1526 г. в связи с изменением соотношения сил в Юго-Восточной Европе в результате поражения Венгрии при Мохаче и началом прямой конфронтации Габсбургов с Османской империей Порта все чаще стала пресекать попытки проведения господарями такой политики, тем более установления контактов с ее противником. Несмотря на это, планы сотрудничества с Габсбургами продолжали вынашиваться и в Валахии, и в Молдавском княжестве.

В начале января 1527 г. Фердинанд I направил к молдавскому господарю Штефэнице посла с поручением привлечь его на сторону Габсбургов¹⁸⁹. Но смерть Штефэни-

цы в январе 1527 г. помешала планам Фердинанда.

Преемник Штефэницы Петр Рареш в интересах консолидации власти в начале своего первого правления (1527–1538) должен был быть послушным Порте. Рарешу пришлось согласиться на увеличение султаном дани с 8 до 10 тыс. золотых¹⁹⁰.

Такая политика молдавского господаря диктовалась и общей международной ситуацией в регионе, сложившейся после Мохача, переходом большей части королевства Венгрии в руки вассала султана Яноша Запольяи, появлением османских войск под Веной в 1529 г.

В борьбе Фердинанда и Запольяи за венгерскую корону Рареш видел возможность расширить наследственные владения молдавских господарей в Трансильвании и тем самым усилить материальную базу господарства. С целью реализации этих планов и выяснения возможностей на первых порах он вел переговоры с обоими претендентами¹⁹¹. Вначале молдавский господарь ориентировался на Фердинанда, одержавшего победы над Запольяи¹⁹². Успехи Фердинанда в Венгрии и Трансильвании в 1527–1528 гг. заставили Запольяи бежать в Польшу. Отсюда в январе 1528 г. он направил в Стамбул посла И. Лаского, в итоге переговоров которого с султаном был заключен договор, обеспечивавший Запольяи османскую помощь в обмен за признание османского сюзеренитета с уплатой дани¹⁹³.

Когда в 1529 г. Запольяи с помощью султана вернулся в Буду, Рареш заключил с ним в мае этого же года союз¹⁹⁴. В соответствии с договоренностью, молдавский господарь начал военные действия в Трансильвании против сторонников Фердинанда, содействуя ее подчинению власти Запольяи¹⁹⁵. За предоставление военной помощи Рареш получил от Запольяи согласие на присоединение к бывшим молдавским владениям в Трансильвании Унгураш, Бистрицу и Родну¹⁹⁶.

Успешные акции Рареша в Трансильвании наряду с территориальными приобретениями, полученными от Запольяи, способствовали усилению его власти внутри княжества, укреплению его внешнеполитических позиций. Брак одной из его дочерей с валашским господарем

Владом Винтилой¹⁹⁷ давал Рарешу возможность в определенной степени контролировать и внешнюю политику Валахии.

Все это создало для Рареша возможность приступить к выяснению отношений с Польшей в надежде на разрешение старых территориальных споров. В 1528 г. он вел безуспешные переговоры с польскими властями о проведении встречи представителей сторон в связи с пограничными конфликтами. Но главной целью Рареша было возвращение Покутья, уступленного Польше в 1505 г. Богданом III¹⁹⁸.

Предвидя в этих обстоятельствах осложнения в молдавско-польских отношениях, Петр Рареш решил заручиться поддержкой соперника Ягеллонов – Московской Руси. Переговоры с русским правительством проводились в ходе интенсивного обмена послами. В конце 1528 г. молдавский господарь направил в Москву послов Думу Кузмича и Тому Иванова, которых в начале следующего года на обратном пути в Сучаву сопровождал русский посол К. Т. Замытский¹⁹⁹. Польские власти пытались чинить препятствия проезду послов через литовские земли. Но в результате длительных переговоров великого князя Василия III с польским королем через русского посла в Литве Ф. Г. Афанасьева проезд послам был разрешен²⁰⁰. Вместе с К. Т. Замытским в августе 1529 г. Рареш отправил в Россию своих людей Александра Кыржу и того же Тому Иванова. Молдавские послы были задержаны в Вильно и только после неоднократных обращений Василия III через послов к польскому королю Сигизмунду с указанием на неправомерность действий литовских властей, противоречащих "перемирным грамотам", в мае 1530 г. послы прибыли в Москву. В июне они отбыли обратно с русским послом в Молдавское княжество Ч. М. Карачаровым²⁰¹.

В августе 1530 г. Рареш просил польского короля уступить Покутье. Одновременно он обратился к султану Сулейману за разрешением начать военные действия против Польши и привлечь к ним татар²⁰². Получив отказ польского короля, господарь в декабре того же года занял Покутье. Эта акция Рареша встретила благосклонное

отношение местного православного населения²⁰³.

В ответ на требование Сигизмунда оставить Покутье молдавский господарь намекал на османскую помощь, вызывая в Польше подозрение, что его акция санкционировалась султаном. С целью выяснения отношения Порты к действиям Рареша Сигизмунд направил в апреле 1531 г. в Стамбул посла Я. Оцеского. Султан заверил польского посла в своем намерении сохранять мир с Польшей²⁰⁴.

В международной ситуации, сложившейся в Центральной Европе после битвы при Мохаче, такая позиция отвечала основной задаче Порты в ее отношениях с Польшей – стремлению не допустить польско-габсбургского сближения. Политика Габсбургов в Центральной Европе, их планы, связанные с утверждением в Венгрии, заставляли Польшу со своей стороны сохранять мир с Османской империей.

Позиция султана в молдавско-польском конфликте из-за Покутья означала его молчаливое согласие с действиями Польши. Петр Рареш попытался наладить переговоры с польским королем и в ходе их обосновать право Молдавского княжества на Покутье. В первой половине 1531 г. с этой целью он направил несколько послов в Краков²⁰⁵.

В начале августа 1531 г. польские войска вытеснили молдавские гарнизоны из Покутья. Попытка Рареша вернуть эту область закончилась поражением молдавских войск при Обертыне (22 августа 1531 г.), причиной которого были не только поспешность действий господаря, но и предательская политика крупных бояр, недовольных его централизаторскими мерами по укреплению власти²⁰⁶.

Но Рареш не смирился с поражением. Покутье на несколько лет становится ареной постоянных молдавско-польских столкновений. Предпринимавшиеся с обеих сторон попытки решения конфликта дипломатическим путем не имели успеха. В этих условиях Рареш снова начинает ориентироваться на Фердинанда. Чтобы заручиться поддержкой императора, в июле 1531 г. господарь направил к нему посла²⁰⁷.

В поисках решения вопроса о Покутье и молдавский господарь, и польский король обращались к султану; каждый оправдывал свои действия и добивался от Порты урегулирования конфликта в свою пользу²⁰⁸. Во время пребывания польских послов в Стамбуле в 1531, 1532 и 1533 гг. и переговоров с ними султан стремился представить дело так, что Рареш действовал без его ведома, и обещал Польше уладить конфликт с Молдавским княжеством²⁰⁹.

В то же время Сулейман использовал сложившуюся ситуацию для усиления нажима на княжество с целью его подчинения. При этом султан недвусмысленно добивался признания со стороны Польши исключительной зависимости Молдавского княжества от Османской империи. Османские дипломаты в ходе переговоров с польскими послами представляли и молдавского, и валашского господарей как "данников и рабов" султана, не имеющих права на сношения с другими государствами без разрешения Порты*. Так утверждал и Сулейман I в письме к польскому королю Сигизмунду I в 1531 г., подчеркивая свою власть над Дунайскими княжествами²¹¹.

Польша пыталась отстоять свои права сюзерена на Молдавское княжество, хотя и не могла открыто противостоять султану. Польский король, играя на претензиях османов, внушал Порте необходимость замены на господарском престоле Рареша, как нарушившего вассальные обязательства²¹². В османско-польский договор 1533 г. было включено условие, запрещавшее польскому королю предоставлять убежище молдавскому и валашскому господарям в случае их выступления против султана и привлекать наемников и покупку оружия в Польше²¹³.

Будучи занят ближневосточными делами, Сулейман не спешил с разрешением конфликта, так как продолжение его отвлекало Польшу от сотрудничества с Габ-

* На эти утверждения османов ссылались ученые, считавшие, что в 1529 г. Петр Рареш заключил с султаном договор, оформлявший вассальное положение Молдавского княжества в системе Османской империи²¹⁰, хотя достоверных свидетельств о существовании такого договора в источниках нет.

сбургами и в то же время позволяло султану усиливать нажим на Молдавское княжество.

В условиях польско-османских переговоров 1532 г. господарь попытался установить прямые контакты с польской стороной²¹⁴.

Одновременно Рареш активизирует свои отношения с Москвой. Поскольку вооруженный молдавско-польский конфликт надолго закрыл послам Рареша и Василия III путь через польские и литовские земли, обмен послами происходил через Крым. Русское правительство ходатайствовало перед крымским ханом о свободном пропуске через территории послов из Москвы и Сучавы, в то же время склоняя хана к поддержке молдавского господаря*.

Осенью 1532 г. вместе с посланным в Сучаву И. Елизаровым прибыл в Москву молдавский посол Южко с грамотой Петра Рареша, в которой господарь просил Василия III, поскольку "князь великий с литовским королем с Жигмонтом в перемирье", "чтобы великий государь пожаловал послал к турскому салтану, чтобы великого ради государя Василия Ивановича турский салтан оборонил его от литовского короля Жигмонта"²¹⁹. В июне 1533 г. Южко вместе с Ф. Леонтьевым отбыл в Сучаву²²⁰.

Конфликт Рареша с Польшей в международных условиях 30-х годов XVI в. логически должен был привести

* Г. В. Гонца считает, что с привлечением к молдавско-русскому союзу Крыма была создана антиягеллонская коалиция²¹⁵. На наш взгляд, нет достаточных оснований для такого вывода. Речь может идти о заинтересованности сторон в сотрудничестве друг с другом в конкретной ситуации. Едва ли можно говорить о реальном плане совместного выступления союзников против Ягеллонов, как это делает Г. В. Гонца, ссылаясь на грамоту Саадат-Гирея к Василию III от ноября 1531 г., в которой хан писал: "И ты с тое стороны, а волюх со своей стороны, а мы со своей стороны придем"²¹⁶. Скорее всего в словах хана заключена угроза в адрес Литвы, нерегулярно уплачивавшей дань, что являлось главной причиной усложнившихся отношений между Крымом и Польско-Литовским государством. Политические интересы крымского хана оставались в сфере политики Порты. Не случайно, уже в 1532 г. Крым заключил антимосковский союз с Сигизмундом²¹⁷. В начавшейся в 1534 г. литовско-московской войне крымские татары участвовали вместе с польско-литовскими войсками в походах на земли Московской Руси²¹⁸.

его к переходу на антиосманские позиции. Заключение Сигизмундом в 1533 г. "вечного" мира с Портой²²¹ в то время, когда продолжался молдавско-польский конфликт за Покутье, придало действиям господаря анти-султанскую направленность. В ходе польско-османских переговоров Сулейман под влиянием своего советника венецианца Алоизио Гритти высказался за свержение Рареша²²². С началом в 1534 г. литовско-московской войны, польский король стал опасаться, что молдавский господарь по договоренности с русским правительством может одновременно атаковать Покутье и побудить к выступлению татар²²³. Действительно в 1535 г. имели место нападения молдавских отрядов на польские земли²²⁴.

Между тем международная ситуация изменилась. Султан Сулейман, занятый войной с Ираном, не без содействия Сигизмунда заключил в 1533 г. долговременное перемирие с Фердинандом. В рамках этого договора предполагалось урегулирование отношений между Фердинандом и Запольяи, добиваться которого должен был по поручению султана Гритти²²⁵. Однако османский эмиссар воспользовался этим обстоятельством для осуществления личных планов, имевших цель добиться власти в Трансильвании и, возможно, в Дунайских княжествах²²⁶. В 1534 г. трансильванские феодалы при содействии Рареша организовали убийство Гритти.

Хотя господарь и поспешил написать Сулейману об обстоятельствах убийства его эмиссара²²⁷, но одновременно начал поиски союзника. Боязнь султанского гнева, позиция османов в вопросе о Покутье определили решение молдавского господаря сотрудничать с Габсбургами. Используя занятость султана военными действиями в Иране, 4 апреля 1535 г. Рареш заключил антиосманский договор с Фердинандом, признав себя его вассалом²²⁸. В обмен на обязательство участвовать в военных действиях против османов Рареш закреплял свои владения в Трансильвании. Фердинанд обещал молдавскому господарю дипломатическую поддержку в урегулировании отношений с Польшей. Чтобы освободить своего вассала от длительного конфликта, Фердинанд

пытался добиться установления молдавско-польского мира²²⁹.

В ходе продолжавшегося обмена посольствами с Московской Русью молдавский господарь начинает просить русское правительство о посредничестве в заключении мира с Польшей. Уже во время предварительных русско-польских переговоров в июле-ноябре 1536 г. литовскому гетману Ю. Н. Радзивилу была передана просьба к королю, "чтоб и с Петром воеводою волошским велел оружие положить на время"²³⁰. В 1537 г. польским послам, находившимся на переговорах в Москве, было сказано: "Государь наш велел вам говорить. И Жигмонт бы король и Петра воеводу учинил с собою в перемирье; а государь наш пошлет к нему своего человека, чтоб Петр воевода послал к Жигмонту королю о перемирье"²³¹. Русскому послу В. Г. Морозову, отправлявшемуся в апреле 1537 г. в Литву для утверждения догворных грамот, предписывалось добиваться у короля примирения с Рарешом²³².

Сулейман также предпринял попытку привлечь господаря на свою сторону, обещая ему прощение за участие в убийстве Гритти и благоприятное для княжества решение проблемы Покутья, если он выступит с войском против Габсбургов²³³. Но Рареш, вступив в 1537 г. в отношения с императором Карлом V, закрепил свои антиосманские позиции²³⁴ и продолжал войну с Польшей.

Складывавшаяся в это время в Европе международная обстановка благоприятствовала планам молдавского господаря. Создание Священной лиги в результате заключения Францией и Габсбургами договора в июне 1538 г. открывало возможности для европейских антиосманских действий в момент, когда султан был отвлечен продолжающимся конфликтом с Ираном²³⁵.

На сторону Габсбургов стал склоняться и Янош Запольяи так же, как и Рареш боявшийся расплаты за смерть Гритти. В феврале 1538 г. Запольяи заключил мир с Фердинандом, предусматривавший возвращение венгерской короны после смерти Запольяи Габсбургам²³⁶. Аннулируя договор 1528 г. между Сулейманом и За-

полюяи, этот мир создавал условия для включения Венгрии в сферу влияния Габсбургов.

В этом контексте европейской международной политики договор Рареша с Фердинандом от 1535 г. и попытки Габсбургов привлечь к Священной лиге Польшу рассматривались Сулейманом как непосредственная угроза интересам Порты. Используя в качестве предлога причастность Рареша к убийству Гритти, султан принял в 1538 г. военную экспедицию в Молдавское княжество. Планы Порты поддерживались польским королем²³⁷. Претворение их в жизнь облегчалось тем, что недовольное сильной господарской властью боярство просило о замене Рареша.

К этому времени усилилась группировка проосманской ориентации молдавских бояр, выступавших против сотрудничества господаря с Габсбургами. К неодобрению боярством призыва в господарское войско зависимых крестьян²³⁸ добавилась боязнь поражения в борьбе с османами, которое могло привести к превращению Молдавского княжества в пашалык и, следовательно, ущемлению классовых интересов господствующего класса бояр. Слухи о намерении султана преобразовать княжество в "территорию ислама" широко распространялись османами²³⁹. Это способствовало тому, что оппозиционно настроенные по отношению к Рарешу бояре стали сношаться с Портой, жалуясь на господаря и требуя его смещения²⁴⁰.

В сентябре 1538 г. султан во главе огромной армии вторгся в Молдавское княжество. Одновременно восточные границы княжества атаковали татары, а с севера наступали польские войска. Первоначальные военные действия Рареша были успешными. Он одержал победу над перешедшими Днестр татарскими отрядами на р. Прут в местечке Штефэнешти и направил силы на север, чтобы противостоять польским войскам и, добившись перемирия с Польшей, сосредоточиться на отражении османского нападения. Неудача под Хотинем заставила польского короля пойти на перемирие. Но в это время крупное молдавское боярство предало господаря, скрыв факт вступления султана на территорию княжества. Когда

Рареш узнал об этом, османские войска были уже под Сучавой, где боярство с согласия Порты возвело на престол нового господаря Штефана Лакусту. Рарешу пришлось покинуть княжество²⁴¹.

Предательство крупного боярства, отсутствие помощи со стороны антиосманской коалиции предопределили подчинение Молдавского княжества Османской империи. В столице княжества Сучаве расположился османский гарнизон. Султан захватил значительные территории между Прутом и Днестром. Буджак был присоединен к Белгороду, где обосновались татары. Тигин, переименованный после постройки османами новой крепости в Бендеры, с прилегающими к нему землями составил османский райат²⁴².

Но Порта сохранила в Молдавском княжестве, как и в Валахии, государственность и автономное управление, установив такие формы вассальной зависимости, которые позволяли ей извлекать в свою пользу наибольшие экономические, политические и военные выгоды. Султан стал вмешиваться во внутренние дела княжества, прежде всего, в вопросы занятия господарского престола. Используя противоречия между боярскими группировками и всячески способствуя их разжиганию, Порта поддерживала удобного себе претендента на господарство, все чаще прибегала к назначению господаря без его выбора, хотя и формального, местным боярством. Со времени вступления на престол Штефана Лакусты входил в практику вызов господаря в Стамбул для вручения султаном фирмана на правление при уплате мукарера и знаков власти (знамени, кафтана и т. д.).

Усилилась экономическая зависимость княжества, росла сумма хараджа. Так, при возвращении в 1541 г. Петра Рареша на господарский престол султан поднял сумму хараджа до 12 тыс. золотых, а в 1553 г. при утверждении господаря Александра Лэпушняну потребовал с княжества 30 тыс. золотых²⁴³. Становится правилом посылка господарем заложников в Стамбул из числа родственников. Тот же Рареш вынужден был при вступлении на престол послать к султану заложником сына Илиаша.

Экспедиция Сулеймана в Молдавское княжество оказала влияние и на расстановку сил в европейской международной политике. Успехи османских войск ускорили распад антиосманской коалиции. После разгрома союзного флота в Превесе (28 сентября 1538 г.) и заключения Венецией нового договора с Портой европейские действия против султана практически прекратились. 21 октября 1540 г. Священная лига заключила мирный договор с Османской империей. Османская кампания 1538 г. способствовала разрыву мира между Фердинандом и Запольяи и возобновлению конфликта в борьбе за венгерскую корону. Поддерживая кандидатуру Яноша Жигмонда, преемника Запольяи, султан начал длительную войну против Фердинанда.

Овладение османами Будой (29 августа 1541 г.), образование на завоеванных землях в Центральной Венгрии эялета Будин и вассального султану Трансильванского княжества укрепили османские позиции в Европе, создали препятствие для габсбургско-венгерского объединения и связей Габсбургов с Дунайскими княжествами²⁴⁴.

Следствием этого было усиление контроля Порты за внешнеполитическим поведением господаря. Постоянный характер приобрело участие молдавского господаря с войском в османских военных экспедициях. Распоряжение султана о выступлении в поход против Трансильвании выполняли в 1541 и 1542 гг. Петр Рареш, в 1551 и 1552 г. его сын Штефан Рареш²⁴⁵.

Вмешательство Порты во внутренние дела княжества вызывало обстановку политической неустойчивости в стране, усугублявшей тяжелое экономическое положение, создававшееся в результате роста османских требований.

Итак, в первой четверти XVI в. внешнеполитическое положение Молдавского княжества и его отношения с Османской империей в большей мере, чем в предыдущий период, зависели от международной обстановки, складывавшейся в юго-восточном регионе. Используя разногласия между европейскими государствами, османы после успешных завоеваний на Ближнем Востоке

начали осуществление планов наступления в Юго-Восточной и Центральной Европе.

В проектах создания европейской антиосманской коалиции определенная роль отводилась Дунайским княжествам, участию Молдавского княжества, как и Валахии, в действиях против османов. Порты, в свою очередь, придавала важное значение установлению контроля над Молдавским княжеством, использованию его потенциала в противоборстве с Габсбургами. Венгрия и Польша, исходя из собственных целей утверждения в регионе и соперничая друг с другом из-за влияния в Молдавском княжестве, прилагали усилия к тому, чтобы удержать его в сфере интересов антиосманской политики, не допустить подчинения османам.

В этих внешнеполитических условиях молдавские господа использовали возможности для лавирования между соперничавшими сторонами, чтобы, уплачивая дань султану, проводить самостоятельную политику и избежать подчинения княжества Османской империи. Но Порты стремилась приравнять положение в системе империи Молдавского княжества и вассальной Валахии, закрепить свои претензии в международном плане, что прослеживается по османо-венгерским договорам 1503 и 1519 гг., требовала от молдавских господарей повышенной дани, направляла им распоряжения о выполнении различных служб, в частности военной, что вело к оформлению молдавско-османских вассальных отношений.

Давление Порты на Молдавское княжество возросло после 1526 г., когда в результате распада Венгерского королевства вследствие поражения при Мохаче в соотношении политических сил в Юго-Восточной и Центральной Европе позиции османов стали преобладающими.

Османский поход 1538 г. на Молдавское княжество привел к усилению его зависимости от Порты, ускорил оформление османского сюзеренитета в княжестве. Наряду с уплатой возраставшей суммы хараджа, становятся обязательными для господаря посылка из числа ближайших родичей заложников в Стамбул, выступление с войском по требованию султана для участия в османских походах.

В условиях поощряемой османами внутривластной борьбы между боярскими группировками за власть Порты все чаще вмешивается во внутренние дела княжества, превращая практику утверждения господаря в ритуал прямого назначения на престол своего ставленника с вызовом в Стамбул для вручения знаков власти, контролирует внешнюю политику господаря, ограничивая эту сферу его деятельности интересами своей политики.

Установлению вассального статуса Молдавского княжества способствовало усиление позиций османов в Юго-Восточной и Центральной Европе в 30–40-х годах XVI в. Международная ситуация в регионе позволила султану, используя также внутривластную обстановку в княжестве, к середине XVI в. закрепить вассальные отношения и на их основе фактически подчинить себе Молдавское княжество, хотя и сохранявшее внутреннюю автономию в системе Османской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в книге хронологический отрезок (конец XIV – первая треть XVI в.) в отношениях Дунайских княжеств с Османской империей был периодом, когда формировались те тенденции во взаимоотношениях между ними, которые в складывавшейся под влиянием османских завоеваний международной ситуации в Юго-Восточной Европе, а также внутривосточной обстановки в самих княжествах привели к установлению их вассальной зависимости от султана.

В условиях распространения экспансии османов на Балканы Валахия с 1417 г., а Молдавское княжество с 1455 г. вынуждены были согласиться на уплату Порте дани. От состояния данничества, когда уплатой дани достигались мирные отношения с султаном, княжества в течение XV – первой трети XVI в. перешли в положение вассалов Османской империи. Сказались здесь не только международные факторы. Отрицательную роль в конечном итоге сыграла внутривосточная неустойчивость в княжествах, вызывавшаяся борьбой боярских группировок за власть, и, как следствие, вмешательство в их дела соседних государств (в первую очередь Османской империи), к помощи которых прибегали соперничавшие за престол партии бояр.

Несмотря на отдельные успехи в борьбе с османами, которую вели в конце XIV – середине XV в. господаи Мирча Старый и Влад Цепеш, в обстановке султанских завоеваний на Балканах во второй половине XV в. и сложившегося соотношения политических сил в Европе Валахское княжество, все более вовлекаясь в сферу османской политики, становится к концу XV в. вассальным султану. Этому способствовала и политика крупного валашского боярства, ставшего на путь соглашательства с Портой с целью защиты своих классовых привилегий в условиях централизации и укрепления господарской власти. Первым проявлением такой политики валашских бояр было их выступление против господаря Влада Цепеша во время похода султана Мехмеда II в Валахию в 1462 г.

В последующем союз с османами становится классово-политической программой крупного валашского боярства. Результатом проосманского политического курса боярского рода Крайовы, добившегося административной самостоятельности путем создания баната в Олтении с центром в г. Крайове и ставшего в XVI в. важной политической силой в княжестве, было дальнейшее укрепление позиций Порты в Валахии, усиление вассальной зависимости княжества от Османской империи. Политика валашских господарей, вынужденных считаться с ролью крайовских бояр, с начала XVI в. полностью подчиняется интересам султана.

В отличие от Валахии Молдавское княжество во второй половине XV в. сохраняло независимость. Удавалось это в значительной мере благодаря внутренней консолидации, связанной с укреплением центральной власти в период правления господаря Штефана III Великого. Хотя Штефан и вынужден был платить дань султану, однако он сумел избежать подчинения княжества османам. Обладая незаурядными дипломатическими способностями, молдавский правитель строил свою внешнюю политику, исходя из складывавшейся международной ситуации в Юго-Восточной Европе. При этом ему приходилось учитывать как планы Порты в регионе, так и расчеты Польши и Венгрии в отношении Молдавского княжества в их борьбе с Османской империей, что заставляло его постоянно лавировать между ними. Такая политика позволяла Штефану осуществлять успешные антиосманские военные акции, способствовавшие сохранению независимости княжества и упрочению его внешнеполитического положения.

При преемниках Штефана Богдане III и Штефэнице возросло влияние крупного боярства на внешнюю политику страны. В первые десятилетия XVI в. важную роль в политической жизни княжества играли молдавские бояре, связанные классовыми узами с польскими и венгерскими феодалами. В 20-е годы по мере продвижения османских завоеваний в Центральную Европу, особенно после поражения венгерской армии при Мохаче в 1526 г., приведшего к распаду королевства Венгрии, захвата ос-

манами в 1529 г. Буды и изменения в связи с этим международной обстановки в юго-восточном регионе усиливаются боярские группировки проосманской ориентации. Предательская политика этой части крупного молдавского боярства, недовольной укреплением центральной власти в период правления господаря Петра Рареша и его союзными отношениями с Габсбургами, сыграла роковую роль в момент, когда в 1538 г. султан Сулейман I во главе огромной армии вторгся в Молдавское княжество. Эта военная акция османов способствовала усилению зависимости княжества, установлению его вассальных отношений с Османской империей. Упрочение позиций османов в Юго-Восточной и Центральной Европе в международных условиях 30–40-х годов XVI в. позволило султану, опираясь на проосманские группировки бояр, закрепить к середине XVI в. свой сюзеренитет в Молдавском княжестве.

По мере распространения османской экспансии на страны Юго-Восточной и Центральной Европы в условиях все чаще возникавшей внутривосточной неустойчивости в Валахском и Молдавском княжествах в рассматриваемое время появилась угроза превращения их в пашалыки. Особенно реальной она стала после 1538 г., когда к этому стремились склонить султана многие турецкие сановники¹. Однако Порты предпочитала держать княжества в вассальной зависимости при сохранении их внутренней автономии. В то время, как болгарские и сербские земли были включены османами в состав Румелийского пашалыка, Дунайские княжества продолжали сохранять прежнее государственное устройство и местное управление; автономной оставалась и церковь, подчинявшаяся непосредственно Константинопольской патриархии. Установление вассальных отношений и на их основе выкачивание из княжеств материальных ресурсов путем ежегодной дани и разного рода поборов были султану экономически выгоднее, чем их прямое административное подчинение².

В отличие от западноевропейского вассалитета, утверждение сюзеренитета султана в Валахии и Молдавии, несмотря на сохранение ими автономии, приводило

к подчинению Османской империей всех сфер жизни княжеств с целью извлечения в свою пользу наибольших экономических, политических и военных выгод. Эта особенность оказывала влияние на оформление специфических атрибутов османского вассалитета в Дунайских княжествах.

С установлением вассальных отношений дань княжеств османам становилась регулярной ежегодной податью с турецким названием харадж. Размер ее постоянно возрастал. Как отмечалось, дань впервые уплаченная султану валашским господарем Мирчей Старым в 1417 г., составляла 3 тыс. золотых. Харадж Валахии в начале XVI в., по подсчетам специалистов, достиг суммы в 8 тыс. золотых, а к 1524 г. – 14 тыс. золотых. Если молдавский господарь Петр III Арон уплатил в 1455 г. султану дань в 2 тыс. золотых, то харадж Молдавского княжества с 4 тыс. золотых в начале XVI в. вырос до 12 тыс. в 1541 г. (в это время харадж Валахии составлял 24 тыс. золотых)³.

Более быстрый рост хараджа Валахии, как и ее подчинение османам, по сравнению с Молдавским княжеством объясняется проявившимся еще в середине XV в. проосманским курсом крупного валашского боярства, позволившим Порте уже к концу XV в. превратить господарей в послушное орудие своей политики в княжестве, главной целью которой было выкачивание средств в пользу империи. При этом корни соглашательства валашских бояр с османами лежали в их тесных экономических связях с Османской империей. В то время как для части молдавских бояр переход с конца XV в. на проосманские позиции определялся главным образом недовольством вотчинников призывом зависимых крестьян в войска для участия в антисултанских действиях и отвлечением их от сельскохозяйственных работ. В XVI в. к этим настроениям крупного молдавского боярства добавилась боязнь поражения в открытой конфронтации с Османской империей и превращения княжества в пашалык. Сравнительно легкому подчинению Валашского княжества османам способствовали и международные обстоятельства. Будучи втянутой в конфронтацию Венгрии с Османской империей за позиции в Подунавье,

Валахия по своему географическому положению оказалась на пути главного направления султанской экспансии в Центральную Европу.

Помимо хараджа в обязательства вассальных султану княжеств входила доставка по определенным случаям даров (пешкешей) султану и его сановникам, выполнение вводимых Портой различных повинностей и поборов. Возраставшая со временем потребность в средствах для претворения завоевательных планов Стамбула приводила к усилению османской экономической эксплуатации Дунайских княжеств.

Опора на крупное боярство в княжествах позволяла Порте использовать их социально-политическую структуру для создания соответствующей османским интересам системы подчинения княжеств. Главным инструментом этой системы стало присвоенное главой империи право на утверждение государя, выдвигаемого местными боярами. При вступлении на престол государь получал от султана фирман на правление и вносил в имперскую казну определенную сумму – мукарер. Вводилось в практику регулярное переутверждение государей через каждые три года, а затем и ежегодно, с обязательным прибытием в Стамбул и уплатой малого мукарера.

Используя боярские распри за власть и опираясь на проосманские группировки бояр внутри княжеств, Порта стала переходить от практики утверждения государей к их назначению султаном. Это позволяло ей контролировать их политику и не допускать на престолы княжеств негодных османам ставленников. Такая система служила султану и его сановникам средством для увеличения доходов, выкачиваемых из Дунайских княжеств, и приводила, как следствие, к частой смене государей. Так, в Валахии за первые три десятилетия XVI в. сменилось на престоле одиннадцать государей. В Молдавском княжестве, где в силу отмеченных выше причин влияние османов было слабее, за этот период на троне побывало четыре государя. Неизбежным результатом этих изменений, связанных с усилением вассальной зависимости, было ограничение внутренней функ-

ции сохранявшейся в структуре империи государственности княжеств.

Внешняя политика Дунайских княжеств с установлением их вассальной зависимости от Османской империи оказывается полностью связанной с ее интересами. По распоряжению султана господари должны были выставлять войска для участия в османских военных предприятиях. Со временем регулярными для княжеств стали повинности по содержанию султанской армии во время ее постоев на их территории, ремонту дорог и наведению мостов на пути ее следования, обеспечению продовольствием и фуражом во время походов. Особенно разорительными, в первую очередь для Молдавского княжества, были постои татарских отрядов, выступавших в качестве вассалов султана в его военных экспедициях.

Складывавшийся в системе Османской империи статус Дунайских княжеств отражался и на специфике их внешнеполитического положения. Валашский и молдавский господари, признав сюзеренитет султана, утрачивали право на покровительство другой страны, не могли иметь представителя в других государствах и заключать с ними договоры. Нарушение данных условий использовалось султаном как юридическое основание для смещений неугодных господарей. Такое положение княжеств давало возможность Порте держать под контролем их внешнеполитическую линию.

На практике султан применял свое право сюзерена весьма гибко. Порта допускала (до определенного предела) известную самостоятельность княжеств во внешних делах, благодаря чему они могли тайно, а иногда и открыто, поддерживать контакты с Габсбургами, Польшей, Россией. Стамбул не вмешивался в отношения своих вассалов с другими государствами до тех пор, пока они не вступали в прямое противоречие с интересами султана, его политики в Юго-Восточной Европе.

Такая тактика позволяла Османской империи использовать княжества, их отношения с другими странами для вмешательства в дела европейских держав и противодействия их планам в юго-восточном регионе. Но

подобное "попустительство" имело для Порты и обратную сторону: определенная внешнеполитическая самостоятельность создавала в княжествах почву для стремления к независимости. Осуществление этих планов молдавские и валашские господа связывали с помощью извне, в частности со стороны Габсбургов, которые, в свою очередь, пытались с начала XVI в., хотя и безуспешно, включить Дунайские княжества в орбиту своей политики.

Установление вассальной зависимости княжеств от Порты проходило на фоне постоянной конфронтации между Османской империей, Венгрией и Польшей. Венгерский и польский короли стремились сохранить свой сюзеренитет над княжествами в целях укрепления позиций в Юго-Восточной Европе и реализации планов утверждения на Дунае и в Причерноморье. Венгрия имела в сфере своего политического влияния главным образом Валахию, Польша – Молдавское княжество.

Особенность внешнеполитического положения Валашского и Молдавского княжеств в контексте международной ситуации в регионе в конце XIV – первой трети XVI в. побуждала господарей прибегать к лавированию, использовать соперничество крупных держав в своих политических интересах. Успехи османских завоеваний в Центральной Европе в первой четверти XVI в. привели к тому, что вассальная зависимость княжеств от Венгрии и Польши практически перестала существовать. Распад королевства Венгрии и подчинение султану восточной части королевства и Трансильвании, составивших вассальное османам княжество, сузили возможности для политического маневрирования валашских и молдавских господарей, что способствовало усилению их зависимости от Порты.

Вассальный статус Дунайских княжеств, формально сохранявший их автономию в системе Османской империи, не был основан на каких-то договорных актах с султанами в XIV–XVI вв., или "капитуляциях", как продолжают утверждать некоторые историки. Проведенный в работе источниковедческий анализ фигурирующих в исторической литературе текстов "капитуляций" дает

основание утверждать, что эти тексты являются документами конца XVIII в. и их появление в исторических материалах того времени было связано с идеологией освободительного движения.

Углубление кризиса феодальной системы в условиях фанариотского господства в Дунайских княжествах, усиление социальной активности народных масс и освободительного движения, которым объективно способствовали русско-турецкие войны и складывавшаяся под их влиянием международная обстановка в Юго-Восточной Европе во второй половине XVIII в., заставляли патристически настроенных представителей валашского и молдавского боярства задумываться о путях дальнейшего национального и социального развития. В исторических условиях того времени идеологом национально-освободительного движения выступала часть крупного боярства и духовенства, оппозиционно настроенная по отношению к Порте и ее ставленникам-фанариотам.

Со второй половины XVIII в. программой освободительной идеологии в княжествах стала ориентация на освобождение при опоре на феодальную Россию. Используя тягу населения к единой России, правящие круги княжеств рассчитывали направить в выгодное для себя русло освободительную и социальную борьбу масс. В то же время эта программа давала возможность не только защитить классовые интересы боярства внутри княжеств, но и оградить их привилегии от посягательств Порты.

После Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., по которому российские уполномоченные в Стамбуле получили право покровительствовать Дунайским княжествам, оставшимся в зависимости от Порты, задачей их господствующих классов становится закрепление при поддержке России привилегий княжеств в системе Османской империи. В этих условиях, наряду с обращениями к российскому правительству и активной деятельностью в Стамбуле депутатов от княжеств, в Бухаресте и Яссах усиленно велись исторические изыскания, в результате которых и появились тексты с описанием условий подчинения османам Валахии и Молдавского княжества, при-

званные оправдать их право на восстановление исконной автономии. Чтобы обосновать законность требований о восстановлении попранной османами автономии, валашские и молдавские идеологи "реконструировали" тексты "капитуляций" XIV–XVI вв., которые стали рассматриваться современниками как реально существовавшие документы.

Анализ всей совокупности материалов, в первую очередь, архивных, позволяет сделать вывод о том, что текст под заглавием "Трактаты, которые имела Молдова с Портой Оттоманской", фигурировавший в исторической литературе как "капитуляция", или договор Молдавского княжества с Османской империей о его правах и привилегиях, был составлен не ранее 1775 г. Источником для его составителей послужило, по мнению автора, представление молдавских бояр Порте от сентября 1774 г. Перечисленные здесь привилегии в обобщенном виде легли в основу содержащегося в "Трактатах" перечня условий подчинения Молдавского княжества османам, который был дополнен и обоснован данными молдавских летописей и исторических сочинений Д. Кантемира "История Оттоманской империи" и "Описание Молдавии". Примерно к этому же времени относится и появление текстов о подчинении Валахии османам при Мирче и Лайоте, представлявшихся рядом ученых как "капитуляции", полученные княжеством от султана. Изучение новых архивных источников дает основание полагать, что составителем этих текстов был М. Кантакузино, использовавший валашскую летописную традицию, что помещенный здесь перечень условий подчинения Валахии османам повторяет в сущности те привилегии, утверждения которых валашские бояре просили в представлении Порте от сентября 1774 г.

Следовательно, являясь документами конца XVIII в., "капитуляции" не могли регламентировать отношения Дунайских княжеств с Османской империей в XIV–XVI вв. В связи с этим лишено основания стремление некоторых современных зарубежних историков рассматривать "капитуляции" как юридическую и правовую основу, обеспечивавшую княжествам автономию и суверенитет на протяжении всей истории их отношений с

Портой. Тем более, что такие утверждения, как показано выше, не согласуются с основными принципами османской внешнеполитической концепции. Оформление османского сюзеренитета в Дунайских княжествах сопровождалось установлением таких форм зависимости, которые вели к их подчинению Порте по всех сферах, экономической, политической, военной и исключали возможность равноправных взаимоотношений, как представляется в отдельных трудах современных зарубежных ученых.

Статус княжеств в системе империи сложился в ходе эволюции их взаимоотношений с османами. Предпринятый автором книги анализ конкретной истории этих отношений в конце XIV – первой трети XVI в. в контексте внутривосточных событий и международной обстановки в Юго-Восточной Европе выявляет важную роль как внутренних, так и внешних факторов в процессе становления вассального положения княжеств в системе империи и особенностей их вассалитета.

Влияние этих факторов сказывалось и на последующей истории взаимоотношений Валашского и Молдавского княжеств с Османской империей. Опираясь на группировки крупного боярства проосманской ориентации и используя международную обстановку в Юго-Восточной Европе, Порта все более эффективно укрепляла свои политические позиции в княжествах, эксплуатировала их экономические и материальные ресурсы для претворения экспансионистских планов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАЗДЕЛЕ "ПРИМЕЧАНИЯ"

АВПРИ	- Архив внешней политики Российской империи.
Исв	- Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х т. (1408–1632). М., 1965. Т. I.
Материалы	- Материалы по истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. Собр. В. А. Уляницким. М., 1887.
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей.
РГАДА	- Российский государственный архив древних актов.

- Сб. РИО - Сборник Русского исторического общества.
Acta et epistolae - Acta et epistolae relationum Transylvaniae Hungariaeque cu Moldavia et Valachia. Ed. A. Veress. Bp., 1914. Vol. 1 (1468-1540).
- Acta Tomiciana - Acta Tomiciana. Poznaniae, 1852-1860; T. I-VIII; 1876-1915. T. IX-XIII; 1952. T. XIV; 1957. T. XV; 1960. T. XVI/1; 1961. T. XVI/2; 1966. T. XVII.
- Acte și fragmente - Iorga N. Acte și fragmente privind istoria românilor. Buc., 1895-1897. Vol. 1-3.
- AAR - Analele Academiei Române, memoriile secțiunii istorice.
- AlIA - Anuarul Institutului de istorie și arheologie "A. D. Xenopol". Iași.
- AlIAC - Anuarul Institutului de istorie și arheologie. Cluj-Napoca.
- AUB - Analele Universității București. Seria istorie.
- Bogdan Doc Reg - Bogdan I. Documente și regește privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și Ungaria. Buc., 1902.
- CDM - Costăchescu M. Documentele moldovenești de la Ștefan Șa voievod (1517-1527). Iași, 1942.
- Cr SR - Cronicile slavo-române din sec. XV-XVI, publicate de Ion Bogdan. Ed. P. Panaitescu. Buc., 1959.
- Cr turc - Cronici turcești privind țările române. Extrase. Buc., 1966. Vol. 1.
- DAMȚ - Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești. Ed. A. Veress. Buc., 1929. Vol. 1. (1527-1572).
- Doc M - Costăchescu M. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Iași, 1932. Vol. 2.
- Doc Șt - Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare. Buc., 1913. Vol. 2.
- Doc ȚR - Bogdan I. Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și cu Țara Ungurească în sec. XV și XVI. Buc., 1905. Vol. 1.
- Doc turc - Documente turcești privind istoria României. Buc., 1976. Vol. 1. (1455-1774).
- DR - Documente privitoare la istoria Românilor. Culese de E. Hurmuzaki. Buc.
- DRH, B - Documenta Romaniae Historica. B. Țara Românească.
- DRn - Documente privind istoria României. Colecția de E. Hurmuzaki. Buc., 1974. Seria nouă.
- Ducas - Ducas. Cronica turco-bizantină // FHDR. P. 416-437.
- Chalcocondil - Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice // FHDR. P. 450-517.
- FHDR - Fontes Historiae daco-romanae. IV. Scriitorii și acte bizantine secolele IV-XV. Buc., 1982.
- HT - Donado da Lezze. Istoria Turcheasca. (1300-1514). Publ. de I. Ursu. Buc., 1909.
- IȚR - Istoria Țării Românești. 1290-1690. Letopisejul cantacuzinesc. Ed. de C. Grecescu și D. Simonescu. Buc., 1960.

- Materialy - Materialy do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516. (Kodeks zagrebski). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966.
- Nicolaescu DSR - Nicolaescu S. Documente slavo-române cu privire la relațiile Țării Românești și Moldovei cu Ardealul în sec. XV și XVI. Buc., 1905.
- Popescu - Radu Popescu. Istoriile domnilor Țării Românești. Ed. C. Grecescu. Buc., 1963.
- Rechnungen - Rechnungen aus dem Archiv der Stadt Hermannstadt und der sächsischen Nation. Bd. 1. Hermannstadt, 1880.
- RA - Revista arhivelor. Buc.
- REI - Revue des Etudes Islamiques. Paris.
- RESEE - Revue des études sud-est européennes. Buc.
- RI - Revista Istorică. Buc.
- RRH - Revue Roumaine d'Histoire. Buc.
- Rsl - Romanoslavica. Buc.
- SMIM - Studii și materiale de istorie medie. Buc.
- SRIR - Studii și referate privind istoria României. I–II. Buc., 1954.
- St - Studii. Revista de istorie. Buc.
- St Șt - Studii cu privire la Ștefan cel Mare. Buc., 1956.
- Studii și documente - Studii și documente cu privire la istoria românilor. Ed. N. Iorga. Buc.
- SUBB - Studia Universitatis "Babeș-Bolyai". Historia. Cluj-Napoca.
- Quellen - Quellen zur Geschichte der Stadt Kronstadt in Siebenbürgen. Brașov, 1886–1889. Vol. 1–2.
- Tappe - Documents concerning Rumanian History (1427–1601). Collected from british archives by E. D. Tappe. London, 1964.
- Tezaur - Tezaur de monumente istorice. Publ. de P. Ilarián. Buc., 1864. T. 3.
- Tocilescu - Tocilescu G. 534 documente istorice slavo-romane din Țara Românească și Moldova privitoare la legăturile cu Ardealul 1346–1603. Buc., 1931.
- Turcica - Turcica. Die europäischen Türkendrucke des XVI. Jahrhunderts. Bd. 1. Von C. Göllner. Buc.; Berlin, 1961.
- Urkundenbuch - Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Begründet von F. Zimmermann. Publ. de G. Gündisch. Buc., 1981. Vol. VI. (1458–1473).
- Ureche - Ureche G. Letopisețul Țării Moldovei. Ed. P. Panaitescu. Buc., 1958.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Iorga N. Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildungen. Gotha, 1905. Bd. 1–2; Idem. Geschichte des Osmanischen

Reiches. Gotha, 1908–1913. Bd. 1–5; Xenopol A. Istoria Românilor din Dacia Traiană. Buc. (f. a.). Vol. 3–4. Ed. a 3-a, revăzută de I. Vlădescu; Giurescu C. Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908.

2. Catalogul documentelor turcești. Intocmite de M. Guboglu. Buc., 1960–1965. Vol. 1–2; Cronici turcești privind țările române. Extrase. Buc., 1960–1980. Vol. 1–3; Maxim M. Culegere de texte otomane. Fasc. I. Izvoare documentare și juridice. (Sec. XV–XX). Buc., 1974; Documente turcești privind istoria României. Buc., 1976–1986. Vol. 1–3.

3. Mehmed M. Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman în a doua jumătate a veacului al XV-lea // St. 1960. Nr. 5; Idem. Un document turc concernant le haratch de la Moldavie et de la Valachie aux XV–XVI-e siècles // RESEE. 1967. Nr. 1–2; Gemil T. Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea // AIIA. IX (1972); Idem. Les relations de la Moldavie avec la Porte ottomane pendant le premier règne de Petru Rareș (1527–1538) // RRH, 1978. Nr. 2; Idem. Mircea l'ancien face à la politique impériale de Bayezid I-er // RRH, 1986. Nr. 1–2; Maxim M. L'autonomie de la Moldavie et la Valachie dans les actes officiels de la Porte de la seconde moitié du XVI-e siècle // RESEE, 1977. Nr. 2; Idem. Cu privire la statutul de 'ahd al țărilor române față de Poartă. Considerații pe marginea unor izvoare otomane // RI, 1986. Nr. 6.

4. Gemil T. Români și otomanii în secolele XIV–XVI. Buc., 1991.

5. Papacostea Ș. De la Colomeea la Codrul Cosminului. Poziția internațională a Moldovei la sfârșitul secolului al XV-lea // Rsl. XVII (1970); Idem. La Moldavie Etat tributaire de l'Empire ottoman au XV-e siècle: le cadre international des rapports établis en 1455–1456 // RRH, 1974. Nr. 3; Idem. Politică externă a Moldovei în vremea lui Ștefan cel Mare: punct de reper // RI. 1975. Nr. 1; Gorovei Șt. Moldova în "casa păcii". Pe marginea izvoarelor privind primul secol de relații moldo-otomane // AIIA, XVII (1980); Idem. Pacea moldo-otomană din 1486. Observații pe marginea unor texte // RI. 1982. Nr. 7.

6. Ursu H. Moldova în contextul european (1517–1527). Buc., 1972; Ciurea D. Relații externe ale Moldovei în secolul al XVI-lea. Considerații de ansamblu // AIIA, X (1973); Gorovei Șt. Petru Rareș (1527–1538; 1541–1546). Buc., 1982; Rezachevici C. Petru Rareș între sultan și lumea creștină în 1541–1542, după noi izvoare polone // RI. 1990. Nr. 5, 7–8.

7. Ștefănescu Șt. Bănla în Țara Românească. Buc., 1965; Idem. Țara Românească de la Basărab "intemeietorul" pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970; Idem. Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978.

8. Гонца Г. В. К истории молдавско-турецких отношений начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979; Он же. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984.

9. Орешкова С. Ф. К вопросу о подчинении Валахии Османской империи // Краткие сообщения Института народов Азии, 1961.

10. Семенова Л. Е. Отношения Дунайских княжеств с Османской империей в конце XV – начале XVI в. // Османская империя в страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984; Она же. Взаимоотношения Дунайских княжеств с Османской империей в XVI в. // Там же; Она же. Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. // Сов. славяноведение. 1984. № 5.

11. Giurescu C. C. Sur les relations entre le peuple roumain et l'Empire Ottoman à travers les siècles. – VII. Turk Tarih Kongresi. Bildiriler II. Ankara, 1973; Maxim M. Din istoria relațiilor româno-otomane. – "Capitulațiile" // Anale de istorie. "1982. Nr. 6; A tabinen R. S. Les apports turcs dans le peuplement et la civilisation de l'Empire Orientale. Galata-Istanbul, 1952; Gökbilgin T. La structure des relations turco-roumaines et des raisons de certains hüküms, ferman, berat et des ordres des sultans adresses au princes de la Moldavie et de la Valachie au XVI et XVII siècles // Belleten. Ankara. 1978.

12. Gokbilgin T. La structure...; Maxim M. Din istoria...

Глава I

1. Fotino D. Istoria generală a Daciei, sau a Transilvaniei, Țării Muntenesci și a Moldovei. Trad. de G. Sion. Buc., 1859. T. 1–3.
2. Fotino D. Istoria... T. 2. P. 17–20, 30–31.
3. Fotino D. Istoria... T. 3. P. 39.
4. Fotino D. Istoria... T. 3. P. 218, nota 1.
5. Papiu-Ilarian A. Tesauru de monumente istorice pentru România. Buc., 1863. T. 2. P. 243.
6. Ibid. P. 241–242.
7. Ibid. P. 255.
8. Iorga N. Istoria literaturii române în secolul al XVIII-lea. (1688–1821). Buc., 1928. Vol. 2. Ed. de B. Theodorescu. Buc., 1969. P. 111.
9. Colson F. Precis de droits des Moldaves et de Valaques fondé sur le droit et sur les traités. Paris, 1839.
10. Arhiva Românească. Buc., 1845. Vol. 2. P. 347–364.
11. Cronicele României sau Letopisețele Moldaviei și Walachiei. De M. Kogălniceanu. Buc., 1874. Vol. 3. P. 451–453.
12. Uricarul. Sub red. T. Codrescu. Iași, 1857. T. 4. P. 225–229.
13. Ibid. P. 229–230.
14. Ubcini M. La question des principautés. Paris, 1858.
15. Biblioteca Academiei Române, secția manuscriselor, mss. 333, 336; Giurescu C. Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908. P. 4–5.
16. Buletinul ședințelor Adunării Ad-Hoc a Moldovei. Iași, 1857. Nr. 1; Boerescu V. România după tratatul de la Paris din 30 martie 1856. Buc., 1869; Colecțiune de tratatele și convențiunile României cu puterile străine. Publ. de M. Mitilneiu. Buc., 1874; Acte și documente relative la istoria Renascerei României. Publ. de D. Sturdza. Buc., 1888. Vol. 1; Blarenberg N. Essai comparé sur les institutions et les lois de la Roumanie, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Buc., 1885; Mitilneiu C. Despre tratate. Buc., 1898.
17. Etudes diplomatiques et économiques sur la Valachie par T. Lefebvre. Paris, 1853; Testa J. Recueil des traités de la Porte ottomane avec puissances étrangères. Paris, 1862. Vol. 5; Archives diplomatiques. Recueil de diplomatie et d'histoire. Paris, 1866. P. 2; Les droits de la Roumanie. Paris, 1874.
18. Палаузов С. Н. Румынские господства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859. С. 25–29.
19. Acte și documente... Buc., 1892. Vol. 7. P. 292.
20. Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. Paris, 1897. T. 1; См. также: Орешкова С. Ф. К вопросу о подчинении Валахии Османской империи // Краткие сообщения Института народов Азии. 1961. С. 181–182.

21. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Сост. Л. Мартенс. СПб., 1909. Т. XV. С. 362–363.
22. Genealogia Cantacuzinilor de banul Mihai Cantacuzino. Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 68.
23. Iorga N. Geschichte des rumänischen Volkes in Rahmen seiner Staatsbildungen. Gotha, 1905. Bd. 2. P. 76–77.
24. Minea I. Principatele române și politica orientală a Împaratului Sigismund. Buc., 1919. P. 245–273.
25. Giurescu C. Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908.
26. Ibid. P. 4–17.
27. Ibid. P. 14.
28. Longinescu S. Istoria dreptului românesc din vremile cele mai vechi și pînă în zilele noastre. Buc., 1908. P. 78–120.
29. Marinescu J. Bogdan al III-lea cel Orb. 1504–1517. Buc., 1910. P. 83.
30. Constantinescu N. Inceputurile și stabilirea suzeranității turcești în Moldova. Buc., 1914.
31. Zagoritz Gh. Stabilirea suzeranității turcești în Moldova // Convorbiri literare, 1914. Nr. 7–8.
32. Kraelltz F. Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1921; Iorga N. Actul lui Mahomed II pentru negustorii din Cetatea Albă (1456) // Revista istorică, X (1924). P. 105; Costăchescu M. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Buc., 1932. Vol. 2.
33. Babinger F. Cel dintîi bir al Moldovei către sultan. Buc., 1936 (Extras din volumul omagial pentru frații Alexandru și Ion Lapedatu).
34. Beldiceanu N. Problema tratatelor cu Poarta în lumina cronicii lui I. Pecevi // Balcania. V. 1 (1942). P. 394–397.
35. Ibid. P. 400.
36. Ibid. P. 407.
37. Decei A. Tratatul de pace-sulhname-dîntre sultan Mehmed II și Ștefan cel Mare la 1479 // Revista istorică română. XV. 4 (1945). P. 465–494.
38. Grigoraș N. A existat un tratat de pace între Mehmed și Ștefan cel Mare? Iași, 1948.
39. Panaitescu P. Pe marginea folosirii izvoarelor cu privire la supunerea Moldovei la tributul turcesc. (Vaslui 1456) // St, 1952. Nr. 3. P. 187–198.
40. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. Buc., 1944. P. 284–285, 343–344.
41. Ciampina B. Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare // Studii cu privire la Ștefan cel Mare. Buc., 1956. P. 84, 88.
42. Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV–XIX // SMIM, 2 (1957); Idem. Variațiile exploatații Țării Românești de către Poarta otomană în secolele XVI–XVIII // St, 1958. Nr. 2.
43. Mehmet M. Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman în a doua jumătate a veacului al XV-lea // St, 1960. Nr. 5. P. 165–168.
44. Mehmet M. Din raporturile... P. 173–177.
45. Istoria României. Ed. Ac. R. P. R. Buc., 1962. Vol. 2.
46. См.: Zaharia Gh., Mușat M. Lupta pentru independența și unitate statală – permanență a istoriei poporului român // Anale de istorie. 1975. Nr. 1; Popescu-Pușuri I. Din trecutul de luptă a poporului român pentru apărarea suzeranității și independenței patriei // Anale de istorie. 1976. Nr. 1 и др.
47. Giurescu C. C. Sur les relations entre le peuple roumain et l'Empire

Ottoman á travers les siécles. – VII. Turk Tarih Kongresi. Bildiriler. II. Ankara, 1973. P. 590–596.

48. Giurescu C. C. Probleme controversate în istoriografia română. Buc., 1977. P. 92–93.

49. Neagoe M. Contribuții la problema aservirii Moldovei față de Imperiul otoman. (Înțelegerea dintre Bogdan cel Orb și Selim din anul 1512) // – St. 1964. Nr. 2. P. 311–323.

50. Gemil T. Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea. (Pe marginea a două documente din arhivele de la Istanbul) // AIIA, IX (1972). P. 133–142.

51. Gemil T. Din relațiile... P. 140–141.

52. См. оригинал документа на славянском языке: Ciuca M. Din relațiile Moldovei cu Imperiul otoman în timpul lui Bogdan al III-lea // RI. 1978. Nr. 7. P. 1262; (румынский перевод см.: P. 1263).

53. Guboglu M. Despre materialele arhivistice otomane din Turcia și importanța lor pentru istoria țării române // RA. 1966. Nr. 2. P. 192–193.

54. Beldiceanu N. La Moldavie ottomane à la fin du XV siècle et au début du XVI siècle // – REI. 1969. Nr. 2. P. 239–266.

55. Ciuca M. Din relațiile Moldovei... P. 1257–1258.

56. Pașcoștea Ș. Politica externă a Moldovei în vremea lui Ștefan cel Mare: punct de reper // RI. 1975. Nr. 1. P. 16, 20, 26, 28.

57. Beldiceanu N. La Moldavie ottomane... P. 244.

58. Gorovei Șt. Pacea moldo-otomană din 1486. Observații pe marginea unor texte // – RI. 1982. Nr. 7. P. 807–821.

59. Ștefănescu Șt. Țara Românească de la Basarab I "Intemeietorul pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970. P. 116–117.

60. Ibid. P. 117–125.

61. Ibid. P. 127–133.

62. Ibid. P. 136.

63. Ștefănescu Șt. Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB, 1978. P. 9–16.

64. Matei I. Quelques problèmes concernant le régime de la domination ottomane dans les pays roumains // – RESEE. 1972. Nr. 1. P. 70–77.

65. Maxim M. L'autonomie de la Moldavie et la Valachie dans les actes officiels de la Porte de la seconde moitié du XVI siècle // RESEE. 1977. Nr. 2. P. 228.

66. Maxim M. Din istoria relațiilor româno-otomane. – "Capitulațiile" // Anale de istorie. 1982. Nr. 6. P. 40; Idem. Cu privire la statutul de ahd al țării române față de Poarta. Considerații pe marginea unor izvoare otomane // RI. 1986. Nr. 6. P. 523–533.

67. См.: Орешкова С. Ф. К вопросу о подчинении... С. 181–182.

68. Мутафчиева В., Димитров С. Некоторые замечания по новому общему курсу османской истории // Народы Азии и Африки. 1964. № 3. С. 150–162; Новичев А. Д. Средневековая история Турции в современной турецкой историографии // Историография и источниковедение истории стран Азии. Л., 1965. Вып. I. С. 113–125.

69. См.: Недова Е. П. Молдавско-турецкие отношения эпохи феодализма в освещении некоторых турецких буржуазных историков // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. Кишинев, 1984. С. 203–215.

70. Atabinen R. S. Les apports turcs dans le peuplement et la civilisation de l'Empire Orientale. Galata-Istanbul, 1952.

71. Gökbiğlin T. La structure des relations turco-roumaines et des raisons de certains hüksims, ferman, berat et des ordres des sultans adresses au princes de la Moldavie et de la Valachie au XVI et XVII siècles // Belleten, Ankara. 1978. P. 761–773.

72. См., упоминаемую выше (прим. 20) статью С. Ф. Орешковой "К вопросу о подчинении Валахии Османской империи".

73. Гонца Г. В. О степени вассальной зависимости Молдавского государства от Османской империи в 1512–1538 гг. // Известия АН МССР. 1976. № 3; Он же. К вопросу о времени составления текста молдавско-османского договора 1512 г. // Известия АН МССР. 1980. № 2.

74. Гонца Г. В. К вопросу о времени... С. 15–16.

75. Семенова Л. Е. Отношения Дунайских княжеств с Османской империей в конце XV – начале XVI в. // Османская империя... С. 135. Прим. 94; Она же. Румынская историография о турецких документах по истории отношений Молдавского княжества с Османской империей в начале XVI в. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 72–82; Она же. Отношения Дунайских княжеств с Османской империей. (к вопросу о "капитуляциях") // Новая и новейшая история. 1986. № 5. С. 65–79.

76. См.: Гиргас В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865; Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм). XIX – начало XX в. М., 1985.

77. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 10. С. 168–169.

78. Pellissie du Rausas G. Le regim des capitulations dans l'Empire ottoman. Ed. 2. Paris, 1910. V. 1. P. 3.

79. Виноградов В. Н., Семенова Л. Е. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII – начале XIX в. в свете материалов советских архивов // Балканские исследования. Вып. 8 (1982). С. 8.

80. Виноградов В. Н., Семенова Л. Е. Некоторые вопросы... С. 10–11.

81. Дмитриев П. Г. Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII – начале XIX в. // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1959. № 2; Murcea M. Lupta țăranilor împotriva exploatării în timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate a sec. XVIII-lea // – SRIR. I. 1954; Vianu A. Manifestări antifanariote în Moldova la sfîrșitul sec. al XVIII-lea // St. 1962. Nr. 4.

82. АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1737 г. Д. 3. Л. 2.

83. Там же. Л. 8–11 об.

84. Шульман Е. Миссия валашского ворника П. Драгунеску в Россию (1736–1737 гг.) // Вековая дружба. Кишинев, 1961.

85. АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1736–1737. Д. 2. Л. 41–49.

86. Vianu A. Din acțiunea diplomatică a Țării Românești în Rusia în anii 1736–1738 // Rsl. VIII (1963). P. 19–25; Șerban C. Relațiile politice româno-ruse în timpul războiului ruso-turc din 1735–1739 // Analele romîno-sovietice, istorie. 1956. Nr. 4. P. 113–133.

87. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. X. № 7891. С. 890–894.
88. АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1769 г. Д. 2. Л. 3–6.
89. Там же. 1770 г. Д. 1. Л. 32–33 об.
90. Там же. Л. 34–35 об.
91. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772 г. Д. 1680. Л. 51–54.
92. Там же. 1773 г. Д. 1762. Л. 81 об.
93. Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). СПб., 1869. С. 42.
94. Там же. С. 47.
95. АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2 об.
96. Там же. 1770 г. Д. 1. Л. 2–13.
97. Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 26. С. 394–395.
98. См.: Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883; Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. М., 1978; Bois u L. Les Principautés Roumaines dans les rapports politiques internationaux durant le XVIII siècle. Iași, 1986.
99. Архив Государственного Совета. Т. 1. С. 50.
100. АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1770 г. Д. 5. Л. 3–5 об., 6–7 об.
101. Там же. Л. 9–10.
102. Там же. 1770 г. Д. 1. Л. 43–63; см. также: Genealogia Cantacuzinilor. Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 460–465, 468–479.
103. АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1770 г. Д. 2. Л. 1 и об.
104. Там же. Ф. Сношения России с Турцией. 1771 г. Д. 100. Л. 7–8 об.
105. Русский архив. Кн. 3. 1880 г. С. 240.
106. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772 г. Д. 1671. Л. 2–27.
107. Там же. Л. 20.
108. Там же. 1772 г. Д. 1680. Л. 9 и об.
109. Ciurescu C. Capitulațiile Moldovei cu Poarta otomană. Buc., 1908. P. 26.
110. Acte și fragmente. Buc., 1896. Vol. 2. P. 68.
111. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772 г. Д. 1680. Л. 38 и об.
112. Там же. Л. 51–52.
113. Там же. Л. 34–35.
114. Genealogia Cantacuzinilor de banul Mihai Cantacuzino. Publ. de N. Iorga. Buc., 1902.
115. Ciurescu C. Capitulațiile... P. 25; исследователь Е. И. Дружинина считает, что А. Г. Орлов отбыл из Фокшан 23 августа.
116. Genealogia Cantacuzinilor. P. 485–495.
117. Istoria evenimentelor din Orient cu referința la principatele Moldova și Valahia din anii 1769–1774, scrisă de biv. vel. stol. Dumitrache și editată după copia lui Necolai Piteșteanu din anii 1782 de V. Urechia // AAR. Ser. 2. T. X (1887–1888). Buc., 1889.
118. Genealogia Cantacuzinilor. P. 495–499.
119. Cronica munten. Buc., 1961. Vol. I. P. 239–240.
120. Ibid. P. 252.

121. Ibid. P. 84–85.
 122. Ibid. P. 85.
 123. Genealogia Cantacuzinilor. P. 498–499.
 124. Maxim M. Din Istoria... P. 46.
 125. Ibidem.
 126. Guboglu M. Le tribut payé par les Principautés Roumaines à la Porte jusqu'au début du XVI siècle d'après les sources turques // REI. 1969. Nr. 1. P. 60; Decel A. Istoria Imperiul otoman până la 1656. Buc., 1978. P. 63–64.
 127. Cr turc. I. P. 51; Decel A. Istoria Imperiul otoman... P. 81.
 128. Ștefănescu Șt. Considerații concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978. P. 10.
 129. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. М., 1955. С. 172–180.
 130. Giurescu C. Capitulațiile... P. 25–31; Maxim M. Din Istoria... P. 35.
 131. Текст статьи о Дунайских княжествах проекта договора, представленного турецкой стороне во время Бухарестского конгресса, см.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мирный договор... Приложение. С. 345–346; Текст статьи в Кючук-Кайнарджийском договоре см.: Там же. С. 354–355.
 132. Vianu A. Cu privire la hatșerifulle de privilegii acordate principatelor române în anul 1774. Rsl, V (1962). P. 122–123.
 133. Genealogia Cantacuzinilor. P. 537–540.
 134. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1774 г. Д. 104. Л. 1–2.
 135. АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. 1774–1775 гг. Д. 588. Л. 26.
 136. Там же. Д. 597. Л. 3–7.
 137. См. Genealogia Cantacuzinilor. P. 537–540.
 138. Vianu A. Cu privire... P. 124.
 139. АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. 1774–1775 гг. Д. 597. Л. 28–35 об.; Публикация текстов: Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1886. Кн. I. С. 51–56.
 140. См. подробно в кн.: Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 38–54.
 141. См. подлинник депеши Н. Репнина Н. И. Панину от 28 июля 1775 г. (АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1775 г. Д. 449. Л. 79–80).
 142. Там же. Л. 79.
 143. Там же. Л. 89; Публикацию см.: DRn. I. P. 104.
 144. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 256, № 624. Л. 1–23.
 145. Гонца Г. В. К вопросу о времени составления текста молдавско-османского договора 1512 г. // Известия АН МССР. Серия общ. науки. 1980. № 2. С. 12–18; Он же. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 64–65.
 146. Ciurescu C. Capitulațiile... P. 17–22.
 147. Cr SR. P. 56, 168.
 148. Ureche. P. 135.
 149. Cardaș G. Odiseea celui mai vechi manuscris inedit al cronicii lui Grigore Ureche // – Mitropolia Olteniei. V–VIII (1970). P. 569–570; Gorovei Șt. Addenda et corrigenda // AIIA, XV (1978). P. 529.

150. Colimas A. Despre capucehăile Moldovei și poruncile Porții către Moldova până la 1829. Iași, 1943. P. 16; Gorovei Șt. Biserica de la Bălinești // *Mitropolia Moldovei și Sucevei. I-II* (1976). P. 108–119.
151. Costin N. *Cronicele României*. Vol. III. P. 451–453; Neculce I. *Le-topiseșul Țării Moldovei și o sama de cuvinte*. Ed. II. Buc., 1958. P. 12.
152. Biblioteca Academiei Române, secția manuscriselor, mss. 115, 120, 125, 233; Bîanu I. *Catalogul manuscrisurilor românești*. Buc., 1907. Vol. 1.
153. Cantemir D. *Istoria Imperiului Ottoman*. Buc., 1876. P. 271–275; Idem. *Descrierea Moldovei*. Ed. 1973. P. 271; Giurescu C. *Capitulațiile...* P. 65.
154. Gorovei Șt. *Activitatea diplomatică a logofătului Ioan Tăutu // Suceava. Anuarul muzeului județean*. V (1978). P. 251.
155. Vîanu A. *Aplicarea tratatului de la Kuclic-Kalnargi cu privire la Moldova și Țara Românească (1775–1783) // St. 1960. Nr. 5. P. 75.*
156. Среди них и списки, опубликованные в свое время М. Когэлничану. Их источниковедческий анализ см.: Giurescu C. *Capitulațiile*. P. 3–22.
157. Biblioteca Academiei Române. Secția manuscriselor. Mss. 5.
158. АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. 1774–1775 гг. Д. 592. Л. 11–13.
159. Iorga N. *Istoria literaturii române în secolul al XVIII-lea. (1688–1821)*. Buc., 1928. Vol. 2. Ed. de B. Theodorescu. Buc., 1969. P. 109–111.
160. *Genealogia Cantacuzinilor*. P. 201–202, 205–206.
161. Iorga N. *Istoria literaturii române...* P. 106–109.
162. M. d'Ohsson. *Tableau général de l'Empire Ottoman*. Paris, 1788. T. 1. P. 482–616; Millot L. *Introduction à l'étude du droit musulman*. Paris, 1953.
163. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. *Очерки истории Турции*. М., 1983. С. 46.
164. M. d'Ohsson. *Tableau...* T. V. Paris, 1824. P. 61–63; Matei I. *Quelques problèmes concernant le régime de la domination ottomane dans les pays roumains // RESEE*. 1972. Nr. 1. P. 68–77.
165. Hammer J. *Histoire de l'Empire Ottoman*. Paris, 1844. T. 1. P. 248.
166. Kraeulitz F. *Osmanische Urkunden...* S. 39–42.
167. Florescu G. *L'aspect juridique des khatti-chérifs. Contributions à l'étude des relations de l'Empire Ottoman avec les principautés roumaines // Studia et acta orientalia*. I. Buc., 1958. P. 133–138.
168. Condurachi I. *Suzeranitatea ungaro-polonă și efectele ei asupra suveranității principatelor române până la 1500*. Cernăuți, 1923; *Racovița C. Inceputurile suzeranității polone asupra Moldovei (1387–1432)*. Buc., 1941.
169. Cazan F., Mustața C. *Relațiile de vasalitate moldo-polone și implicațiile lor politice la sfârșitul secolului XV și în secolul XVI // - RI*. 1983. Nr. 4. P. 363–371.
170. Berchem M. *La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califs. Etude sur l'impôt du kharadj*. Geneva, 1866.
171. Bobcev S. *Coup d'oeil sur le régime juridique des Balkans sous le régime ottoman // Balkans, leur passé et leur présent*. Belgrad, 1936. P. 185–194.
172. Colimas A. *Despre capucehăile Moldovei și poruncile Porții către Moldova până la 1829*. Iași, 1943. P. 18–22.
173. DR. IV/2. P. 20, 25, 46, 301, 303, 306.

174. Matei I. Quelques problemes... P. 76.
 175. Golimas A. Despre capucehale... P. 32-46.
 176. Siruni H. Domnii români la Poarta otomană. Buc., 1941. P. 17, 60.
 177. DR. Supl. II. Vol. 1. P. 26.

Глава II

1. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 22-23.
 2. Подробнее о политической обстановке на Балканах во второй половине XIV в. см.: Литаврин Г. Г., Наумов Е. П., Шушарин В. П. Особенности международной обстановки на Балканах во второй половине XIV – первой половине XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 42-48.
 3. Ștefănescu Șt. Țara Românească de la Basarab I "Intemeietorul" pînă la Mihai Viteazul. Buc., 1970. P. 49-50.
 4. DR. 1/2. P. 315-316.
 5. Об отношениях Мирчи Старого с Молдавским княжеством см.: Constantinescu N. Mircea cel Bătrîn. Buc., 1981. P. 132-135; Rezachevici C. Mircea cel Bătrîn și Moldova // RI. 1986. Nr. 8. P. 746-762.
 6. Cr turc. I. P. 156.
 7. DR. 1/2. P. 472.
 8. Pervain V. Din relațiile Țării Românești cu Ungaria la sfîrșitul veacului al XIV-lea // AIAC. XVIII (1975). P. 93; Szakaly F. Phases of turco-hungarian warfare before the battle of Mohacs (1365-1526) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 1979. T. XXXIII (1). P. 74.
 9. Pervain V. Relațiile... P. 93.
 10. Cîmpina B. Lupta Țării Românești împotriva expansiunii otomane (1395-1415) // Scrieri istorice. I. Buc., 1973. P. 255.
 11. Cr turc. I. P. 39, 48-49, 303-304, 441-442, 543; Macarie Mellissenos // FHDR. IV. P. 443; Decei A. Doua documente turcești privitoare la expedițiile sultanilor Balazid I și Murad al II-lea în Țările române // Relații româno-orientale. Culegere de studii. Buc., 1978. P. 220-221.
 12. DR. 1/2. P. 431; Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. Buc., 1944. P. 247.
 13. Pervain V. Relațiile... P. 96.
 14. Giurescu D. C. Țara Românească în secolele XIV-XV. Buc., 1973. P. 384.
 15. Holban M. Contribuții la studiul raporturilor dintre Țara Românească și Ungaria angevină // St. 1962. Nr. 2. P. 327-328; Pervain V. Relațiile... P. 95-96.
 16. Manolescu R. Campania lui Sigismund de Luxemburg în Moldova (1395) // - AUB. 1966. P. 71.
 17. DR. 1/2. P. 359-361.
 18. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. P. 254.
 19. DR. 1/2. P. 395.
 20. DR. 1/2. P. 395-396; Pervain V. Relațiile... P. 103-110.
 21. Essais sur l'histoire économique de la Turquie. Paris, 1865. P. 20; Minea I. Principalele române și politica orientală a împăratului Sigismund. Note istorice. Buc., 1919. P. 272-273.
 22. Cündisch G. Siebenbürgen in der Türkenabwehr, 1395-1526 // RRH. 1974. Nr. 3. P. 418.

23. Doc M. P. 613.
24. DR. 1/2. P. 374-375.
25. Decel A. Istoria Imperiul otoman pînă la 1656. Buc., 1978. P. 65-66.
26. Kling E. Die Schlacht bei Nicopolis. Berlin, 1906.
27. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. P. 272.
28. Pataki I. Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria la sfîrșitul veacului al XIV-lea // SMIM, II (1957). P. 424.
29. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. P. 194-195.
30. Pataki I. Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria. P. 425.
31. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. P. 50; Pataki I. Ceva despre relațiile Țării Românești cu Ungaria. P. 426-428.
32. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 28-29; Новичев А. Д. Турция. Краткая история. М., 1965. С. 17.
33. Ștefănescu Șt. Țara Românească... P. 56.
34. Chalcocondil. P. 463, 465; Ducas. P. 419.
35. Cr turc. I. P. 114-115, 205-206, 340-341; Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. P. 313; Decel A. Istoria Imperiul otoman. P. 72-76.
36. Chalcocondil. P. 467.
37. Ducas. P. 419; Decel A. Istoria Imperiul otoman. P. 78.
38. Cr turc. I. P. 25-26; Guboglu M., Mehmet M. Răscoalele țărănești din Imperiul Otoman (1418-1420) și bedreddinismul // St. 1957. Nr. 2. P. 137-158.
39. Cr turc. I. P. 32, 51, 116, 161; Decel A. Istoria Imperiul otoman. P. 79, 81; Pienaru N. Relațiile lui Mircea cel Mare (1386-1418) cu Mehmed I Celebi (1413-1421) // RI, 1986. Nr. 8. P. 781-782; Gemil T. Români și otomanii în secolele XIV-XVI. Buc., 1991. P. 26.
40. Chalcocondil. P. 467.
41. Panaitescu P. Mircea cel Bătrîn. P. 343-344; Ștefănescu Șt. Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs et leur impact sur le développement historique de deux peuples // AUB. 1978. P. 10 și alt.
42. Pienaru N. Relațiile... P. 776-780.
43. Giurescu D. C. Țara Românească în secolele XIV-XV. P. 384.
44. Pervain V. Lupta antiotomană a Țărilor române în anii 1419-1420 // AIAC. XIX (1976). P. 63-68.
45. Cr turc. I. P. 162-165, 446-447.
46. Pervain V. Lupta antiotomană... P. 73-75.
47. Ștefănescu Șt. Țara Românească... P. 60; Szakaly F. Phases of turco-hungarian warfare... P. 81.
48. Ducas. P. 425; Chalcocondil. P. 469.
49. Decel A. Istoria Imperiul otoman. P. 86.
50. Tocilescu. P. 30-32.
51. Doc. TR. P. 43-44, 51-52.
52. Cr turc. I. P. 165; Gemil T. Români și otomanii. P. 27.
53. Ducas. P. 427, 429; Decel A. Istoria Imperiul otoman. P. 87.
54. Cr turc. I. P. 239, 240; Elekes L. A délkelet-európai népek összefogása a török hódítók ellen Hunyadi háborúiban // Századok, 1952. T. 8. Nr. 1. 93-117 l.
55. Elekes L. Hunyadi. Bp., 1958, 240-242 l.; Muresan C. Jancu de Hunedoara. Buc., 1968. P. 103.

56. Шушарин В. П. Королевство Венгрия и Османская империя (XV – первая четверть XVI в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 106.
57. Pall F. Intervenția lui Jancu de Hunedoara în Țara Românească și Moldova în anii 1447–1448 // St. 1963. Nr. 5. P. 1054–1060; Stoicescu N. Vlad Tepeș. Buc., 1976. P. 15–25.
58. Acte și fragmente. III. P. 25.
59. Cr SR. P. 208–210; Cr turc. I. P. 67.
60. Шушарин В. П. Королевство Венгрия и Османская империя... С. 107–108, 116 (прим. 49).
61. Simonescu P., Cernovodeanu P. Cetatea de scaun a Bucureștilor. Buc., 1976. P. 11–12.
62. DR. XV/1. P. 50–51.
63. Doc ȚR. P. 101–104, 324; Urkundenbuch. P. 49–50; Iosipescu S. Conjectura și condiționarea internațională politico-militară a celei de a doua domnii lui Vlad Tepeș (1456–1462) // Studii și materiale de muzeografie și istorie militară. 1978. Nr. 11. P. 183–185; О действиях Дана против Цепеша см.: Andreescu Șt. Vlad Tepeș (Dracula). Intre legenda și adevăr istoric. Buc., 1976. P. 62–63, 72–74; Stoicescu N. Vlad Tepeș. P. 74–75, 78–80.
64. Cr turc. I. P. 67, 92.
65. Cr SR. P. 211; Stoicescu N. Vlad Tepeș. P. 89–93.
66. Gündisch G. Vlad Tepeș und die sächsischen Selbstverwaltungsgebiete Siebenbürgens // RRH. 1969. Nr. 6. P. 992.
67. Bogdan I. Vlad Tepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui. Studiu critic. Buc., 1896. P. 81; Andreescu Șt. Vlad Tepeș. P. 99.
68. Critobul. P. 523; Ducas. P. 435; Chalcocondil. P. 503; Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV–XIX // SMIM, II (1957. P. 27–28; Babinger F. Mehmed der Eroberer und sein Zeit. München, 1953. S. 217; Werner E. Die Geburt einer Grossmacht – die Osmanen. (1300–1481). Berlin, 1978. S. 289.
69. HT. P. 23–29.
70. Chalcocondil. P. 505, 507, 509; Cr turc. I. P. 43; Stoicescu N. Vlad Tepeș. P. 100–110.
71. Chalcocondil. P. 513, 515; Tappe. S. 17–19; Câmpina B. Complotul boierilor și "răscoala" din Țara Românească din iulie – noiembrie 1462 // SRIR, I. Buc., 1954. P. 612; Stoicescu N. Vlad Tepeș. P. 120–131.
72. Doc ȚR. P. 124; DRH. B. I. P. 268.
73. Chalcocondil. P. 515; Decel A. Istoria Imperiului otoman. P. 118; Gemil T. Românii și otomanii. P. 29–30.
74. HT. P. 44–50.
75. Bogdan Doc Reg. P. 122.
76. Письмо Лайоты жителям Брашова от июня 1474 г. см.: Doc TR. P. 115–116.
77. ȚR. P. 4; Popescu. P. 23.
78. HT. P. 46.
79. Acte și fragmente. III. P. 55; HT. P. 89.
80. DR. XV. P. 99; Doc ȚR. P. 282; Doc St. II. P. 351, 361.
81. Zinkelsen J. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. 2. Gotha, 1854. S. 444; Amlacher A. Die Türken Schlacht auf dem Brotfeld. Sibiu, 1879; Iorga N. Chilia și Cetatea Albă. Buc., 1900. P. 153. Nota 3.

82. Bogdan Doc Reg. P. 100.
83. Acta et epistolae. I. P. 34; Tocilescu. 145.
84. Acta et epistolae. I. P. 37; DR. XV. P. 110.
85. Doc St. 2. P. 258.
86. Doc TR. P. 178, 180; Bogdan Doc Reg. P. 113; Cr SR. P. 58.
87. Tocilescu. P. 146, 175.
88. DR. VIII. P. 28.
89. DR. II/2. P. 294.
90. Studii și documente. III. 1901. P. XXIV.
91. Andrew C. H. The Evolution of the Ottoman Seaborn Empire in the Age of the Oceanic Discoveries. 1453–1525 // American Historical Review. LXXV (1970). Nr. 7. P. 1892–1919; Papacostea S. Die politischen Voraussetzungen für die wirtschaftliche Vorherrschaft des Osmanischen Reiches im Schwarzmeergebiet (1453–1484) // Münchner Zeitschrift für Balkankunde. Bd. 1 (1978). S. 217–245; Werner E. Die Geburt... S. 290; Ciocftan V. Politica osmană față de gurile Dunării în secolul al XV-lea // RI. 1985. Nr. 11. P. 1058–1074.
92. Zinkeisen J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. S. 17.
93. Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2., Gotha, 1909. S. 52–53.
94. Шушарин В. П. Королевство Венгрия и Османская империя. С. 107–108.
95. Werner E. Die Geburt... S. 283.
96. Об обосновании даты см. в кн.: Babinger F. Cel dintâi bir al Moldovei către sultan. Buc., 1936. P. 3–10; Beldiceanu N. Problema tratatelor Moldovei cu Poarta în lumina cronicii lui Pecevi // Balkania. V (1942). Nr. 1. P. 394; См. также: Papacostea Ș. Die politischen Voraussetzungen... S. 223–224; Idem. La Moldavie état tributaire de l'Empire ottoman au XV siècle: le cadre international des rapports établis en 1455–1456 // RRH, 1974. Nr. 3. P. 445–461.
97. Документ опубликован – см.: Kraellitz F. Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1921. S. 44–46; Iorga N. Actul lui Mohamed al II-lea pentru negustorii din Cetatea Albă (1456) // Revista Istorică. X (1924). Nr. 4–6. P. 105; Последнюю публикацию см.: Doc turc. I. P. 2.
98. Doc M. P. 800–801; Panaitescu P. Pe marginea foloșirilor izvoarelor cu privire la supunerea Moldovei la tributul turcesc. (Vaslui, 1456) // St. 1952. Nr. 3. P. 187–198; О датировке документа см.: Babinger F. Cel dintâi bir al Moldovei... P. 3–10. Ср.: Simănescu L. "Inchinarea" de la Vaslui (5 Iunie 1456) // AIIA. 1981. P. 613–637.
99. Mehmet M. Din raporturile Moldovei cu Imperiul otoman în a doua jumătate a veacului al XV-lea // St. 1960. Nr. 5. P. 167–168; Публикацию им этого документа см.: Doc turc. I. P. 2; Ștefănescu Șt. Considerations concernant le caractère des rapports roumano-turcs... P. 11.
100. Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. (Очерки истории землевладения в XV–XVIII вв.). Кишинев, 1972. Т. I. С. 233–234.
101. Советов П. В. Исследования... С. 265–266, 288–289.
102. О молдавском военном искусстве эпохи Стефана Великого см.: Cuzza I. Arta militară a moldovenilor în a doua jumătate a secolului XV. Buc., 1958.

103. Cr SR, p. 44; Pail F. Stapfîrea lui Iancu de Hunedoara asupra Chiliei și problema ajutorării Bizanțului // St. Nr. 3; Papacostea Ș. Kilîia et politique orientale de Sigismund de Luxemburg // RRH, 1976. Nr. 3. P. 421-436; Ciocîltan V. Chilia în primul sfert al veacului al XV-lea // RI, 1981. Nr. 11. P. 2091-2097; Andreescu S. Une ville disputée: Kilîia pendant la première moitié du XV siècle // RRH, 1985. Nr. 3. P. 217-230.

104. Doc Șt. P. 266-268.

105. Papacostea Ș. De la Colomeea la Codrul Cosminului. (Poziția internațională a Moldovei la sfârșitul secolului al XV-lea // Rsl. XVII (1970). P. 525.

106. О месте Килии в торговле Молдавского княжества см.: Подградская Е. М. Торговые связи Молдавии со Львовом в 16-17 вв. Кишинев, 1968.

107. Doc Șt. P. 282-294.

108. Papacostea Ș. Ștefan cel Mare și războiul Poloniei cu ordinul Teuton (1454-1466) // RI, 1978. Nr. 3. P. 475-479.

109. Cr SR. P. 7; Chalcocondil. P. 513.

110. DR. XV/1. P. 4.

111. Panaitescu P. Legăturile moldo-polone în sec. al XV-lea și problema Chiliei // Rsl. III (1958). P. 111-112.

112. Ursu I. Ștefan cel Mare și turcii. Buc., 1914. P. 29-30.

113. Cr SR. P. 7.

114. Berza M. Haraclul... P. 9; Guboglu M. Le tribut paye par les principautés roumaines à la Porte jusqu'au début du XVI siècle d'après les sources turques // REI, 1969. Nr. 1. P. 68-69.

115. Sabău I. Relațiile politice dintre Moldova și Transilvania în timpul lui Ștefan cel Mare // StȘt. P. 226-227; Об отношениях между Стефаном Великим и Матвеем Корвинным см.: Elekes L. Nagy István moldvai vajda politikája és Mátyás király. Bp., 1937; Idem. Mátyás és kora. Bp., 1956.

116. Urkundenbuch. S. 292-294; Iorga N. Istoria lui Ștefan cel Mare. Buc., 1904. P. 109; Cündisch K. Participarea sașilor la răzvrătirea din anul 1467 a transilvanilor împotriva lui Matei Corvin // SUBB, 1972. Fasc. 2. P. 21-30.

117. Cr SR. P. 29-30; Câmpina B. Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare // StȘt. P. 39-40; Papacostea Ș. Un épisode de la rivalité polono-hongroise au XV siècle: la d'une source inédite // RRH, 1969. Nr. 6. P. 967-979.

118. Письмо Стефана польскому королю от 1 января 1468 г. см.: Panaitescu P. Contribuții la istoria lui Ștefan cel Mare // AAR. Seria III. T. XV (1934). Mem. 2. P. 20.

119. Cr SR. P. 7-9; Ureche. P. 92-94; Pop I. Valoarea mărturiilor documentare despre expediția întreprinsă de regele Matei Corvin la 1467 în Moldova // RI, 1981. Nr. 4. P. 135-139.

120. Doc Șt. P. 300-303.

121. Cr SR. P. 45.

122. Cr SR. P. 57.

123. Nehring K. Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III und das Reich. München, 1975. S. 72.

124. DR. XV/1. P. 77, 80; Nicolaescu DSR. P. 133.

125. Cr SR. P. 17.

126. Papacostea S. Venise et les Pays Roumains au Moyen Age // Venezia et il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. I. Part. 2. P. 612-613.

127. Cancel P. Data epistolei lui Uzun Hasan către Ștefan cel Mare și mișcarea lui Isak-beg. Buc., 1912; Valsman A. O pagină glorioasă a prieteniei româno-irainene: relațiile politico-diplomatice de la Ștefan cel Mare cu șahul turcoman al Persiei // Revista română de studii internaționale. Buc., 1973. P. 83-87.
128. Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953. S. 152, 325-334.
129. HT. P. 46; Decel A. Istoria Imperiului otoman. P. 127-128.
130. Doc ȚR. P. 111, 118.
131. Cr SR. P. 8-9.
132. Doc ȚR. P. 115-116.
133. Cr SR. P. 9.
134. Mehmed M. Din raporturile... P. 169.
135. Сопоставление свидетельств разных источников о численности османских войск и военных сил Штефана Великого см.: Ursu I. Ștefan cel Mare și turcii. P. 51-52; Gonța A. Tactica și strategia lui Ștefan cel Mare în batalia de lângă Vaslui // RI. 1975. Nr. 1. P. 58-62; Spieralski Z. Awantury Moldawskie. W-wa, 1967. S. 50.
136. Neagoe M. Ștefan cel Mare. Buc., 1970. P. 106-120; Gonța A. Tactica și strategia... P. 58-64.
137. Cr turc. I. P. 61, 96, 127, 210-211.
138. Cr turc. I. P. 322.
139. Doc Șt. P. 319-321.
140. Studii și documente. XVI. 1909. P. 116-117; Iorga N. Studii istorice asupra Chilieii și Cetății Albe. Buc., 1899. P. 141-142; Iorga N. Veneția în Marea Neagră. III. Originea legăturilor cu Ștefan cel Mare și mediul politic al dezvoltării lor // AAR. Ser. II. T. XXVII (1914). Mem. secț. Ist. P. 20; Malowist M. Kaffa - kolonia genuenska na krymie i problem wschodni w latach 1453-1475. W-wa, 1947. S. 329-331.
141. Iorga N. Studii istorice... P. 145-146; Năsturel R. Din legăturile dintre Moldova și Crimeea în secolul al XV-lea // Omagiu lui P. Constantinescu-lași. Buc., 1965. P. 261-266; Columbeanu S. Acțiuni navale în Marea Neagră în timpul lui Ștefan cel Mare // RI. 1975. Nr. 1. P. 83.
142. Războieni. Cinci sute de ani de la campania 1476. Monografii și culegere de texte. Buc., 1977. P. 137-141.
143. Cr SR. P. 34.
144. Bogdan I. Inscricțiunile de la Cetatea Albă și stăpânirea Moldovei asupra ei // AAR, ser. II. T. XXX (1908). Mem. secț. Ist. P. 24-27.
145. Istoria diplomaciei polskej. W-wa, 1982. T. I. S. 497.
146. Doc Șt. P. 331-333; DR. II/1. P. 8.
147. Studii și documente. XVI. P. 117-120.
148. Doc Șt. P. 334-336; Iorga N. Studii istorice... P. 271; Pârvan V. Relațiile lui Ștefan cel Mare cu Ungaria. Buc., 1905. P. 71.
149. Acte și fragmente. III. P. 56; Gemil T. Fetih-name a sultanului Mehmed al II-lea privind campania din 1476 împotriva Moldovei // RA. 1982. Nr. 3. P. 252-258.
150. HT. P. 89; Acte și fragmente. III. P. 55.
151. Acta et epistolae. I. P. 15; DR. XV/1. P. 92-93; Andreescu Șt. L'action de Vlad Tepes dans le sud-est de l'Europe en 1476 // RESEE. 1977. Nr. 2. P. 266-267; Об отношениях Влада Цепеша с Трансильванией и Вен-

- грий см.: Șerban C. Relațiile Vlad Tepeș cu Transilvania și Ungaria // RI. 1976. Nr. 11. P. 1697–1719.
152. Gemil T. Doua documente tatarești referitoare la campania din 1476 a sultanului Mehmed al II-lea în Moldova // AIIA. V. (1968). P. 193; Mehmed M. Din raporturile... P. 171–172.
153. Razboieni. P. 62–64.
154. Cr turc. I. P. 322.
155. Cr SR. P. 9; Focșeneanu I., Diaconu Gh. Bazele puterii militare a lui Ștefan cel Mare // StȘt. P. 149–153.
156. DR. XV/1. P. 94; Doc Șt. P. 344.
157. Ursu I. Ștefan cel Mare și turcii. P. 86–88; Razboieni. P. 94–99.
158. DR. XV/1. P. 95; Acte și fragmente. III. P. 58–59; Tocilescu. P. 97; Șerban C. Relațiile Vlad Tepeș... P. 717.
159. DR. XV/1. P. 96; Doc Șt. P. 345; Cr SR. P. 206, 213; Andreescu Șt. Vlad Tepeș (Dracula). Intre legenda și adevăr istoric. Buc., 1976. P. 142–144.
160. Doc ȚR. P. 34.
161. Doc Șt. P. 343–347; Razboieni. P. 228–232.
162. Iorga N. Veneția în Marea Neagră. P. 26; Nehring K. Matthias Corvinus... P. 117–118.
163. Guboglu M. Le tribut... P. 68–69; Mehmed M. Un document turc concernant le haratch de la Moldavie et de la Valachie aux XV–XVI siècles // RESEE. 1967. Nr. 1–2. P. 267.
164. Советов П. В. Исследования... С. 270–273; Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия... С. 27–29.
165. Советов П. В. Исследования... С. 270. Прим. 157; Cămpina V. Cercetări... P. 94.
166. Mehmed M. Din raporturile... P. 173–177.
167. Doc turc. P. 6.
168. Guboglu M. Le tribut... P. 69–70.
169. Paracostea Ș. La guerre ajournée: les relations polono-moldaves en 1478. Réflexions en marge d'un texte de Filippo Buonaccorsi-Callimachus // RRH. 1972. Nr. 1. P. 3–21.
170. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 12–21; Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 540–541.
171. РГАДА. Ф. 123. Кн. I. Л. 29; Иск. I. С. 55–56.
172. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 183–194.
173. РГАДА. Ф. 123. Кн. I. Л. 30.
174. ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. Ч. I. С. 349–350.
175. Об историографии вопроса см.: Семенова Л. Е. Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. // Сов. славяноведение. 1984. № 5. С. 42.
176. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 69.
177. РГАДА. Ф. 123. Кн. I. Л. 50 об. – 52 об.; Иск. I. С. 58–60; Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 249–251.
178. Сб. РИО. Т. 41. С. 41–44; Об отношениях Матяша Корвина с Иваном III см.: Céresi K. Hunyadi Mátyás magyar király összeköttetesei III. Iván Vask-

ljevics orosz cárral // Szásadok. 1879.

179. Thuasne L. Djem sultan, fils de Mohammed II, frere de Bayezid II (1459–1495). Paris, 1892; Grallota A. – Bova G. Documenti dell'Archivio di Stato Venezia concernenti il principe ottomano Gem // Studi Magrebini. 11 (Napoli, 1980). P. 175–199.

180. Acta et epistolae. I. P. 39; Acte și fragmente. III. P. 64–65.

181. HT. P. 183–184; Gorovei Șt. Pacea moldo-otomană din 1486. Observații pe marginea unor texte // RI. 1982. Nr. 7. P. 815–816.

182. Iorga N. Studii istorice... P. 157–158; Antalfi A. Doua documente din biblioteca Egipteana // RI. XX (1934). P. 37–38.

183. Beldiceanu N. La compagne ottomane de 1484: ses préparatifs militaires et sa chronologie // Revue des Etudes Roumaines, V–VI (1960). P. 67–77; Kissling H. Einige Bemerkungen zur Eroberung Killa's und Aqkerman's durch die Türken (1484) // Beiträge zur Südosteuropa Forschung. München, 1966. S. 331–338.

184. На основе ряда данных И. Урсу высказал мнение, что армия султана Баязида во время похода на Килию и Белгород летом 1484 г. насчитывала более 100 тыс. человек (см.: Ursu I. Ștefan cel Mare și turcii. P. 179–180); Н. Белдичану считает, что эта цифра преувеличена и численность султанских войск не превышала 60 тыс. (См.: Beldiceanu N. La compagne ottomane de 1484... P. 70–72).

185. Acta et epistolae. I. P. 40; Cr SR. P. 10; Stachon B. Polityka polski wobec Turcyi i akcyi antytureckiej w wieku XV do utraty Kiliii i Bialogrodu (1484). Lwów, 1930. S. 193.

186. DR. II/1. P. 3, 15; Acte și fragmente. III. P. 64.

187. Сб. РИО. Т. 41. С. 41.

188. Иск. I. С. 62.

189. Сб. РИО. Т. 41. С. 47; Иск. I. С. 293, прим. 20.

190. РГАДА. Ф. 389. Кн. 4. Л. 118 об.–120; Иск. I. С. 63; см.: Papée F. Jan Olbracht. Kraków, 1936. S. 16.

191. Doc Șt. P. 370–378; Материалы. С. 113.

192. Spieralski Z. Awantury Moldawskie. S. 52–53.

193. Cr SR. P. 11; Cr turc. I. P. 78, 100, 132, 327.

194. Материалы. С. 1–9.

195. РГАДА. Ф. 389. Кн. 4. Л. 119 об.; Иск. I. С. 63.

196. Материалы. С. 116.

197. Cr turc. I. P. 101.

198. Ibid. P. 187.

199. Gorovei Șt. Moldova în "casa pacii". Pe marginea izvoarelor privind primul secol de relații moldo-otomane // AIIA, XVII (1980). P. 643–645, 666–667; Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия... С. 36–37.

200. См.: Семенова Л. Е. Молдавское княжество в международных отношениях... С. 44.

201. DR. II/2. P. 306–307, 315–316; Katalog dokumentów tureckich. W-wa, 1959. S. 22–25; Spieralski Z. Awantury Moldawskie. S. 55; Греков И. Б. Османская империя. Крым и страны Восточной и Центральной Европы в конце XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 91–92.

202. Pârvan V. Relațiile... P. 104–105.

203. РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 52; Иск. I. С. 65. 294–295, прим. 32; Сб. РИО.

- Т. 35. С. 18, 52; ПСРЛ. Т. VIII. С. 219–221.
 204. Сб. РИО. Т. 41. С. 151.
 205. РГАДА. Ф. 123. Кн. I. Л. 173 об.–174; Иск. I. С. 68–69.
 206. Сб. РИО. Т. 41. С. 168, 172.
 207. Ubersberger H. Osterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhundert. Bd. 1. Wien und Leipzig, 1906. S. 1–20; Kolankowski L. Polska Jagiellonów. Dzieję polityczne. W-wa, 1936. S. 141–143.
 208. Simionescu Șt. Legăturile dintre Ștefan cel Mare și Maximilian I de Habsburg în lumina unui nou izvor // Rl. 1975. Nr. 1. P. 91–98.
 209. Materialy. S. 12–17.
 210. DR. II/2. P. 327.
 211. Spleralski Z. Awantury Moldawskie. S. 60; Demel J. Historia Rumunii. W-wa, 1970. S. 138; Historia dyplomacji polskiej. S. 537–538; Paracostea Ș. De la Colomeea... P. 540–541.
 212. Рѣгван V. Relațiile... P. 112.
 213. РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 258 об.; Иск. I. С. 73.
 214. Сб. РИО. Т. 35. С. 141.
 215. Doc Șt. P. 397.
 216. РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 284–284 об.; Иск. I. С. 74; ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. С. 364–365.
 217. РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 258–258 об.; Иск. I. С. 73.
 218. Doc Șt. P. 386–387, 397–398, 400–403, 407.
 219. Греков И. Б. Османская империя. Крым... С. 98.
 220. История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 236.
 221. Parée F. Jan Olbracht. S. 122.
 222. Materialy. S. 25–30; Parée F. Jan Olbracht. S. 68–69.
 223. Parée F. Jan Olbracht. S. 76.
 224. Cr SR. P. 11.
 225. Cr turc. I. P. 138.
 226. Семенова Л. Е. Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 48–49.
 227. Paracostea Ș. De la Colomeea... P. 543–544.
 228. Cr turc. I. P. 138; Cr SR. P. 11.
 229. Cr SR. P. 11–12; Ureche. P. 110–111.
 230. Семенова Л. Е. Из истории... С. 43.
 231. Paracostea Ș. De la Colomeea... P. 549–551.
 232. Cr SR. P. 12.
 233. Сб. РИО. Т. 35. С. 237–238.
 234. Семенова Л. Е. Из истории... С. 46; Она же. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 231.
 235. РГАДА. Ф. 79. Кн. I. Л. 322 об.; Иск. I. С. 78.
 236. Сб. РИО. Т. 35. С. 242–243, 267.
 237. Сб. РИО. Т. 41. С. 256–257.
 238. Materialy. S. 42–45.
 239. Doc Șt. P. 415–417.
 240. Doc Șt. P. 423–424.
 241. Materialy. S. 66–69.
 242. Doc Șt. P. 419–426; Материалы. С. 170–177.

1. Орешкова С. Ф. Юго-Восточная Европа в социально-политической структуре Османской империи // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 37.
2. Dirimtekin F. Istanbul après la conquête. Istanbul, 1953. P. 11–12.
3. Rassov P. Die Kaiser-Idee Karls V. dargestellt in der Politik der Jahre 1528–1540. Berlin, 1952. S. 82–84; Niederhäuser E. Die Habsburger. Ein europäisches Phänomen. Вр., 1983.
4. Греков И. Б. К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV–XVI вв. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 150–156; Он же. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. // Османская империя и страны... С. 154.
5. Garbaczik J. Problem turecki w polityce państw europejskich na przelomie XV i XVI w. // Powszechny zjazd historyków polskich. Historia Polski od połowy XV do połowy XVIII w. W-wa, 1960.
6. Babinger F. Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropas und der Levante. München, 1962. S. 256–274.
7. Turcica. V. I. P. 19, 32.
8. DR. II/1. P. 20–23; Gökbilgin T. La traduction des lettres de Corvin Mathias a Bayezid II et le texte turc du traité hungaro-turc de 1503 // Belleten. XXII (1958). Nr. 87. P. 382–390.
9. DR. II/1. P. 119–120; Materialy. S. 123–127.
10. Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Bd. 2. Gotha, 1920. S. 428.
11. Babinger F. Kaiser Maximilians "geheime Praktiken" mit den Osmanen (1510–1511) // Südost-Forschungen. XV (1956). S. 201–236.
12. Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1888. Т. 2. С. 208.
13. Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. Введение, перевод и комментарии А. И. Рогова. М., 1978. С. 18–22.
14. Palombini B. Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien. 1453–1600. Bd. 1. 1968. S. 51.
15. Uhlirz M. Handbuch der Geschichte Oesterreich-Ungarns. Bd. 1. Wien, 1963; История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 227–228.
16. Ursu I. La politique orientale de François I (1515–1547). Paris, 1908. P. 8.
17. Charrière E. Negotiations de la France dans le Levant. Paris, 1848. T. 1. P. 63–68; Tappe. P. 20–21.
18. Ursu I. La politique... P. 12.
19. См.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 197–201.
20. Орешкова С. Ф. Юго-Восточная Европа... С. 38; Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984.
21. Zinkelsen J. Drei Denkschriften über die orientalische Frage von Papst Leo X. König Franz I. von Frankreich und Kaiser Maximilian I. aus dem Jahre 1517. Gotha, 1854; Wagner C. Der letzte Türkenkreuzzugplan Kaiser Maximilians I. aus dem Jahre 1517 // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. LXXVII (1969). Nr. 3–4. S. 314–353.
22. Хорошкевич А. Л. Русское государство... С. 205–208.

23. Pocięcha W. Królowa Bona. (1494–1557). Poznań, 1949. T. 2. S. 4–5.
24. Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. С. 141.
25. Rajewski J. Stosunki polsko-węgierskie i niebezpieczeństwo tureckie w latach 1516–1526. W-wa, 1930. S. 18.
26. Ивонин Ю. Е. У истоков европейской дипломатии. Минск, 1984. С. 86.
27. Ștefănescu Șt. Bănia în Țara Românească. Buc., 1965. P. 99–102.
28. Ștefănescu Șt. Țara Românească de la Basarab I "Intemeietorul" până la Mihai Viteazul. Buc., 1970. P. 79–83.
29. Doc ȚR. P. 209–218, 236–246.
30. Ibid. P. 214–216.
31. Rechnungen. S. 245, 249.
32. DR. XV/1. P. 149; Doc ȚR. P. 343–344.
33. Doc ȚR. P. 350–351; Rechnungen. S. 414, 430, 469, 749; Tocilescu. P. 206–207.
34. DR. XV/1. P. 169–170; Об эволюции суммы дани Валахии Порте в конце XV – начале XVI в. см.: Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV–XIX // SMIM. II (1957), P. 27–29.
35. Doc ȚR. P. 350–351.
36. Rechnungen. S. 429; Doc ȚR. P. 224–225.
37. Acta et epistolae. P. 85–87, 92–94.
38. La pedatu A. Politica lui Radul cel Mare. 1495–1508 // Lui Ion Bianu. Amintire. Buc., 1921. P. 201.
39. IȚR. P. 14.
40. DR. XV/1. P. 181.
41. IȚR. P. 15; DR. II/2. P. 574–575; XV/1. P. 183–184.
42. DRH. B. Vol. 2. P. 116, 121–123, 126–127.
43. Bogdan Doc Reg. P. 138–140; DR. XV/1. P. 183–184.
44. DR. II/2. P. 574.
45. Ibid. P. 575, 578, 580.
46. Bogdan Doc Reg. P. 139.
47. Pușcariu I. Doua documente privitoare la revolta boierilor din Țara Făgărașului în favoarea lui Mihnea-Voda numit cel Rău // AAR. Mem. secț. ist. XXXIII. P. 61–66.
48. Acta et epistolae. P. 94–96.
49. Rechnungen. S. 533.
50. Ibid. S. 534.
51. Ibid. S. 515–517, 534.
52. Engel J. Geschichte der Moldau und Valachei. Halle, 1804. S. 192–193; О деятельности митрополита Максима см.: Radonici J. Histoire des Serbes de Hongrie. Paris, 1919. P. 49–51; Iorga N. Istoria bisericii române. I. Buc., 1929. P. 126–128.
53. Viața și traiul părintelui nostru Nifon. Buc., 1888. Ed. I. Naninescu. P. 61–63.
54. Popescu. P. 26–27.
55. Ștefănescu Șt. Bănia... P. 104.
56. Op. cit. P. 105.
57. Viața și traiul... P. 67–69; Popescu. P. 28.

58. Popescu. P. 28; DR. XV/1. P. 197–199; Iorga N. Pretendenți domnesci în secolul al XVI-lea // AAR. Ser. 2. XIX (1898). P. 207–208.
59. Viața lui Nifon. Buc., 1944. Ed. V. Grecu. P. 129–131.
60. DR. XV/1. P. 213.
61. Viața lui Nifon. P. 133.
62. DR. II/3. P. 208.
63. Panaitescu P. Invățăturile lui Neagoie Basarab. Problema autenticității. Buc., 1946. P. 8–9; О периоде правления Нягое Басараба в Валахии см.: Neagoie M. Neagoie Basarab. Buc., 1971.
64. Ștefănescu Șt. Bănia... P. 137–173.
65. Popescu. P. 35.
66. О внешней политике Нягое см.: Neagoie M. Despre politica externă a lui Neagoie Basarab. (1512–1521) // St. 1966. Nr. 4. P. 745–764.
67. Bogdan Doc Reg. P. 151–152.
68. Acta et epistolae. P. 112–113, 126–128.
69. DR. II/3. P. 307–309.
70. DR. XV/1. P. 243.
71. Ștefănescu Șt. Bănia... P. 113.
72. Tocilescu. P. 257–258; Bogdan Doc Reg. P. 155; Dragomir S. Documente noua privitoare la relațiile Țării Românești cu Sibiu în secolii XV și XVI // Anuarul Institutului de istorie națională din Cluj. IV (1925–1926). P. 33–36.
73. DR. II/3. P. 361–363.
74. IȚR. P. 42.
75. DR. II/3. P. 375.
76. Quellen. S. 362; DR. XV/1. P. 254.
77. Nicolaescu DSR. P. 5; IȚR. 43.
78. Bogdan Doc Reg. P. 161.
79. Quellen. S. 425.
80. DR. II/5. P. 716; IȚR. P. 44.
81. Tocilescu. P. 266–267.
82. Pataki I. Atitudinea lui Radu de la Afumați și a lui Ioan Zápolya în ajunul luptei de la Mohacs // SUBB. 1967. Nr. 2. P. 13–26.
83. Quellen. S. 442; DRH. B. Vol. 2. P. 409–410; Palade T. Radu de la Afumați. Buc., 1939. P. 19–20.
84. Quellen. S. 443–452, 461; Studii și documente. III. P. LXXV.
85. Quellen. S. 513.
86. Acta et epistolae. P. 125.
87. Popescu. P. 43.
88. Bogdan Doc Reg. P. 227–228.
89. Tocilescu. P. 280–282.
90. Bogdan Doc Reg. P. 171.
91. Ibidem.
92. DR. XI. P. 847; DRH. B. Vol. 2. P. 423.
93. Nicolaescu DSR. P. 255.
94. Bogdan Doc Reg. P. 162–165.
95. Tezaur. T. III. P. 19–20.
96. DR. II/3. P. 484–488.
97. DR. VIII. P. 52.
98. Palade T. Radu de la Afumați. P. 44; Borza M. Haraclul... P. 28.
99. Nicolaescu DSR. P. 31; Tocilescu. P. 305–306.

100. Ștefănescu Șt. Bănia... P. 191.
101. Palade T. Radu de la Afumați. P. 54–55.
102. DR. II/3. P. 497–500.
103. Palade T. Radu de la Afumați. P. 55–56.
104. DR. II/3. P. 576.
105. Feneșan C. Legământul lui Radu de la Afumați față de Habsburgi // АИАС, 1980. P. 383–395; Об отношениях Габсбургов с валахскими и молдавскими господами см.: Стоу М. Diplomatiche Beziehungen zwischen den Habsburgern und den Hospodaren der Moldau und Walachei. Wien, 1968.
106. ІТР. P. 46; Таппе. P. 23–26.
107. Historia dyplomacji polskiej. W-wa, 1980. T. 1. S. 546–548.
108. РГАДА. Ф. 123. Кн. 2. Л. 65 об. – 66; Иск. I. С. 82; Сб. РИО. Т. 41. С. 399–400.
109. РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 239; Иск. I. С. 83; Doc Șt. P. 409–410.
110. Doc Șt. P. 413–414; Материалы. С. 180; Базилевич К. В. Внешняя политика... С. 462–463.
111. Doc Șt. P. 447–449; Материалы. С. 180–182.
112. РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 239.
113. Berza M. HaraciuL... P. 9.
114. Материалы. С. 195.
115. Цит. по: Ursu I. Istoria lui Ștefan cel Mare. Buc., 1925. P. 263.
116. РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 283.
117. DR. II/2. P. 20–21.
118. DR. II/1. P. 119–120, 126–128; DR. II/2. P. 549; Materialy. S. 127–128.
119. Materialy. S. 119–121.
120. Ibid. S. 123–127; Historia dyplomacji polskiej. S. 565–566.
121. DR. II/2. P. 585, 724–726.
122. Acta et epistolae. P. 76, 78–81.
123. DR. II/2. P. 548–553.
124. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 87; Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. С. 155.
125. DR. II/2. P. 588–593.
126. Acta et epistolae. P. 97.
127. Cr SR. P. 78; Marinescu J. Bogdan cel Orb. 1504–1517. Buc., 1910. P. 41–44.
128. DR. II/2. P. 588–589.
129. DR. II/2. P. 613–617; DR. Supl. II/1. P. 1.
130. Marinescu J. Bogdan cel Orb. P. 49–50.
131. DR. II/2. P. 623, 632, 636–646; II/3. P. 17, 65–67, 75.
132. Cr SR. P. 78, 182; Ureche. P. 141; Georgian P. Invaziunile tatarie în veacul al XV și în prima jumătate a veacului XVI // Convorbiri literare. 1926. P. 599.
133. DR. II/2. P. 618, 624, 638.
134. Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. С. 153.
135. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1888. С. 363, 375–378; Новичев А. Д. История Турции. Л., 1983. Т. 1. С. 91.
136. DR. II/3. P. 26; Iorga N. Chilia și Cetatea Albă. P. 179.

137. Marinescu J. Bogdan cel Orb. P. 62.
 138. DR. II/2. P. 641; II/3. P. 22; Iorga N. Chilla și Cetatea Albă. P. 282.
 139. DR. II/2. P. 638–647; II/3. P. 11–12, 15, 22.
 140. DR. II/2. P. 643–645.
 141. DR. II/3. P. 18–23.
 142. Ibid. P. 27; Iorga N. Chilla și Cetatea Albă. P. 180; Marinescu J. Bogdan cel Orb. P. 68.
 143. DR. II/3. P. 32–33; Gemil T. Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea // AIIA. IX (1972). P. 141.
 144. DR. II/3. P. 27, 34–36, 38.
 145. DR. II/3. P. 33–36; Gemil T. Din relațiile... P. 141.
 146. Об обосновании датировки письма см.: Gemil T. Din relațiile... P. 134–136.
 147. Текст письма опубликован ; Gemil T. Din relațiile... P. 141; перевод на русский язык: Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия... С. 58–59; См. также: Семенова Л. Е. Румынская историография о турецких документах по истории отношений Молдавского княжества с Османской империей в начале XVI в. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 75–76.
 148. Mehmet M. Doua documente turcești despre Neagoe Basarab // St. 1968. Nr. 5. P. 922–924.
 149. Текст документа и обоснование его даты см.: Ciuca M. Din relațiile cu Imperiul otoman în timpul domniei lui Bogdan al III-lea // RI. 1978. Nr. 7. P. 1253–1262; См. также: Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия... С. 61; Семенова Л. Е. Румынская историография о турецких документах... С. 78–80.
 150. Ciuca M. Din relațiile Moldovei cu Imperiul otoman... P. 1257–1258.
 151. DR. II/3. P. 46–47, 50–55, 64–66.
 152. Neagoe M. Contribuții la problema aservirii Moldovei față de Imperiul otoman. (Înțelegerea dintre Bogdan cel Orb și Selim din anul 1512) // St. 1964. Nr. 2. P. 319.
 153. Cr turc. I. P. 432, 467; См. также: Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия... С. 67.
 154. DR. II/3. P. 171; Verza M. Haracliu... P. 9.
 155. DR. II/3. P. 56, 63–64.
 156. DR. II/3. P. 94, 104, 185.
 157. Ibid. II/3. P. 72, 76–77, 84–85; Исв. I. С. 93.
 158. DR. II/3. P. 139–140, 148–151.
 159. История Венгрии. Т. I. С. 237.
 160. DR. II/3. P. 145–147, 155; Исв. I. С. 96–97.
 161. Наказы Сигизмунда I каменецкому кастеляну С. Ланчкоронскому о рассмотрении с представителями молдавского господаря пограничных конфликтов см.: DR. II/3. P. 157–160, 184.
 162. Charrière E. Négotiations... P. 63–68; Turcica. P. 63, 66.
 163. DR. II/3. P. 260–264, 287–293.
 164. Cr SR. P. 78–79; Constantinescu R. Documente ragusane în colecția de microfilme a arhivelor statului // RA. 1981. Nr. 1. P. 38; Ursu H. Moldova în contextul... P. 29–33.
 165. Acta Tomiciana. IV. P. 207.

166. Charrière E. *Négotiations...* P. 13–21.
167. DR. II/3. P. 303–307.
168. *Ibid.* P. 305.
169. *Ibid.* P. 321.
170. *Historia dyplomacji polskiej*. T. I. S. 638; Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. С. 143–144.
171. Charrière E. *Négotiations...* P. 85; Iogna N. *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Gotha, 1909. Bd. 2. S. 359, 373–374.
172. DR. II/3. P. 469, 475, 485.
173. Греков И. Б. Османская империя, Крым и страны Восточной и Центральной Европы в первой четверти XVI в. С. 145.
174. Török P. *L'Europe et le désastre Hongrois de 1526*. Br., 1929; Rajewski J. *Stosunki...* S. 35–40.
175. *Historia dyplomacji polskiej*. S. 639.
176. Paewski J. *Stosunki...* S. 45–47; *Historia dyplomacji polskiej*. S. 646–647; Базылев Л. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII в. М.*, 1979. С. 19.
177. DR. II/3. P. 493–495.
178. *Ibid.* P. 469–471, 485–487, 490–492, 527–528, 542; О внешней политике королевства Венгрии накануне битвы при Мохаче см.: Kupelwieser L. *Die Kämpfe Ungarns mit den Osmanen bis zur Schlacht bei Mohacs (1526)*. Wien, Leipzig, 1899; Kosary D. *Magyar külpolitika Mohács előtt*. Bp., 1978; Kubinyi A. *A mohácsi csata és előzményei // Századok*. 1981. Nr. 1.
179. Описание битвы при Мохаче: Kupelwieser L. *Die Kämpfe Ungarns...* S. 231–249; Bende L. *A mohácsi csata // Hadtörténelmi közlemények*, 1966. T. 13. Nr. 3, 532–567 l.
180. DR. II/3. P. 575; Подробно о подготовке султаном Сулейманом наступления в Европе см.: Kaldy-Nagy G. *Suleimans Angriff auf Europa // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1974. Nr. 2. P. 163–212.
181. CDM. P. 541–543.
182. Gemil T. *Din relațiile...* P. 136–138, 141–142.
183. CDM. P. 530–550; *Acta Tomiciana*. VI. P. 230–236; Ursu H. *Moldova în contextul politic european (1517–1527)*. Buc., 1972. P. 55–64.
184. Cr SR. P. 80; DR. II/3. P. 483.
185. Palade T. *Radu de la Afumați*. P. 52–53.
186. DR. II/3. P. 497–498, 516, 519.
187. *Acta Tomiciana*. VIII. P. 157–158.
188. DR. II/3. P. 537–538; Conduratu G. *Relațiile Țării Românești și Moldovei cu Ungaria până la anul 1526*. Buc., 1898. P. 261–262.
189. DAMȚ. P. 1–3.
190. Berza M. *Haraclul...* P. 10.
191. *Acta et epistolae*. P. 144–147, 150–152; Motogna V. *Relațiile dintre Moldova și Ardeal în veacul al XVI-lea. Dej*, 1928. P. 14–15; Grigoraș N. *Precursor al lui Mihai Viteazul // Petru Rareș*. Buc., 1978. P. 89–92.
192. DR. XV/1. P. 310–313.
193. DR. II/1. P. 36–66; *Historia dyplomacji polskiej*. S. 652–653.

194. Acta et epistolae. P. 189.
195. Ibid. P. 182–183, 200–201; Ursu I. Die auswärtige Politik des Peter Rares, Fürst von Moldau (1527–1538). Wien, 1908. S. 36–39; Gemil T. Românii și otomanii. P. 39.
196. DR. XV/1. P. 325–327, 329, 337–339, 341–342.
197. DR. XI. P. 32.
198. DR. II/3. P. 602–610; Iorga N. Polonais et Roumains. Relations politiques, économiques et culturelles. Buc., 1921. P. 31.
199. PГAДA. Ф. 389. Кн. 7. Л. 996–998; Исв. I. С. 100, 103; Сб. РИО. Т. 35. С. 768–769.
200. Исв. I. С. 101–102; Сб. РИО. Т. 35. С. 775–776, 779–785.
201. Исв. I. С. 104–105; Сб. РИО. Т. 35. С. 803, 810–812, 826, 833.
202. Doc turc. I. P. 16–17.
203. Panaitescu P. Petru Rareș și Moscova. Buc., 1934. P. 13.
204. Corfus I. Activitatea diplomatică în jurul conflictului dintre Rareș și Polonia // Rsl. X (1964). P. 320–321.
205. Acta Tomiciana. XIII. S. 48–50, 69–70, 90–91, 154, 187.
206. Ursu I. Die auswärtige Politik... S. 73–101.
207. Acta et epistolae. P. 228; Ursu I. Die auswärtige Politik... S. 93.
208. Acta Tomiciana. XIII. S. 16–19, 162–164, 312–315, 366–367; XIV. S. 116–117.
209. DR. XI. P. 32; Acta Tomiciana. XIV. S. 92–93, 685–686; XV. S. 63–68.
210. Clurea D. Relații externe ale Moldovei în secolul al XVI-lea. Considerații de ansamblu // AIIA, X (1973). P. 4–5; Gemil T. În fața impactului otoman // Petru Rareș. P. 145.
211. DR. Supl. II/1. P. 26, 68.
212. Acta Tomiciana. XVI/1. S. 853–855; Corfus I. Activitatea diplomatică... P. 336–338.
213. Acta Tomiciana. XV. S. 63–65.
214. DR. Supl. II/1. P. 57–59; Acta Tomiciana. XIV. S. 716–720.
215. Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия... С. 82–86.
216. Цит. по: Гонца Г. В. Указ. соч. С. 84.
217. Historia dyplomacji polskiej. S. 655–656.
218. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV–XVI вв. М., 1963. С. 289–290.
219. ПСРЛ. Т. VIII. С. 281; См. также: Т. XX. Ч. 2. С. 414; Т. XIII. Ч. I. С. 66–67.
220. ПСРЛ. Т. XX. Ч. 2. С. 416.
221. Acta Tomiciana. XV. S. 63–68; Katalog dokumentów tureckich. W-wa, 1959. T. 1. Nr. 30.
222. Acta Tomiciana. XV. S. 853–855; Corfus I. Activitatea diplomatică... P. 336–338.
223. Acta Tomiciana. XVI/2. S. 119–128, 231–232.
224. DR. Supl. II/1. P. 82–84, 87.
225. Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. S. 377–384; Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 169.
226. Decei A. Aloisio Gritti în slujba sultanului Soliman Kanuni după unele documente turcești inedite (1533–1534) // SMIM. VII (1974). P. 108–109; Simionescu Șt. Noi date despre situația internă și externă a Moldovei în anul 1538

Intr-un izvor inedit // St. 1972. Nr. 2. P. 227.

227. Gevay A. Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte der Verhältnisse zwischen Osterreich, Ungarn und der Pforte im XVI–XVII. Jahrhunderte. Wien, 1838. Bd. 3. S. 11.

228. DR. II/1. P. 91–93.

229. Ibid. P. 119–168; Tappe. P. 24.

230. Сб. РМО. Т. 59. С. 58–60.

231. РГАДА. Ф. 389. Кн. 590. Л. 174–178 об.; Исв. I. С. 108.

232. Сб. РМО. Т. 59. С. 117–118.

233. Călători străini despre Țările române. Buc., 1968. Vol. 1. P. 376–377.

234. Documente privitoare la istoria românilor. Culese de A. Ciorănescu. Buc., 1940. P. 17–18; Ciorănescu A. Petru Rareș și politica orientală a lui Carol Quintul // AAR. T. XVII (1933–1936).

235. Palombini B. Bündniswerben abendländischen Mächte um Persien, 1453–1600. Wiesbaden, 1968. Bd. 1.

236. История Венгрии. Т. I. С. 305–306.

237. DR. Supl. II/1. P. 105–110; Ursu I. Die auswärtige Politik... S. 150–151.

238. Советов П. В. Исследования... С. 241–242.

239. Cr. turc. I. P. 267, 269; Gemil T. Agresiunea otomano-tataro-poloneză și căderea lui Petru Rareș // Petru Rareș. P. 154–155.

240. Simionescu Șt. Relațiile Internaționale ale Moldovei în timpul domniei lui Petru Rareș // RI. 1977. Nr. 1. P. 103.

241. DR. II/1. P. 197–206; Tezaur. III. P. 162–163; Cr. SR. P. 79; Stănescu E. Le coup d'Etat nobiliaire de 1538 et son rôle dans l'asservissement de la Moldavie par l'Empire Ottoman // Nouvelles études d'histoire. Buc., 1955; Gemil T. Agresiunea otomano-tataro-poloneză. P. 157–158.

242. Guboglu M. Inscricția sultanului Soliman Magnificul în urma expediției în Moldova (1538/945) // St. 1956. Nr. 2–3. P. 111; Gemil T. Români și otomanii. P. 40–43.

243. Berza M. Haraciul... P. 10–11.

244. Simionescu Șt. Relațiile Internaționale... P. 104–105.

245. Семенова Л. Е. Взаимоотношения Дунайских княжеств с Османской империей в XVI в. // Османская империя и страны... С. 194–195.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. DR. IV/2. P. 141; Matei I. Quelques problèmes concernant le régime de la domination ottomane dans les pays roumains // RESEE. 1973. Nr. 1. P. 89.

2. Panaitescu P. De ce n-au cucerit turcii Țările Române // Revista Fundațiilor. 1944. Nr. 5. P. 293–304; Idem. Introducere la istoria culturii românești. Buc., 1969. P. 22.

3. Berza M. Haraciul... P. 9–10, 27–28; Gemil T. Români și otomanii. P. 211–217.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
--------------------	---

Глава I

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В СИСТЕМЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Проблема "капитуляций" в историографии . . .	11
2. Происхождение "капитуляций". Источнико- ведческий анализ их текстов.	24

Глава II

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XIV-XV В.

1. Установление вассальной зависимости Валахии от Порты.	63
2. Внешнеполитическое положение Молдавского княжества в условиях османской экспансии во второй половине XV в.	79

Глава III

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОРТЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

1. Усиление османского влияния в Валахии . . .	119
2. Установление вассальной зависимости Мол- давского княжества от Османской империи . . .	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	159
Список сокращений.	168
Примечания.	170

Л. Е. Семенова

**ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(конец XIV – первая треть XVI в.)**

**Книга и ее оригинал-макет
подготовлен
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН**

**Обложка (компьютерное обеспечение) –
работа М.И.Леньшиной**

**Лицензия на издательскую деятельность
Л – Р – № 090063 от 15 октября 1993 г.
Издательский код 7Э8 [03]**

Подписано в печать 20.09.94. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 200 экз.
Заказ № 44. Цена договорная
